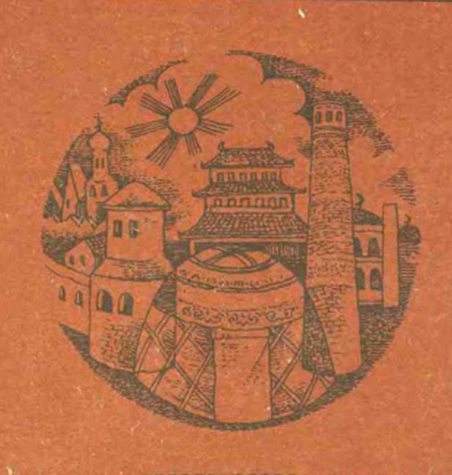
КИРГИЗЫ

С. М. Абрамзон

Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи

С. М. Абрамзон

Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи

ФРУНЗЕ
«КЫРГЫЗСТАН»
1990

ББК 63.5
Л 16

Текст печатается по изданию:

С. М. Абрамзон. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. — Л.: Наука, 1971

Автор вступительной статьи академик АН Киргизской ССР С. Т. Табышалиев

Абрамзон С. М.

А 16 Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи /Авт. вступ. ст. С. Т. Табышалиев. — Ф.: Кыргызстан, 1990. — 480 с.
ISBN 5-655-00518-2

Автор, известный советский этнограф, тюрколог, киргизовед С. М. Абрамзон на основе обобщения и анализа данных, относящихся к различным явлениям этнической истории, быта и культуры киргизского народа, рассмотрел пути, по которым шло формирование этнического и культурного облика киргизов. Исследуются этногенетические связи с другими народами.

А $\frac{0503020911-16}{М 451 (11)-90}$ 17—90 **ББК 63.5**

ISBN 5-655-00518-2

НЕУТОМИМЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

История Средней Азии, в том числе и Киргизии, длительное время оставалась вне поля зрения ученых Европы. В середине прошлого века путешественники России, составляя карту Туркестанского края, шутя говорили, что цивилизованный мир знает о Луне больше, чем об этой загадочной стране. Дело в том, что западноевропейским буржуазным историкам всегда было свойственно в большей или меньшей степени пренебрежительное отношение к «дикому Востоку». Обращая на это внимание, академик В. В. Бартольд утверждал, что точка зрения западноевропейских ученых в основном сводилась к тому, что «народы Востока не имеют и никогда не имели истории в европейском смысле слова и поэтому методы изучения истории, выработанные историками к истории Востока неприемлемы»[1].

Однако подлинное научное и систематизированное изучение Киргизии началось только после Великой Октябрьской социалистической революции, когда среди других социальных преобразований в крае стала осуществляться культурная революция.

Среди исследователей истории Киргизии особое место занимает С. М. Абрамзон. В отличие от других ученых Москвы, Ленинграда и других научных центров страны он всю свою жизнь посвятил изучению самых различных проблем истории горного края и его народов.

С. М. Абрамзон принадлежит к той плеяде ученых, усилиями которых была создана советская школа в этнографии. Трудно переоценить значение его научных исследований для создания объективной истории народов Средней Азии, Казахстана, Алтая, Южной Сибири. Глубина постановки научных проблем, широкая эрудиция, всестороннее знание особенностей культуры и быта народов этих регионов позволили ему вникнуть и понять сложность и многообразие этнических процессов, протекающих с древности до этнографической современности.

Фундаментальные научные разработки С. М. Абрамзона в области истории и этнографии киргизского народа легли в основу этнографии киргизского народа. В своих монографиях и многочисленных статьях С. М. Абрамзон освещает как вопросы исторической этнографии, так и социалистического преобразования культуры и быта киргизского народа в советский период.

Саул Матвеевич Абрамзон родился 5 июля 1905 года в г. Дмитровское бывшей Орловской губернии в семье ремесленника — часового мастера. В 1922 году окончил Советскую школу II ступени. В годы учебы принимал участие в работах профессиональной и комсомольской организаций. В 1922 году поступил в Ленинградский сельскохозяйственный институт, из которого в 1924 году перешел на этнографическое отделение географического факультета Ленинградского государственного университета, где специализировался по турецкому циклу. Руководителями его были такие выдающиеся этнографы, тюркологи, как А. Н. Самойлович и С. Е. Малов. В студенческие годы С. М. Абрамзон совершил две этнографические поездки: в 1924 г. в Пошехоно-Володарский уезд Ярославской губернии и в 1925 г. в Каракольский округ Киргизской Автономной области. В 1926 г. по приглашению Киргизской Научной Комиссии и с согласия Президиума факультета выехал на работу в Киргизию, хотя и был намечен в аспирантуру по кафедре турецкой этнографии. С этих пор вся научная и педагогическая жизнь С. М. Абрамзона была связана с Киргизией. Начал он свою трудовую деятельность в качестве научного сотрудника областного музея в г. Фрунзе, затем по 1928 г. заведовал Государственным музеем. С октября по ноябрь 1928 г. работал в качестве заместителя директора Киргизского научно-исследовательского Института при Совете Народных Комиссаров (СНК) Киргизской Автономной республики, одновременно руководя секцией «Человек» института, был ученым хранителем государственного музея, исполнял обязанности директора, а с января 1931 г. назначен директором Института краеведения при Наркомпросе Киргизской АССР. В этом же году С. М. Абрамзон переехал на постоянное местожительство в г. Ленинград, где он до конца своих дней работал в секторе этнографии народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа Ленинградской части Института этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР. На него были возложе-

ны обязанности редактора Среднеазиатского тома четырехтомного капитального этнографического труда «Народы СССР».

С. М. Абрамзон — член Коммунистической партии с 1927 г. С его именем связано начало систематического и целенаправленного сбора материалов по истории, этнографии киргизского народа, а также коллекций для создаваемого исторического музея. Говоря о первых этнографических экспедициях в советское время, следует отметить, что поездки связаны с именами талантливых этнографов Н. П. Дыренковой[2] и Ф. А. Фиельструпа[3]. Однако, если первая впоследствии стала крупным исследователем этнографии, фольклора, языкознания народов Южной Сибири, то жизнь второго трагически оборвалась в 1933 г. и многое задуманное им по этнографии киргизского народа не осуществилось (к счастью, сохранился его архив).

Заслуги С. М. Абрамзона перед исторической наукой Киргизии огромны. Почти все этнографические экспедиции в Киргизии начиная с 1926 до конца 50-х годов связаны с его именем. В характеристике, подписанной заместителем директора института, доктором исторических наук Н. Степановым от 1944 года, говорится о том, что «с 1944 года С. М. Абрамзон работает по совместительству в Институте языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР, где под его руководством развертывается работа по этнографическому изучению Киргизии и по подготовке кадров этнографов». Он также неоднократно читал курс лекций по этнографии Киргизии для студентов-историков и географов Киргизского Государственного педагогического института в г. Фрунзе (ныне Киргизский государственный университет). В его экспедициях прошли школу полевого сбора и изучения исторических материалов многие историки, впоследствии ставшие крупными учеными и организаторами науки. Весомый вклад внес С. М. Абрамзон в подготовку кадров этнографов. Среди его учеников — Т. Дж. Баялиева, А. Алымбаева, К. Мамбеталиева и др.[4] Он оказывал постоянную помощь, консультировал, редактировал работы кандидатов исторических наук К. И. Антипиной, А. Ф. Бурковского, И. Т. Айтбаева. Это дало возможность создать в 1966 г. отдельное научное подразделение в структуре Института истории Академии наук Киргизской ССР — сектор (с 1989 г. отдел) этнографии. С. М. Абрамзон всегда интересовался работой

этого сектора: следил за научными разработками, консультировал сотрудников, давал советы. Свидетельство тому его эпистолярное наследие — письма полные забот о состоянии и перспективах развития этнографической науки в Киргизии[5]. Он оставил огромное научное наследие: опубликованные монографии, статьи, рецензии. В Институте истории АН Киргизской ССР хранятся многочисленные рукописи ученого: неопубликованные работы, переписка, рецензии, которые изучаются молодыми киргизскими историками, готовятся к публикации.

Научное наследие С. М. Абрамзона, можно безо всякого преувеличения сказать, вошло в золотой фонд киргизской советской исторической науки. Он своими трудами, неутомимой пропагандой исторического и культурного наследия киргизского народа, хорошими человеческими качествами снискал к себе уважение коллег, учеников. Диапазон научных проблем, которыми занимался С. М. Абрамзон, весьма широк и охватывает почти все вопросы этнографии киргизского народа.

Ведущее место среди них занимают исследования по дореволюционному общественному строю, семье и браку у киргизов. Многие из этих работ написаны с использованием обширного круга сравнительных данных, в теоретическом плане и по своему значению выходят за рамки Среднеазиатской этнографии. В частности, в его трудах подверглись глубокой разработке некоторые вопросы патриархально-феодальных отношений, проблема патриархального общинного уклада и родоплеменная организация киргизского общества.

Важным аспектом исследований С. М. Абрамзона являлась проблема этногенетических и историко-культурных связей киргизов с народами Средней Азии, Южной Сибири и Центральной Азии. Сюда относятся разрабатывавшиеся им вопросы истории форм хозяйственной деятельности киргизов и их материальной культуры. Некоторые его работы в этом же плане посвящены исследованию обычаев, обрядов и верований киргизов, в частности, пережитков анимизма, шаманства, архаических культур, нашедших отражение и в погребальных обрядах, в церемониях, посвященных рождению, браку и другим важнейшим событиям народной жизни.

Существенный вклад в разработку этнографических проблем внесла первая большая этнографическая экспедиция в Тянь-Шаньскую область. Она была организована в 1946 году Институтом этнографии совместно с

Киргизским филиалом Академии наук под руководством С. М. Абрамзона. Были собраны обширные научные материалы и большие этнографические коллекции. В 1947 г. Абрамзоном были продолжены его экспедиционные работы в Ошской области Киргизской ССР. Результаты этих экспедиций нашли отражение в печати.

Во всех экспедициях он проявлял скрупулезность и умение собрать этнографические материалы до тончайших деталей. Как отметил академик Б. Юнусалиев в своем отзыве на его диссертацию «Киргизы...» «если бы не усилия С. М. Абрамзона, многие материалы этнографического порядка были бы утрачены для науки. Так, например, ему удалось выудить материал у последнего шамана-киргиза».

Значительное место в исследованиях С. М. Абрамзона занимала проблема этногенеза и этнической истории киргизского народа — сложный и во многих отношениях запутанный вопрос в историографии Киргизии. Сложность этого заключается в том, что историческими источниками засвидетельствовано существование двух этнических общностей с одним и тем же этнонимом «кыргыз» — на Енисее в более ранний период и в более поздний — в восточной части Средней Азии, в горах Тянь-Шаня и Памиро-Алая, т. е. в основном в пределах современной территории Киргизии. Историография этой проблемы насчитывает несколько десятков работ. Первые попытки изучить этническую историю киргизов начались еще со второй половины XVIII в. усилиями русских ученых. В советское время их труды были продолжены В. В. Бартольдом[6], Г. Е. Грум-Гржимайло[7], А. Н. Бернштамом[8] и другими исследователями. Однако отсутствие широкого комплекса разнообразных источников в определенной мере затрудняло решение проблемы этногенеза киргизского народа. Новым этапом в разработке этой проблемы явились изыскания, развернувшиеся в 1950-х гг., в особенности работы Киргизской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР и его Киргизского филиала в 1953—1955 гг. Существенное значение имели и переводы извлечений на русский язык исторических и географических сочинений восточных авторов о киргизах и Киргизии. С. М. Абрамзон участвовал в экспедициях и был начальником этнографического отряда экспедиции.

Концепция С. М. Абрамзона о происхождении киргизского народа была обобщена в его фундаменталь-

ном труде «Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи». В основных чертах она сводится к следующему: основу киргизской народности, складывавшейся в XIV—XVIII вв., составили: а) местные, издавна обитавшие здесь тюркоязычные племена, часть которых по своему происхождению, вероятно, восходит к племенам эпохи тюркских каганатов, уйгурского и кыргызского государств, а также Караханидского государства (конец X—XII вв.), в том числе карлукско-уйгурское наследие; б) группа пришлых, в основном тюркоязычных, племен южносибирского и центральноазиатского происхождения, передвинувшихся на территорию Центрального и Западного Тянь-Шаня и Памиро-Алая с севера-востока и востока; в) племена Монгольского и Казахско-ногайского происхождения[9]. Таким образом С. М. Абрамзон больше многих других авторов связывает процесс сложения киргизской народности с нынешней территорией его обитания и постоянно подчеркивает преимущественное участие в нем древних аборигенных племен.

Следует подчеркнуть, что эта проблема и сегодня занимает центральное место в исторических исследованиях Института истории АН Киргизской ССР. Сегодня вместе с Институтом языка, истории и философии Сибирского отделения АН СССР разработана комплексная программа «Этногенез и культурогенез киргизского народа» — исследование проблем происхождения и формирования культуры киргизского народа.

Тем не менее разработка этого вопроса С. М. Абрамзоном остается пока одной из наиболее убедительных, так как основана на совокупности исторических, этнографических, антропологических, лингвистических источников. Исследования этногенетических и историко-культурных связей киргизов с народами Средней Азии, Южной Сибири и Центральной Азии в значительной степени подтвердили его выводы. Они нашли отражение и в последнем (четвертом) издании «Истории Киргизской ССР». (1984 г.)

Особое место в трудах С. М. Абрамзона занимает разработка вопросов этнографического изучения современности преобразования хозяйства, культуры, быта, брачно-семейных отношений народов Средней Азии и Казахстана в советское время. В частности, он был руководителем и одним из основных авторов коллективного труда о культуре и быте киргизского колхозного

крестьянства[10]. В нем на основе детального стационарного исследования двух сел — Дархан и Чычкан, расположенных в Восточной части Иссык-Кульской области, были показаны изменения, происшедшие в жизни народа за четыре десятилетия социалистических преобразований. Новые формы коллективного труда, общественных отношений, в том числе установление фактического равноправия между мужчинами и женщинами стали мощными факторами преобразования всех сторон жизни народа.

Авторы коллективной монографии, написанной под руководством С. М. Абрамзона на основе конкретного материала, сумели раскрыть реальную картину глубинных изменений культуры и быта народа, показать уровень обновления и степень сохранности традиций. Этот труд стал историко-этнографическим срезом одного из этапов исторического и культурного развития киргизского народа в советское время.

С. М. Абрамзон так же, как и многие его предшественники, уделял большое внимание изучению фольклора киргизского народа как этнографического источника. Особенно его привлекал монументальный памятник устного народного творчества — героический эпос «Манас». Предпринятое С. М. Абрамзоном исследование некоторых этнографических сюжетов, содержащихся в эпосе, показало, что они позволяют осветить многие стороны истории народного быта и мировоззрения киргизов. К числу исследованных сюжетов относятся: социальные отношения, пережиточные формы древних семейно-брачных институтов, мифологические сюжеты, погребальные и другие обряды, восходящие к кругу магико-анимистических представлений, шаманский культ, ономастика и др. С. М. Абрамзон высказал вполне обоснованно, что часть описываемых в «Манасе» событий является художественным отображением отдельных этапов истории киргизской народности в XV—XVIII веках.

С. М. Абрамзон выдвинул задачу освоения и исследования замечательного памятника киргизской культуры — эпоса «Манас», как одну из важнейших задач этнографической науки Киргизии.

Итогом многолетних исследований истории и этнографии киргизского народа стала упомянутая фундаментальная монография «Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи», вышедшая в 1971 г. Ранее, 28 мая 1968 г., на базе этого исследования

С. М. Абрамзон успешно защитил докторскую диссертацию[11].

После выхода книги в свет за сравнительно короткое время на страницах общественных и республиканских периодических изданий монография получила ряд положительных отзывов и была оценена научной общественностью как крупный вклад в изучение этнографии тюркских народов. К примеру, доктор исторических наук Р. Г. Кузеев в своем отзыве на эту работу отмечал: «По широте охвата темы, тщательной разработанности огромного круга этнографических источников, оригинальности и доказательности выводов книга С. М. Абрамзона, безусловно принадлежит к числу ценнейших тюркологических работ». С. М. Абрамзон получил ряд писем от видных советских и зарубежных ученых, деятелей культуры, одобряющих его труд. Среди них академик АН СССР А. П. Окладников, академик АН Киргизской ССР К. К. Юдахин, д. и. н. К. У. Усенбаев, известный венгерский тюрколог, профессор Ю. Немет, писатель Ч. Айтматов и др.[12]

Однако на фоне всей этой совокупности положительных отзывов о книге диссонансом прозвучала рецензия группы историков Киргизии — академика АН Киргизской ССР С. И. Ильясова, члена-корреспондента АН Киргизской ССР А. Г. Зимы, кандидата исторических наук К. К. Орозалиева — «Оценивать прошлое с партийных позиций (о некоторых ошибках в освещении истории и этнографии киргизского народа)», опубликованная в газете «Советская Киргизия» 28 февраля 1973 г. (почти через два года после появления книги). Вскоре после этого книга С. М. Абрамзона была раскритикована на республиканском партийном активе, где тогдашний первый секретарь ЦК КП Киргизии Т. У. Усубалиев обвинил автора в идейно-политических и методологических ошибках. Таким образом итог многолетних исследований талантливого этнографа — монография оказалась в опале, а сам автор вместо почета и общественного признания (хотя в научном мире он был общепризнанным киргизоведом) со стороны народа, изучению истории и культуры которого посвятил всю жизнь, со стороны республики, в культурном строительстве которой с молодого возраста принимал самое активное участие, встретил дружное молчание.

Переписка С. М. Абрамзона со своими учениками, с коллегами в республике, с которыми поддерживал доб-

рые отношения, полны драматизма. С разрешения владельцев приведем несколько выдержек из его писем, которые наглядно свидетельствуют о положении ученого в последние годы жизни. С. М. Абрамзон с болью в сердце и страданием писал: «...факт такого пренебрежения к одному из старейших киргизоведов со стороны руководящих органов Киргизии не имеет прецедента. Я воспринял это, и не мог воспринять иначе, как смертельное оскорбление, как издевку над всеми своими трудами, направленными на развитие киргизской культуры», и далее — там же: «самое главное в том, что многолетний труд не нашел в Киргизии подлинного общественного признания. Согласитесь сами, что не так просто пережить эту тяжелую травму. Хуже всего однако, то, что «подсудимому» остается неизвестным то, в чем его «обвиняют» ...в чем же дело?» Из писем киргизскому этнографу, своей ученице Т. Дж. Баялиевой: «... и Вы оказались бессильны противостоять этой трудно объяснимой истории, поднявшейся вокруг моей книги. При сложившейся ситуации у меня не оставалось никакого другого выхода, кроме принятия решения о полном разрыве каких бы то ни было связей с Киргизией, и прежде всего с АН Киргизской ССР. Те, кто был в этом по тем или иным причинам заинтересован, сделали все необходимое, чтобы выбросить меня и мои труды как ненужный хлам на свалку! Но дело не только во мне, хотя я, как мне казалось, заслуживал совершенно противоположного отношения..., а в том, что «деятели» исторической науки в Киргизии поставили и самих себя, и науку в нелепое, смешное положение, в **положение изоляции** (здесь и далее подчеркнуто самим С. М. Абрамзоном — *С. Т.*) Каждый, кто прочтет рецензию в СК. (Сов. Киргизия — *С. Т.*) от 28.11 и рецензии в «Советской этнографии», в «Известиях АН Казахской ССР», в «Общественных науках в Узбекистане», в «Советской тюркологии» поймет, на чьей стороне истина, и на каких **антиисторических** позициях оказались лица, носящие титулы и звания, но, оказавшиеся несостоятельными в оценке труда, для суждения о котором они не **обладают необходимой компетенцией...»**

Что же послужило причиной негативного отношения к труду С. М. Абрамзона со стороны крупных историков Киргизии (заметим, что все-таки была одна положительная рецензия Д. Айтмамбетова), а также тогдашнего руководства республики? Вряд ли мы так ско-

ро узнали бы всю эту трагическую историю, если бы не подул свежий ветер перемен в нашей стране, начатый апрельским (1985 г.) Пленумом ЦК КПСС. Именно перестройка, гласность открыли путь к самоочищению от всего наносного, вредного, что накопилось за годы культа личности и застоя. Ставятся точки над і по многим вопросам, в большинстве случаев добро торжествует над злом. Нам кажется, что должна быть поставлена окончательная точка и в отношении научного творчества С. М. Абрамзона вообще и в отношении его крупных монографий — «Очерк культуры киргизского народа» и «Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи» в частности.

История эта имеет начало еще с 1947 г. В 1946 г. вышла первая монография С. М. Абрамзона «Очерк культуры киргизского народа» — первая попытка дать картину развития культуры киргизского народа с конца XIX века до 40-х годов XX в. Она была заметным явлением в культурной и научной жизни республики того времени и была встречена общественностью очень тепло. Однако через год, 14 октября 1947 года в газете «Сов. Киргизия» (все та же газета) появилась статья тогдашнего секретаря ЦК КП (б) Киргизии по пропаганде К. Орозалиева (и тот же автор) под названием «Очередные задачи в развитии исторической науки и литературоведения в Киргизии», в которой хотя и отмечаются положительные стороны монографии, однако в основном она содержит негативный характер. По его мнению С. М. Абрамзон неправильно оценивает факт присоединения киргизского народа к Российской империи, якобы не показывает главного положительного момента этого исторического события — сближения с революционным русским народом, умалчивает о роли партии, Советов, ошибочны оценки акынов — «заманистов», а также Токтогула и Тоголок Молдо и т. д. и т. п. Конечно, нельзя сказать что «Очерк»... лишен недостатков, упущений, ошибочных суждений. Но перечисленные претензии автора статьи носят скорее всего дискуссионный характер, нежели ошибочный. Сложность и неоднозначность исторического процесса после присоединения Киргизии к России и до 1917 года и сегодня вызывают жаркие дискуссии среди историков. А что касается творчества акынов — «заманистов» Калыгула, Арстанбека и Молдо Кылыча, то это культурное наследие пересматривается под новым углом зрения. Есть первые

положительные результаты: постановлением Бюро ЦК КП Киргизии от 4 января 1989 года реабилитирован Молдо Кылыч Шамыркан уулу, выдающийся акын-письменник и рекомендовано всестороннее исследование его творчества.

Теперь о рецензии на вторую книгу С. М. Абрамзона.

Основные замечания авторов рецензии заключаются в том, что, по их мнению, С. М. Абрамзоном допущены «серьезные идейно-политические ошибки», которые снижают научный и воспитательный уровень работы. «Наряду с правильными суждениями и выводами,— пишут они,— в книге есть явно ошибочные суждения». С. М. Абрамзона обвиняют в том, что он в данной монографии «игнорирует те колоссальные изменения в этнографическом облике киргизов, которые произошли за годы советской власти», «преувеличивает роль родоплеменных пережитков в современной жизни киргизов», что он «пошел по ложному пути дробления киргизского народа на многочисленные ветки самых различных родов и племен», и делают из этого вывод, что «такого рода публикации явно не способствуют монолитности киргизской нации, укреплению дружбы между нациями».

Вскоре после появления рецензии была создана комиссия Института этнографии АН СССР по рассмотрению книги С. М. Абрамзона, которая состояла из крупных и компетентных специалистов по истории и этнографии народов Средней Азии и Казахстана. Комиссия, внимательно рассмотрев все положения книги по критическим замечаниям, дала заключение (на 22 стр.). Ниже приведем общие выводы комиссии с некоторыми сокращениями.

1. Книга С. М. Абрамзона, представляющая собой капитальный труд, итог многолетних изысканий одного из виднейших этнографов нашей страны, написана на высоком научно-теоретическом уровне. Ее отличает последовательное соблюдение принципов историзма. Этнографические явления изучаются автором в тесной связи с социально-экономическими факторами, составляющими основу общественного развития.

Мы вполне согласны с теми многими историками, археологами, этнографами и филологами, которые высоко оценивают значение книги С. М. Абрамзона и отмечают в своих отзывах, что она является крупным вкладом в изучении этнической истории и истории формиро-

вания культуры не только киргизского, но и целого ряда других тюркских народов.

2. Комиссия считает научно необоснованной ту часть критических замечаний авторов рецензии, которая связана с проблемами этнической истории киргизского народа. Точка зрения автора книги нам представляется более убедительной, чем доводы сторонников глубокой автохтонности киргизского этногенеза и их попытки определить «собственную» территорию формирования киргизской народности, ограниченную пределами современной территории республики.

3. На современном этапе всестороннего развития киргизской социалистической нации вряд ли уместно предполагать возможность отрицательного идеологического влияния научных изысканий в области этнической истории и изучения в связи с этим уже давно ушедших в прошлое архаических реликтов родоплеменных структур. Авторы рецензии в своих высказываниях по этому поводу, на наш взгляд, чрезмерно преувеличивают значение и место остатков родоплеменных традиций в этническом самосознании современного образованного, культурного населения социалистической Киргизии.

4. Комиссия считает, что книга С. М. Абрамзона содержит также и ряд недостатков; часть критических замечаний рецензентов следует признать справедливым.

5. Комиссия считает, что в рассматриваемой рецензии справедливо уделено определенное место положительным суждениям о книге С. М. Абрамзона. В ней имеется также ряд правильных критических замечаний. Однако наряду с этим весьма заметна и склонность рецензентов к преувеличению отдельных, даже несущественных недостатков, допущенных автором явных редакционных погрешностей; в рецензии, как было показано, наблюдаются случаи критики фраз, вырванных из контекста, что искажает смысл и значение высказываемых автором мыслей и формулировок.

6. Комиссия считает совершенно неправильным заглавие, заведомо дискредитирующее автора, приписывающее ему без должных оснований для этого, отступление от партийных позиций в оценке исторического прошлого.

7. Научно-политическая направленность книги С. М. Абрамзона не только не противоречит задачам воспитания интернационализма, а напротив, может быть

широко использована в этих целях. Выявленные автором книги многовековые этногенетические и историко-культурные связи киргизов с целым рядом соседних народов свидетельствуют и о глубоких исторических корнях тех черт общности, которые (наряду с национально особенным) наблюдаются в культуре, быту, языке, народном искусстве у киргизов с алтайцами и тувинцами, казахами, каракалпаками, узбеками и другими народами братских республик Советского Востока. Эти вновь открытые автором книги исторические факты должны послужить ценным материалом для пропаганды в Киргизии и других республиках Средней Азии идей дружбы народов.

Однако это заключение комиссии нигде не было опубликовано и с его выводами широкая общественность была не ознакомлена. Причиной тому тогдашняя обстановка в общественно-политической жизни страны, когда начисто отрицался плюрализм мнений, практиковалась односторонняя критика, совершенно не допускалась критика официальной политики.

В это тяжелое для С. М. Абрамзона время нашлись люди, которые поддерживали его, высказывали слова благодарности за его труд. В его личном архиве хранится письмо писателя Чингиза Айтматова. Приведем его полностью: «Уважаемый Саул Матвеевич! Еще до того, как Вы прислали мне свою книгу «Киргизы», я ее приобрел и прочитал отложив все остальные дела. Для меня было приятной неожиданностью получить вслед за этим такую же книгу с Вашей дарственной подписью.

Прежде всего извините за то, что я так долго отвечал на Ваше письмо. Все собирался, а время шло...

Саул Матвеевич, я глубоко убежден, что Ваша книга имеет для нас, современных киргизов, большое научное и культурное значение. Лично я Вам благодарен и признателен за этот отличный труд — я обнаружил в нем для себя много познавательных вещей.

Единственное, в чем я не могу с Вами согласиться, это датировка периода формирования киргизского народа, как этнической общности. XVIII век для народа это всего лишь вчерашний день. Тогда как, судя даже по «Манасу», по его архаичному содержанию, киргизы очень давно бытующая, сложившаяся группа древних тюрок.

Что касается статьи в «Сов. Киргизии», то я думаю

она нисколько не умалит значение Вашего труда. Бог с ней... Не огорчайтесь.

Саул Матвеевич, есть у киргизов странная на первый взгляд поговорка или вернее пословица: «Если умер твой отец, пусть дольше живут люди, знавшие его». Смысл этих слов в данном случае еще раз подтверждается — спасибо Вам за теплые воспоминания о моем отце. Будьте здоровы, Саул Матвеевич, и не забывайте, что киргизская интеллигенция Вас уважает и ценит, как своего человека и пытливого, талантливого исследователя.

Чингиз Айтматов. 10. 03. 73 г.»

Близко знавшие С. М. Абрамзона люди утверждают, что он был очень тронут вниманием всемирно известного писателя Ч. Айтматова.

Виднейший ученый этнограф, тюрколог, один из крупных киргизоведов, внесший большой вклад в изучение истории и культуры киргизского народа Саул Матвеевич Абрамзон ушел из жизни в расцвете творческих сил, так и не дождавшись официального общественного признания своих заслуг на поприще культурного строительства Киргизии. Правда, С. М. Абрамзон был отмечен в связи с 20-летием Киргизской ССР орденом «Знак почета», однако его научные разработки не были должным образом оценены в нашей республике.

Предворяя новое издание капитального труда С. М. Абрамзона вступительным словом, хочется сказать, что само это решение — есть первый шаг в признании заслуг С. М. Абрамзона перед Киргизией и киргизским народом и надеемся, что книга будет встречена читателями тепло. С другой стороны, первое издание книги давно стало библиографической редкостью (выпущено было тиражом всего 2200 экз.), а спрос на эту книгу огромный.

Желаем читателю благодатного соприкосновения с трудом С. М. Абрамзона — большого друга киргизского народа, видного советского этнографа-киргизоведа.

Академик АН Киргизской ССР,
С. Т. Табышалиев

ВВЕДЕНИЕ

Один из крупнейших советских востоковедов — акад. В. В. Бартольд отнес киргизов к числу древнейших народов Средней Азии[1]. И действительно, уже более двух тысяч лет тому назад в письменных источниках начали встречаться этнонимы и топонимы, так или иначе сближаемые с территорией и этническими общностями, имеющими прямое либо косвенное отношение к далеким предкам современного киргизского народа.

Древность происхождения киргизов, их трудные и сложные исторические судьбы, своеобразная культура, синтезировавшая достижения центральноазиатских и среднеазиатских цивилизаций, которая увенчана созданием такого памятника мирового значения, как народный героический эпос «Манас»,— все это вызывало и вызывает огромный интерес к проблемам киргизоведения со стороны гуманитарных наук, и в том числе этнографии.

Изучение киргизов в этнографическом отношении начало развиваться в XIX в., особенно во второй его половине. Из источников первой половины и середины XIX в. для этнографического киргизоведения представляют интерес записки участника русской военно-дипломатической миссии лекаря Зибберштейна (1825 г.)[2], а также ценные сведения о киргизах, собранные первыми учеными-путешественниками на Тянь-Шань — П. П. Семеновым-Тянь-Шанским[3] и Чоканом Валихановым[4].

Киргизы становятся объектом пристального этнографического изучения после добровольного вхождения Киргизии в состав России. К сожалению, в большинстве своем этнографические материалы собирались людьми либо малоподготовленными, либо лишенными возможности производить систематические наблюдения быта и культуры киргизов. Чаще всего они имели случайный, поверхностный характер, в них фиксировались отрывочные, изолированные факты. Однако благодаря сравнительно небольшому числу трудов русских ученых

и объективных наблюдателей были заложены основы для последующих, более углубленных этнографических исследований. Среди них могут быть названы труды В. В. Радлова, Н. А. Северцова, М. И. Венюкова, Г. С. Загряжского, Н. И. Гродекова, Н. А. Аристова, Ф. В. Пояркова.

Относительно лучше других были освещены такие вопросы, как родоплеменное деление, отдельные стороны хозяйственного быта, социальных отношений, религии, фольклор. Крайне фрагментарны сведения по материальной культуре, семейно-брачным отношениям, пережиткам патриархально-общинного уклада, прикладному искусству и другим сторонам народной жизни. Собранный весьма неравномерно материал не давал сколько-нибудь отчетливой картины бытового уклада жизни киргизов, а тем более не мог служить прочным фундаментом для научных выводов. Этнографическое изучение киргизского народа в дореволюционное время можно рассматривать преимущественно как период накопления фактического материала, введения в науку хотя и не всегда полных и точных, но все же полезных сведений, имеющих большое познавательное значение[5].

После Великой Октябрьской социалистической революции начинается новый этап этнографического изучения киргизов. Приобретает более широкий размах работа по собиранию этнографических материалов, начинается приобретение коллекций для музеев. Объединяется деятельность научных учреждений Москвы, Ленинграда, Ташкента и возникающих в самой Киргизии научных ячеек. Этнографы не ограничиваются уже наблюдениями и простой фиксацией фактов, они идут по пути их обобщения и истолкования. Их исследования характеризуются более глубоким подходом к изучаемым явлениям, применением марксистско-ленинской методологии, в особенности при анализе социальных отношений у киргизов. Представители смежных научных дисциплин: историки, социологи, филологи, экономисты, искусствоведы — также привлекают и разрабатывают в своих исследованиях этнографические материалы.

В числе первых советских этнографов, проводивших свои исследования в Киргизии в соответствии с современными научными требованиями, были сотрудники ленинградских этнографических музеев Ф. А. Фиельструп[6] и Н. П. Дыренкова[7]. Вторая половина 1920-х годов характеризуется интенсивной экспедиционно-собиратель-

ской деятельностью. Большинство экспедиций не преследовало самостоятельных этнографических целей, они проводили социологические и социально-экономические исследования. Но ими собраны и опубликованы ценные данные, имеющие прямое отношение к этнографии. Среди них должны быть особо выделены исследования Н. Х. Калемина[8], М. Ф. Гаврилова[9], П. И. Кушнера[10], П. Погорельского и В. Батракова[11]. В 1928 г. проводила свою работу Киргизская антрополого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР. Ее участник этнограф А. С. Бежкович обстоятельно изучил киргизское земледелие и животноводство[12].

Первые годы национально-государственного существования Киргизии были ознаменованы созданием Республиканского музея (1927 г.) и Научно-исследовательского института краеведения при СНК Киргизской АССР (1928 г.). В связи с организацией музея уже в 1926 г. силами местных ученых были начаты этнографические исследования. Первыми киргизскими исследователями, проявившими большой интерес к этнографии родного народа и производившими этнографические записи, были Белек Солтоноев[13], С. И. Ильясов[14], Б. Д. Джамгырчинов[15] и Б. М. Юнусалиев[16].

Организация в 1943 г. Киргизского филиала Академии наук СССР и в его составе Института языка, литературы и истории послужила стимулом к расширению этнографических исследований. Начиная с 1946 г. Филиал провел несколько экспедиций, собравших материал по различным вопросам киргизской этнографии. В 1954 г. на базе филиала была создана Академия наук Киргизской ССР. С этого времени в Институте истории Академии начинает действовать сектор археологии и этнографии, организуются этнографические экспедиции, подготовка кадров этнографов. Местные этнографы (А. Ф. Бурковский, А. Джумагулов, Л. Т. Шинло, К. И. Антипина, К. Мамбеталиева, З. Л. Амитин-Шапиро, Т. Баялиева, М. Айтбаев, Б. Алымбаева) опубликовали и подготовили к печати ряд исследований по домашним промыслам, охоте, материальной культуре, прикладному искусству, религиозным пережиткам, быту и культуре киргизов — колхозников и рабочих, быту и культуре дунган и некоторых этнографических групп, а также по библиографии[17].

Отдельные стороны этнографии Киргизии освещались и в работах историков (К. Усенбаева, Д. Айтмамбетова

и др.), языковедов и филологов (К. К. Юдахина, И. А. Батманова, Б. О. Орузбаевой и др.), искусствоведов (В. С. Виноградова, Д. Уметалиевой и др.), философов (Б. Аманалиева и др.). Ценнейшим источником для этнографического киргизоведения служит «Киргизско-русский словарь», составленный К. К. Юдахиным[18].

Рекогносцировочной поездкой на оз. Иссык-Куль в 1925 г. начал свои изыскания в области киргизской этнографии и автор настоящего труда. В течение 1926—1931 гг. он проводил полевые работы по сбору этнографических материалов и коллекций в Прииссыккулье, долинах Алая, Сусамыра, Чон-Кемина, Кочкора. Эти работы сочетались с деятельностью по организации упомянутых выше Республиканского музея и Института краеведения и по руководству этими учреждениями. В 1946—1948 гг. автор возглавлял этнографические экспедиции на Центральный Тянь-Шань и в Южную Киргизию (две из них проведены совместно Институтом этнографии АН СССР и Киргизским филиалом АН СССР[19]; в 1950—1951 гг. руководил работой этнографического отряда Памиро-Ферганской комплексной археолого-этнографической экспедиции АН СССР. В 1952—1955 гг. совместными силами этнографов и фольклористов Института этнографии АН СССР и Академии наук Киргизской ССР под руководством автора осуществлялось всестороннее изучение быта и культуры колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан (Прииссыккулье)[20]. В течение 1953—1955 гг. автор возглавлял этнографический отряд Киргизской археолого-этнографической экспедиции АН СССР и АН Киргизской ССР, охвативший маршрутным обследованием все основные районы расселения киргизов в Киргизской ССР[21].

Участниками ряда названных экспедиций были этнографы Е. И. Махова и К. И. Антипина. Собранные и обработанные ими материалы были опубликованы как в коллективных, так и в монографических исследованиях[22]. Помощниками автора в экспедициях были аспиранты и студенты из киргизской молодежи: Дж. Шукуров (1927 г.), У. Абдукаимов (1928 г.), С. Табышалиев (1946 г.), К. Курманов (1947 г.), К. Дыйканов (1948, 1953 гг.), Р. Рустемова (1950 г.), З. Турдукулов (1951 г.), А. Ниязов (1951 г.), Ш. Бекеев (1954 г.), Дж. Керимбеков (1955 г.) и др., а также знаток киргизского быта Абдыкалык Чоробаев (1946, 1954 гг.). Особенно ценную помощь оказывала автору многократ-

ная участница экспедиций З. Белекова (1948, 1952, 1953, 1954 гг).

Участие в перечисленных экспедициях и использование доступных исторических, археологических, фольклорных и других данных позволили автору исследовать различные аспекты развития культуры киргизского народа в условиях феодального строя и перехода к социализму. Разработка этих проблем требовала освещения и решения многих неясных вопросов, в том числе теоретических, касающихся родоплеменной структуры киргизской народности, ее общественного строя, идеологии и т. д. Результаты исследований нашли отражение как в отдельных статьях, так и в разделах коллективных трудов и в монографиях.

В этих работах рассматриваются этногенетические связи киргизов с рядом народов и пути сложения некоторых особенностей киргизской культуры, дается историко-этнографическая характеристика как советских, так и зарубежных киргизов, освещаются современный быт и культура киргизского колхозного крестьянства и рабочего класса, раскрывается прогрессивное влияние русской культуры на культуру и быт киргизов, исследуются некоторые вопросы сближения наций в условиях Киргизии.

Свою основную задачу при подготовке настоящего труда автор видел в том, чтобы на основе обобщения и анализа данных, относящихся к различным явлениям этнической истории, быта и культуры киргизского народа, рассмотреть пути, по которым шло формирование этнического и культурного облика киргизской народности, в каком она предстает перед нами во второй половине прошлого и в первой половине нашего века.

Не сделав попытки проследить разносторонние этногенетические и историко-культурные связи киргизов с соседними народами и с народами сопредельных стран[23], трудно было бы объяснить и истолковать своеобразие быта и культуры самих киргизов. Современный уровень наших историко-этнографических знаний позволил предпринять эту сложную работу. Автор далек от мысли, что ему удалось успешно разрешить все возникшие проблемы. Одни можно было лишь поставить, в отношении других пришлось ограничиться пока самыми общими положениями. Однако автор хотел бы надеяться, что его труд послужит подспорьем для других исследователей в их стремлении еще глубже и всесторонне познать бо-

гатство и многообразие киргизской народной культуры, имеющей свою древнюю самобытную основу и ставшей своего рода синтезом многих культурных достижений братских народов Средней Азии и Казахстана, Южной Сибири, МНР.

Считаю своим приятным долгом выразить глубокую благодарность научным учреждениям, коллективам и отдельным лицам за их отзывы, замечания и пожелания, которые помогли мне при подготовке настоящего труда, в особенности Сектору Средней Азии и Казахстана Института этнографии АН СССР, коллективам этнографов Киргизии, Казахстана, Узбекистана и Кара-Калпакии, руководству и Ученому совету Института истории АН Киргизской ССР, коллективу историков Киргизского госуниверситета, а также Т. А. Жданко, К. К. Каракееву, Н. А. Кислякову, С. Г. Кляшторному, Л. П. Потапову, В. А. Ромодину, К. К. Юдахину, Б. М. Юнусалиеву.

Глава I.

ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КИРГИЗСКОЙ НАРОДНОСТИ

Проблема происхождения киргизского народа принадлежит к числу наиболее сложных и спорных аспектов этнической истории Центральной Азии. Начиная со второй половины XVIII в. эта проблема привлекает к себе пристальное внимание русских, западноевропейских, восточных историков, географов и хронистов. Одна за другой рождаются гипотезы, высказываются догадки и предположения, исследуются различные стороны этнической истории киргизов. Этот неизменный, не угасающий до наших дней интерес объясняется многими причинами, в особенности тем обстоятельством, что историческими источниками засвидетельствовано существование двух этнических общностей с одним и тем же названием «кыргыз»: в более ранний период — в Южной Сибири, на Енисее; в более поздний — в восточной части Средней Азии, в горах Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Неослабевающий интерес к этнической истории киргизов вызван также той своеобразной ролью, которую играли предки современных киргизов в исторических судьбах целого ряда народов и племен древности и средневековья. Наконец, эта проблема привлекала и привлекает к себе внимание исследователей не в последнюю очередь и тем, что до недавнего времени наука не располагала достоверными источниками, которые позволили бы поставить решение многих вопросов на твердую почву фактов.

Основоположниками изучения этнической истории современных киргизов по праву должны считаться русские ученые, внесшие наиболее весомый вклад в разработку этой проблемы. Среди них можно назвать ученых XVIII в. — П. И. Рычкова[1] и академика В. Н. Татищева[2], а также капитана И. Г. Андреева[3]. Следует также добавить, что Ф. Ефремов, лично проехавший по кочевьям киргизов в конце 1770-х годов, сообщал: «От Ушу (современный г. Ош на территории Южной Кирги-

зии,— С. А.) до города Кашкары (т. е. Кашгара,— С. А.) езды 13 дней. Между Ушом и Кашкарою в горах кочуют киргизцы от киргиз-кайсаков особливого рода»[4].

Крупный вклад в разработку этой проблемы внесли исследователи XIX в. Н. Я. Бичурин (Иакинф)[5], А. И. Левшин[6], Ч. Ч. Валиханов[7], академик В. В. Радлов[8] и Н. А. Аристов[9], а в советское время Г. Е. Грумм-Гржимайло[10], академик В. В. Бартольд[11], А. Н. Бернштам[12] и другие ученые[13].

Достоянием науки стали также сочинения ряда восточных авторов, в которых приводятся ценные исторические и этнографические сведения о киргизах, позволяющие уверенно утверждать, что по крайней мере во второй половине XV в. киргизы уже обитали на территории Тянь-Шаня либо по соседству с ней[14].

Новым этапом в разработке этнической истории киргизов явились изыскания, развернувшиеся в 1950-х годах. Начало им было положено Памиро-Ферганской археолого-этнографической экспедицией 1950—1951 гг. (руководитель А. Н. Бернштам). На более широкой основе эти исследования были продолжены Киргизской археолого-этнографической экспедицией Академии наук СССР и Академии наук Киргизской ССР в 1953—1955 гг. (руководители: в 1953 г — А. П. Окладников, в 1954—1955 гг. — Г. Ф. Дебец)[15]. Существенное значение для изучения вопросов этнической истории киргизов имели разыскания материалов в исторических и географических сочинениях восточных авторов и переводы извлечений из этих сочинений на русский язык, предпринятые в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР (руководитель группы В. А. Ромодин). В эти же годы и позднее были проведены разносторонние исследования киргизскими языковедами. Их труды также способствовали раскрытию этногенетических связей киргизов и некоторых сторон их этнической истории[16]. Итоги исследований археологов, этнографов, историков и языковедов в области изучения проблемы происхождения киргизского народа были подведены на состоявшейся в ноябре 1956 г. в г. Фрунзе совместной научной сессии Академии наук СССР и Академии наук Киргизской ССР, посвященной этногенезу киргизского народа[17]. Участники этой сессии пришли к выводу, что основное ядро киргизского народа или по крайней мере один из основных компонентов, вошедших в его состав, имеет центральноазиатское происхождение. Вместе с тем бы-

ло признано, что вопрос о более точной локализации центральноазиатского этнического ядра киргизов остается еще недостаточно изученным.

Ценные данные по вопросам этнической истории киргизов были обнаружены во введенной недавно в научный оборот упомянутой выше рукописи сочинения «Маджму ат-Таварих», написанной в Фергане в XVI в. Муллой Сайф ад-дином Ахсиканти. Большое значение имеет также опубликование обнаруженной в архиве Чокана Валиханова черновой незаконченной рукописи, посвященной киргизам[18], не вошедшей в изданные ранее его «Сочинения»[19].

Перечисленные материалы и источники служат прочным фундаментом для выявления главных этапов этнической истории киргизов. Они уже были частично использованы для обоснования некоторых новых гипотез о происхождении киргизского народа[20].

К настоящему времени определились три направления в исследовании этногенеза и этнической истории киргизской народности. Одно из них связано с развитием или интерпретацией гипотезы А. Н. Бернштама о «многоэтапном» переселении киргизов на Тянь-Шань на протяжении 1300—1400 лет (см. указанные ранее и приводимые ниже его работы). Эта гипотеза и поныне имеет в той или иной степени своих сторонников, склонных считать киргизов аборигенами Тянь-Шаня, по крайней мере в период, предшествовавший монгольскому завоеванию.

С гипотезой А. Н. Бернштама очень близко смыкается другое направление, которое признает, что киргизы с самых древних времен непрерывно проживали в горах Тянь-Шаня и Памиро-Алая. На этой точке зрения стояли такие исследователи XIX в., как Н. Я. Бичурин, Ч. Ч. Валиханов, Н. А. Аристов. В последнее время взгляды Ч. Ч. Валиханова по этому вопросу широко развил и обосновал А. Х. Маргулан. Из ряда соображений, высказанных Ч. Ч. Валихановым, А. Х. Маргулан сделал вывод, что центр киргизского политического союза в IX—X вв. находился в районе г. Урумчи и к северу от Турфана. Оттуда киргизы совершали перекочевки в разных направлениях. Некоторые сильные группы из числа кочевавших в направлении Тянь-Шаня остались на этой территории и дали имя киргизов образовавшейся здесь народности[21]. Утверждение о том, что основное ядро киргизов находилось с древнейших времен на сов-

ременной территории Киргизстана, поддерживал А. Хасанов[22] и некоторые другие участники упомянутой научной сессии по этногенезу киргизского народа.

Хотя аргументы сторонников теории автохтонного происхождения киргизов или их основного ядра либо не подтвердились, либо не являются в достаточной мере убедительными и исконная связь киргизов с территорией их современного местообитания остается недоказанной, все же еще продолжает сохраняться и поддерживаться не основывающаяся на каких-либо новых научных данных теория образования киргизского народа на базе древнего местного населения. Она оказывает известное влияние на взгляды некоторых историков Киргизии.

Третье направление, представленное названными работами К. И. Петрова, также исходит из двух-трех этапов переселения киргизского этноса из «Енисейско-Иртышского междуречья», но приурочивает их к более позднему периоду, охватывающему 300—400 лет.

В общей форме гипотеза К. И. Петрова сводится к тому, что основным массивом (или массивом-потоком, или ядром) племен, которые образовали в дальнейшем киргизскую народность и формировались в 1 тысячелетии н. э., являлись кимакско (кыпчакско)-кыргызские племена «Енисейско-Иртышского междуречья», а также близкородственные им восточно-кыпчакские племена. Заняв сначала Или-Иртышское междуречье (в середине и второй половине XIII в.), они затем стали продвигаться к Центральному Тянь-Шаню. Эти передвижения автор объясняет военно-политическими событиями, в особенности вторжениями вражеских войск. Первоначально продвижение к Тянь-Шаню происходило мелкими группами, которые перемешивались с прочим монгольско-тюркским населением. В послетимуровское время (XV в.) переселение на Тянь-Шань приобрело массовый характер. Распространение названных племен по Тянь-Шаню (XIII—XV вв.) совпало, по мнению автора, с началом процесса сложения киргизской народности.

Эта гипотеза происхождения современных киргизов до последнего времени не была предметом серьезного рассмотрения в научной печати. Исключение составляет статья киргизского ученого О. Караева[23]. Краткая оценка некоторых взглядов К. И. Петрова содержится в обобщающей работе автора — «Киргизы»[24]. Отдельные

этногенетические построения К. И. Петрова оказались полностью опровергнутыми[25].

Основные положения гипотезы К. И. Петрова покоятся на более или менее обоснованных предположениях, на весьма спорных, во многом произвольных толкованиях им исторических источников. Тем не менее К. И. Петров очень часто оперирует своими гипотетическими построениями как вполне обоснованными научными доказательствами, установленными историческими фактами. Названная статья О. Караева явилась первой попыткой рассмотрения одной из работ К. И. Петрова под углом зрения правильности использования и толкования некоторых источников, которые он привлекает для обоснования своих гипотез. В целом попытка О. Караева заслуживает внимания, хотя некоторые из его возражений автору книги недостаточно убедительно обоснованы, а с отдельными положениями О. Караева трудно согласиться.

Я вынужден пока воздержаться от развернутой критики гипотезы К. И. Петрова, ибо она потребовала бы слишком много места. Приводимые в данной работе этнографические данные, многие из которых не укладываются в схему, принятую К. И. Петровым, сами по себе являются в достаточной мере обоснованными возражениями против ряда главных положений его гипотезы. Что касается исторической основы этой гипотезы, мы считаем возможным полностью присоединиться к замечанию В. П. Юдина, которое следует отнести именно к гипотезе К. И. Петрова: «Попытка объяснить появление киргизов на Тянь-Шане прежде всего проникновением их с Алтая и Енисея в притяньшаньские районы в период после монгольского завоевания, накоплением там значительного количества собственно киргизских племен и последующим вытеснением ими могулов с Тянь-Шаня и частичной ассимиляцией последних остается малоубедительной гипотезой, так как не подкрепляется достаточными свидетельствами источников, доказывающими, что процесс имел именно такой характер и последовательность»[26].

Автор данного труда не стремится пересмотреть или полностью отвергнуть всю гипотезу К. И. Петрова, которая получила признание у некоторых историков Киргизии, хотя он и не скрывает своего критического отношения к ряду основных положений этой гипотезы.

Следует лишь подчеркнуть, что в вышедших в 1960—1963 гг. в свет нескольких работ К. И. Петрова были приняты полностью или частично, в отдельных случаях повторены, в других развиты некоторые важные идеи и построения, выдвинутые участниками упоминавшейся научной сессии, посвященной этногенезу киргизского народа, в том числе и автором настоящего труда, в течение 1947—1959 гг. разрабатывавшего различные вопросы этнической истории киргизской народности (основные результаты этих исследований были изложены в отдельных статьях и докладах, опубликованных в 1954—1960 гг., частично в работах, напечатанных в 1961—1963 гг.).

Поэтому работы К. И. Петрова включают в себя и такие положения по вопросам сложения киргизской народности и ее этнической истории, которые в общем сходны с рядом высказываний и выводов его предшественников, а в значительной мере прямо опираются на труды некоторых участников Киргизской археолого-этнографической экспедиции и упомянутой сессии, особенно в отношении этнографических изысканий.

Приходится признать, что решения вопросов этнической истории киргизов, предложенные авторами названных выше гипотез и теорий, имеют однолинейный характер. Согласно гипотезе А. Н. Бернштама, в передвижении на Тянь-Шань участвовали прежде всего енисейские киргизы. Картина передвижения этих киргизов на Тянь-Шань представлялась достаточно отчетливо, хотя аргументация автора была далеко не во всем убедительной. В то же время гипотеза К. И. Петрова о передвижении некоей условной группы кимакско-киргизских племен, в котором имелись и «приливы» и «отливы», рисует нам чрезвычайно сложную картину этнического процесса. При этом автор стремится во что бы то ни стало «уложить» этнические процессы в рамки политических событий, рассматривает их преимущественно через призму политической истории, вольно или невольно «подгоняет» факты этнической истории к истории политической. Но этническая история — это совокупность явлений социальных, экономических и других, а также процессов, затрагивающих культурные, бытовые и этнические традиции. Она не может быть сведена главным образом к миграциям, вызванным политическими событиями и военными столкновениями. Такой прием едва ли можно признать правильным.

К тому же К. И. Петров не придает должного значения и такому фактору, как этническая территория. Между тем обширные пространства, занимаемые горными хребтами Тянь-Шаня и Памиро-Алая, отчасти и Саяно-Алтая и Куэнь-Луня, с прилегающими к ним горными областями, в разное время были освоены различными племенами. Расположенные на этих пространствах пастбища, кочевые пути, охотничьи угодья, пахотные земли вместе с разбросанными здесь стойбищами и поселениями, должны быть с полным основанием признаны той этнической территорией, с которой было связано формирование племен, вошедших впоследствии в состав киргизской народности, и сложение самой народности. Едва ли можно рассматривать этногенез киргизов, их этническую историю вне устойчивой в определенные периоды этнической территории, хотя подвижность кочевых племен, из которых складывалась киргизская народность, и превратности их военно-политических судеб могли иногда суживать или расширять, либо как бы «размывать» границы их этнической территории.

Мне представляются крайностями как суждения тех, кто стремится утверждать глубокую автохтонность киргизов, так и взгляды тех, кто сводит этногенез киргизов к переселению каких-то «потоков» или «массивов» киргизских племен с весьма отдаленных территорий на Тянь-Шань.

В действительности киргизская народность сложилась в результате тесных этнических взаимосвязей местного и пришлого населения, а ее этническая история едва ли могла иметь тот чрезмерно усложненный характер, какой ей придает в своих работах К. И. Петров. Главной ее особенностью была, если можно так выразиться, ее «многогранность». Этническая история киргизов складывалась в многообразных связях с этническими процессами, протекавшими в Центральной Азии, Южной Сибири, Средней Азии, на степных просторах современного Казахстана; она не может рассматриваться без учета этих связей.

Именно поэтому решение многих вопросов, возникающих при анализе движущих сил и этапов этнической истории киргизской народности, вряд ли сможет быть найдено, если его искать на пути передвижения в течение ряда столетий какого-то единого «массива-потока» тюркоязычных племен «Енисейско-Иртышского между-

речья», который представлял собой чуть ли не вполне уже сложившуюся киргизскую этническую общность[27].

К сказанному следует добавить, что если уже давно стала очевидной невозможность отождествления енисейских и тянь-шаньских киргизов, то столь же очевидна необоснованность полного отрицания некоторых этногенетических связей между ними, которые обнаруживаются при более тщательном рассмотрении данных археологии, истории, языка и этнографии.

Процесс формирования племен, образовавших киргизскую народность, протекал в течение длительного времени на огромной территории. Большинство современных исследователей пришли к выводу о том, что предки киргизских племен были связаны своим происхождением с древнейшими племенными союзами саков и усуней, динлинов и гуннов[28].

При рассмотрении этнической истории киргизского народа и проблемы его этногенеза возникают вопросы, ответы на которые призвана дать и этнографическая наука. К ним относятся, в частности, такие вопросы: каковы те этнические компоненты, из которых сложилась киргизская народность; на какой территории происходило формирование этих этнических компонентов и сложение самой киргизской народности; какова последовательность их включения в состав киргизской народности, их «удельный вес», и др.

К сожалению, некоторые историки недоучитывали показания этнографических источников, а отдельные авторы просто обходили эти источники. Это приводит к известному обеднению фактической стороны исследований, к некоторой односторонности и к появлению малообоснованных, поспешных и спорных гипотез, построений и концепций. Правда, возможности этнографии в известной мере ограничены, прежде всего — хронологическими рамками. Однако при правильном и внимательном использовании даже относительно поздних этнографических материалов, при строго научном к ним подходе они могут пролить свет и на более ранние периоды этнической истории.

Казалось бы, при исследовании вопроса о формировании киргизской народности следует прежде всего выявлять те конкретные этнические компоненты, из которых она сложилась. Между тем во многих работах до недавнего времени говорилось о киргизах вообще, о переселении или передвижении всех киргизов. Теперь

уже признается, что изучение этнической истории киргизов, как и любой другой народности, может быть успешным только при условии, если будет установлено происхождение основных компонентов, вошедших в их состав. По отношению к киргизам это особенно важно, так как хронологические и географические координаты, связанные с их именем, исключительно широки.

Для правильного понимания этнических процессов, приведших к образованию киргизской народности, известное значение имеет та или иная трактовка вопроса о самом этнониме «кыргыз». Не касаясь здесь истории и этимологии этого этнонима и связанного с киргизами этнонима «бурут»[29], следует лишь высказать несколько соображений об этническом его содержании. Вряд ли можно признать допустимым (как это делали раньше, а иногда делают и теперь некоторые исследователи) свободное обращение с этнонимом «кыргыз» как с имеющим одинаковое этническое содержание на протяжении всего его существования.

Самая большая трудность при решении этого вопроса состоит в том, что носители этнонима «кыргыз» (по крайней мере в XVI—XVII вв.) жили одновременно в Южной Сибири, Восточном Туркестане, на Тянь-Шане, Памиро-Алае, в Средней Азии и казахских степях, в Приуралье (среди башкир), т. е. на весьма отдаленных друг от друга территориях. Уже этот факт свидетельствует, это этническая история киргизов представляла собой длительный многогранный процесс, тесно связанный с историей формирования многих других племен и народов как Средней и Центральной Азии, так и сопредельных областей. Взятое само по себе, в отрыве от конкретного этнического содержания, вне окружающей этнокультурной среды и без учета хронологии, название народности едва ли может послужить отправным пунктом для глубоких изысканий. Исследователи уже не раз отмечали, что сам факт наличия одинаково звучащих этнонимов на чрезвычайно удаленных друг от друга территориях еще не служит достаточно веским доводом в пользу утверждения об общности происхождения их носителей.

Вопрос об отношении современных киргизов Тянь-Шаня и Памиро-Алая к киргизам так называемой киргизской государственности IX—X вв., как и вопрос об эпохе формирования киргизской народности, относится к числу тех наиболее сложных вопросов, по которым до

сих пор продолжаются споры и ведутся дискуссии, существуют противоположные точки зрения. Попытки установления прямолинейной связи между киргизами Тянь-Шаня и Памиро-Алая, с одной стороны, и киргизами Енисея — с другой, основанные главным образом на совпадении имени тех и других, не принесли какого-либо существенного результата, не стали базой для научного решения проблемы происхождения киргизского народа. Однако в ряде работ до недавнего времени этноним «кыргыз» вместе с его носителями рассматривался как нечто перемещающееся в неизменном виде как во времени, так и в пространстве. К киргизам VII—VIII вв., равно как и к киргизам XVIII—XIX вв., подходили как к однородному этническому коллективу, единой этнической общности. Недостаточно учитывались уровни развития производительных сил, разные политические условия, иная географическая среда, иные производственные отношения, различное этническое окружение, когда речь шла о киргизах на Енисее и киргизах на Тянь-Шане.

Но как же все-таки объяснить тот факт, что имя «кыргыз» с верховьев Енисея «переместилось» далеко на юго-запад, вплоть до Ура-Тюбе, до Афганского Бадахшана? И что скрывалось под этим именем в конце I тысячелетия нашей эры: политический союз, административно-территориальное или военно-кочевое объединение племен, или сложившаяся народность со своим самоназванием? Если даже полностью довериться источникам о существовании в ту пору (IX—X вв.) киргизской государственности, то и в этом случае ее нужно отнести к государственности ранне-феодального типа, где господствовали племенные традиции. Племена, входившие в состав этого объединения-государства, не могли не сохранять свои этнонимы, свое племенное самосознание. Поэтому трудно согласиться с мнением некоторых ученых о том, что уже в IX—X вв. существовала вполне сложившаяся народность с самоназванием «кыргыз». Для возникновения народности в то время еще не созрели объективные условия (см. ниже, стр. 34—35), социально-экономическое развитие еще не успело достигнуть того уровня, при котором могла бы сложиться самостоятельная народность. Хорошо известно, что сложение едва ли не всех тюркоязычных народностей Средней Азии и Казахстана очень близко совпадало по времени. Нет оснований предполагать, что кирги-

зы составляли в этом отношении какое-то исключение, хотя сложение киргизской народности несомненно обладало чертами своеобразия.

Однако не допускаем ли мы ошибки, признавая, что название «кыргыз» всегда равнозначно этнониму? Ни рунические надписи, ни свидетельства Махмуда Кашгарского в его «Диване», ни «Сборник летописей» Рашид-ад-Дина, ни другие источники не содержат убедительных доказательств в пользу того, что термин «кыргыз» был этнонимом. Совершенно прав В. П. Юдин, когда он пишет: «По-видимому, при объяснении происхождения киргизского народа следует отказаться от стремления следовать за термином, что уже является в основном принятой точкой зрения в отношении казахов»[30].

Вероятно, с формированием киргизской народности как определенного исторического этапа этнической общности дело обстояло значительно сложнее. Никто не «перенимал» название «кыргыз», оно лишь постепенно, в ходе исторического развития, в процессе формирования самого киргизского этноса утверждалось как этническое самоназвание. Совсем не так уж далеко ушло время, когда к самоназванию «кыргыз» обязательно прилагалось название племени, к которому относило себя то или иное лицо.

В начале XX в. даже далеко заброшенные в горы Куэнь-Луня, оторванные от основной массы киргизов мелкие группы, называвшие себя кыпчаками, одновременно осознавали себя как киргизы. Следовательно, этническое самосознание уже успело упрочиться. Можно полагать, что и в отдаленном прошлом целый ряд племенных групп, по различным причинам и в разное время оторвавшихся от своего «ядра», сохраняли отчетливое представление о своем политическом единстве и вместе с тем удерживали и свое общее наименование, и свои племенные имена.

Имя «кыргыз» на более ранних этапах истории, в особенности в эпоху весьма преувеличенного киргизского «великодержавия», имело, на наш взгляд, не столько этническое, сколько политическое содержание. Оно распространялось на группы племен различного происхождения, жившие не только в Минусинской котловине и в пределах Саяно-Алтая, но и значительно южнее и юго-западнее, на территории Джунгарии и частично Восточного Туркестана. Источники X в. уверенно говорят о южной границе киргизов, проходившей через Вос-

точный Туркестан[31]. Следовательно, часть племен центральноазиатского происхождения, которых соседи называли киргизами (самоназвания этих племен неизвестны), проживала поблизости от современной территории расселения киргизов, а кое-где эти территории и совпадали.

Едва ли необходимо говорить о переселении какого-либо крупного массива киргизов с Енисея, если некоторой части киргизских племен достаточно было передвинуться на несколько сот километров с северо-востока и востока на Западный Тянь-Шань, а затем и южнее, чтобы оказаться на территории расселения современных киргизов. Имеющиеся в распоряжении исследователей материалы дают основание предположить, что на территорию современного Киргизстана пришли преимущественно не киргизы, жившие на Енисее, а некоторые, главным образом тюркоязычные, племена, проживавшие ранее в пределах Восточного Притяньшанья, отчасти Прииртышья и Алтая. Для многих из них название «кыргыз» было вначале не этнонимом, а названием того политического союза, к которому они принадлежали.

Подходя к этому сложному вопросу диалектически, следует сказать, что если до X—XI вв. географическое распространение имени «кыргыз» было значительно шире того этнического ядра, для которого это имя было этническим самоназванием, то после X—XI вв., наоборот, круг племен, вовлеченных в процесс киргизского этногенеза был значительно шире той территории, к которой непосредственно был привязан этноним «кыргыз». Ошибка некоторых исследователей состояла в том, что они искали киргизов только там, где встречалось собственное имя «кыргыз». Оно словно обладало магической силой, которая заставляла исследователей послушно следовать за ним. Этнические группы, которые были за пределами этого названия,, рассматривались как не имеющие отношения к киргизскому этногенезу.

Теперь уже совершенно очевидно, что к решению этой проблемы нужно подходить конкретно-исторически, т. е. с учетом всех тех племен и этнических групп, которые могли принять участие в образовании киргизской народности. Но для образования самой киргизской народности требовался ряд условий: а) наличие относительно устойчивой территории, в достаточной мере обеспечивающей сношение племен друг с другом; б) наличие господствующего во всех основных племенах общего языка; в) наличие такой системы хозяйства, которая

сочетает ведущий хозяйственный уклад с другими формами хозяйственной деятельности; г) близость культурно-бытовых особенностей, складывавшихся в процессе обмена и культурно-исторического взаимодействия и способствующих известному тяготению друг к другу отдельных племен в конкретной исторической обстановке; д) наличие сходных черт в идеологических воззрениях и элементов общности культа; е) наличие социально-политических факторов, объединяющих группу данных племен в союз или конфедерацию на почве их отношений с другими соседними народами и племенами; ж) сознание принадлежности к новой, более широкой этнической общности — народности.

Все эти условия имелись налицо. У племен, образовавших киргизскую народность, уже в средние века была общая территория, существовал единый язык (с племенными диалектами). У всех этих племен уже складывалось общее этническое самосознание. Они вели кочевой образ жизни, занимались скотоводством и охотой и жили в условиях патриархально-родового быта и патриархально-феодальных общественных отношений; у них сложился общий тип культуры, хотя и сохранявший локальные и племенные особенности. Из племенных эпосов начал формироваться единый общенародный эпический памятник «Манас». Наконец, возникшие агрессивные устремления ойратских феодалов способствовали сплочению близких территориально и в значительной мере родственных племен в единое социально-политическое целое.

Названные выше условия, хотя каждое и в различной степени, в конечном итоге обеспечили образование киргизской народности. Начало этого сложного процесса можно отнести примерно к XIV—XV вв., но наиболее интенсивно он шел, несомненно, в XVI—XVII вв. Завершение процесса формирования киргизской народности по всем признакам происходило в XVIII в., хотя в отдельных районах этот процесс частично еще продолжался и позднее. Во всяком случае в период, предшествовавший присоединению Киргизии к России, киргизы представляли собой уже вполне сложившуюся крупную народность.

Комплекс этнографических данных, в частности показаний этнонимики и народных преданий (генеалогических и исторических), как имеющихся в литературе, так и в особенности собранных этнографическим отрядом

Киргизской археолого-этнографической экспедиции 1953—1955 гг., дополненных свидетельствами исторических источников, позволяет с довольно большой долей точности ответить на вопрос об основных этнических компонентах, сформировавших киргизскую народность в том ее облике, который предстает перед нами в XVI—XIX вв.

Численность киргизов, проживающих на территории трех государств, составляет свыше 1500 тыс. человек. Основная их масса населяет территорию СССР, где их насчитывается 1452 тыс. человек (1970 г.)[32], в Китайской Народной Республике — 71 тыс. человек (1953 г.)[33] и в Афганистане — до 15 тыс. человек[34]. В пределах СССР 88,5% киргизского населения (1285 тыс. человек)[35] сосредоточено в Киргизской ССР. В Узбекской и Таджикской ССР живет 146 тыс. человек, остальные в небольших количествах — в других республиках. Подавляющее большинство киргизов в КНР проживает в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, причем около 50 тыс. — в Киргизском автономном округе Кызыл-Суу. Группы киргизов Афганистана кочуют на Большом и Малом Памирах и на склонах Гиндукуша.

Таким образом, ареал распространения киргизов — от северных предгорий Тянь-Шаня и до отрогов Куэнь-Луня и Гиндукуша на юге, от оазиса Куча на востоке и до западных склонов Туркестанского хребта — весьма обширен[36].

Этнический состав киргизской народности тесно связан с существовавшей ранее системой родоплеменного деления.

Ценные сведения о родоплеменном составе киргизов, отражающие, несомненно, собственные воззрения народа, содержатся в китайских источниках XVIII в. Они рассмотрены в работах И. Бичурина, А. Н. Бернштама, А. А. Кондратьева[37]. Их дополняют сведения русского автора XVIII в. И. Г. Андреева[38]. Подробные данные о родоплеменном делении киргизов собрал во время своих путешествий Чокан Валиханов[39]. Крупный вклад в изучение этнического состава киргизов внесли труды М. Венюкова, В. В. Радлова и Н. А. Аристова[40]. Обзор родоплеменного деления памиро-ферганских киргизов содержат работы Н. Ф. Ситняковского[41]. Соответствующие сведения о киргизах Восточного Туркестана приводит Корнилов[42]. В опубликованных в советское время работах В. Н. Дублицкого, Г. Е. Грумм-Гржимайло,

А. С. Сыдыкова, С. И. Ильясова, Б. Д. Джамгерчинова, Б. М. Юнусалиева[43] приводятся данные, дополняющие ранее известные, а также новые сведения по рассматриваемому вопросу.

Новым источником явились полевые материалы, собранные во время работ Киргизской археолого-этнографической экспедиции 1953—1955 гг. в районах Киргизии: северных — С. М. Абрамзоном и южных — С. М. Абрамзоном и Я. Р. Винниковым[44]. Благодаря собранным в разное время сведениям появилась также возможность рассмотреть родоплеменное деление киргизов, населяющих Синьцзян-Уйгурский авт. р-н КНР.

При изучении А. Т. Тагирджановым и В. А. Ромодиным находящихся в Ленинградских архивохранилищах списков сочинения на таджикском языке Сейф ад-дина Ахсиканти «Собрание историй» (Маджму ат-Таварих)*, написанного в XVI в., выявлены новые ценные данные о родоплеменной структуре киргизов, которые служат доказательством глубокой традиционности их генеалогических представлений[45].

Имеющиеся обильные свидетельства позволили полностью, с большой детальностью реконструировать сложную и в то же время довольно гибкую систему родоплеменного деления, охватывавшую все группы киргизов на территории их расселения. Несмотря на существование многочисленных вариантов генеалогических преданий, касающихся тех или иных элементов общей схемы, тех или иных легендарных предков или структуры отдельных племен, родоплеменное устройство киргизов, предстает перед нами в целом как единая и стройная всеобъемлющая система.

Сличение сведений, содержащихся в упомянутой рукописи XVI в., с собранными нами генеалогическими преданиями позволяет установить, что не менее половины легендарных предков киргизов, названных в рукописи, представлено и в бытующих еще теперь генеалогиях. Среди этих предков (по нисходящей линии) Аналхак, Арслан-бий, Мары-бий, Шукур-бий, Сангин-бий, Сары-бий, Домбур (Домбул), Долон-бий, Ак уул. Большинство генеалогических преданий нашего времени выводит происхождение основных киргизских племен от

* В связи с ограниченными возможностями полиграфической базы далее по всему изданию тюркское написание дается в русской транскрипции.

Долона и его сыновей Ак уула (Агул, Абыл) и Куу уула (Куул, Кугул, Кабыл).

Уже в XVI в., как и в более позднее время, киргизские племена делились на правое крыло *(оң)* и левое крыло *(сол)*. Но если в XVI в. правое крыло подразделялось на группу *отуз уул* (тридцать сыновей) и группу племен — потомков Булгачи, то в более близкое к нам время под названием «отуз уул» большинство киргизов объединяло оба крыла — и правое и левое, группа же племен — потомков Булгачи, к которой причислялись уже и другие племена, получила название *ичкилик*. Киргизы, живущие в Синьцзян-Уйгурском авт. р-не КНР, представляют себе родоплеменную структуру несколько иначе. К левому крылу они относят всю группу отуз уул[46], а к правому— группу ичкилик.

В составе правого крыла тянь-шаньские киргизы выделяют три ветви: *тагай, адигине* и *муңгуш*. К первой из них относят следующие племена:*сары багыш, бугу, солто, тынымсейит, саяк, чекирсаяк, жедигер, черик, азык, багыш, моңолдор, баарын, суу мурун*. Ветвь адигине включала в себя племена *жору, бёрю, баргы, кара багыш, сарттар*. Ветвь муңгуш состояла из двух подразделений — *жагалмай* и *кош тамга*, которые в свою очередь распадались на некоторое число племен. Особняком стало племя *коңурат*.

К левому крылу принято было относить следующие племена: *кушчу (кутчу), саруу, мундуз, жетиген, кытай, басыз, тёбёй и чоң багыш*.

В третью группировку киргизов, известную под именем ичкилик, включали племена *кыпчак, найман, тейит, кесек, жоо кесек, каңды, бостон, нойгут, тёёлёс (дёёлёс)*[47], *авагат (ават)*. Иногда в ее составе выделяли еще группу *кыдырша*. Без достаточных оснований в нескольких случаях самостоятельное значение в составе группировки ичкилик было придано группе *оргу*[48].

Отчетливость родоплеменной структуры у киргизов, выступающая в упомянутом ранее источнике («Маджму ат-Таварих»), дает основание утверждать, что этнический состав киргизской народности успел к XVI в. стабилизироваться, а это не могло произойти далеко за пределами той территории, на которой мы застаем киргизов в XVI в. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что большинство тюркоязычных племен, на базе которых складывалась киргизская народность, не переселялись откуда-то издалека, а проходили некоторые

этапы своего формирования здесь же, на территории современного местообитания киргизов или близко примыкавших к ней областей. О том, что киргизы проживали в пределах Семиречья, и в частности в долине р. Чу, уже в XV в., убедительно свидетельствуют игнорированные другими исследователями данные, приводимые на основании изучения источников узбекским ученым Б. Ахмедовым[49].

Отрицание факта существования на Тянь-Шане этнической общности под именем «кыргыз» уже в XV в., а возможно и раньше, становится в свете достоверных исторических данных все более трудным для тех, кто сводит этническую историю современных киргизов к их массовому переселению на Тянь-Шань. Уместно в этой связи поставить вопрос и о содержании самого понятия «Тянь-Шань». Нередко различие точек зрения на этнические процессы, связанные со сложением киргизской народности, является результатом нечеткости и разнобоя в терминологии, причем это касается и этнических, и социальных, и географических понятий. Это полностью относится и к понятию «Тянь-Шань». Нередко когда говорят и пишут о тянь-шаньских киргизах, имеют в виду только территорию современной Киргизии. Это, конечно, приводит к существенным искажениям в трактовке фактов этнической истории киргизов. Между тем известно, что Тянь-Шань, как горная система, уходит далеко на восток за пределы современного Киргизстана. И если рассматривать Тянь-Шань в целом, как географическое понятие, то ряд спорных вопросов отпадает сам собой.

Кроме названнных выше, в этническом составе киргизов были представлены некоторые компоненты смешанного или инородного происхождения. К их числу относят *кюркюрёё, кюрён, калча, кельдике, калмак, сарт-калмак, калмак-кыргыз, чала-казак* и др.[50].

Большая часть этнографической группы сарт-калмыков (сарт-калмак)[51] — около 2,5 тыс. человек (1959 г.) — проживает в селениях Бёрюбаш и Чельпек близ г. Пржевальска (Приисcыккулье), где они окончательно поселились в 80-х годах XIX в. Эта часть сарт-калмыков является смешанной по своему составу. В нее входят и потомки некоторых киргизских групп. Несколько сот сарт-калмыков живут в Синьцзян-Уйгурском авт. р-не КНР, в уезде Монгол-Курэ (Чжаосу), среди киргизов и казахов. И те, и другие сарт-калмыки по религии — му-

сульмане, давно уже двуязычны, длительное время живя с киргизами, стали причислять себя к последним.

В уезде Дёрбёльджюн Эмельгольского Монгольского авт. округа Синьцзян-Уйгурского авт. р-на представлена очень своеобразная группа калмак-киргизов, насчитывающая около 1000 человек. В ее состав входят киргизы, относящие себя по происхождению к племенам сары багыш, мундуз, баарын, а также в небольшом числе ханьцы, тувинцы (группа кёкмончок)[52], казахи. По своему быту эта группа близка к монголам, исповедует ламаизм, говорят же они на казахском языке, в котором сохраняются элементы киргизского. Ламы и старики знают монгольский язык. Они утверждают, что пришли сюда «из Ала-Тоо» около 300 лет назад. Калмак-киргизы считают себя теперь киргизами, хотя некоторые помнят, что их предки не были киргизами. Не исключено, что основу этой группы составили потомки части киргизов, насильственно уведенных джунгарами из Сибири в начале XVIII в.

В пределах Киргизской ССР проживает несколько групп, именуемых чала-казаками, но причисляющих себя к киргизам. Одна из них живет в западной части г. Фрунзе, на территории бывшего селения Кызыл-Аскер, две другие — в Таласской долине. В состав этих групп входят как выходцы из некоторых киргизских племен (солто, монолдор и др.), так и представители других национальностей: узбеков, казахов, уйгуров.

Многие наши информаторы связывают с киргизами происхождение этнографической группы долонов (или доланов), живущих в Синьцзян-Уйгурском авт. р-не КНР и ныне по языку и образу жизни почти не отличающихся от уйгуров. По их утверждению, сами долоны признают, что по происхождению они — киргизы. Отмечают, что долоны по физическому типу ближе к киргизам, сохраняют некоторые обычаи соседних киргизов: скачки с козлом, конские скачки и др. Хотя В. П. Юдин и высказывает предположение о происхождении долонов от могулов, а также склонен принять отождествление Э. Р. Тенишевым этнонима «долан» с монгольским числительным «семь» — долон[53], это не противоречит возможным этногенетическим связям киргизов с долонами.

Основные родоплеменные группы киргизов СССР и КНР локализуются следующим образом: почти все племена ветви тагай — в пределах Центрального и отчасти Западного Тянь-Шаня, Чуйской долины и котловины

оз. Иссык-Куль, в бассейне р. Текеса, вдоль южных склонов хр. Кокшаал; племена ветвей адигине и мунгуш — по склонам Ферганского и Алайского хребтов, в восточной части Ферганской котловины и в уезде Улугчат Киргизского авт. округа (КНР); племена левого крыла — в долинах рек Таласа и Чаткала и отрогах одноименных хребтов, частично — в предгорьях Ферганского хребта, а также по южным склонам хребта Кокшаал; племена, причисляемые к группе ичкилик — в предгорьях части Алайского и Туркестанского хребтов и прилегающих к ним районах Ферганской котловины, в западной части Алайской долины, в восточной части Каратегина и на восточном Памире, а также в Синьцзян-Уйгурском авт. р-не КНР; в уездах Ак-Тоо, Улугчат, Таш-Курган, к западу от городов Кашгара, Янги-Гиссара и Яркенда и в уезде Гума — в предгорьях Куэнь-Луня[54].

Среди киргизов отчетливо выделялись две группировки, различавшиеся не только по составу входивших в них племен, но и по ряду особенностей их материальной и духовной культуры, некоторым обычаям. К первой принадлежит киргизское население северных частей Киргизии и Синьцзян-Уйгурского авт. р-на КНР, относившее себя к племенной группе отуз уул, ко второй — киргизское население южных районов Киргизской ССР и прилегающих районов Таджикской ССР и южной части Синьцзян-Уйгурского авт. р-на КНР, относившее себя к племенам группы ичкилик, а отчасти и правого крыла группы отуз уул (ветви адигине и мунгуш). Однако образ жизни, связанный с кочевым и полукочевым скотоводством, важнейшие черты культуры и быта были в прошлом общими для обеих группировок, как и этническое самосознание, и язык, несмотря на наличие в нем северокиргизских и южнокиргизских диалектов. Своеобразие, присущее названным крупным группировкам киргизов, вызвано, по всей вероятности, некоторыми различиями в их этнической истории. Процесс формирования этнических элементов, составлявших каждую из этих группировок, происходил в какой-то степени обособлено, что не помешало их сплочению в известное время в общий этнический коллектив — киргизскую народность.

Одной из важнейших особенностей этнического состава киргизов следует считать его сложность, пестроту и смешанность. В этом нельзя не видеть результата еще

сравнительно недавно протекавших этнических процессов.

Эта сложность этнического состава привела в свое время таких крупных исследователей, как В. В. Радлов и Н. А. Аристов, к ошибочным выводам о наличии у киргизов особого звена родоплеменной структуры, аналогичного алтайскому «сёёк», понимаемому как кровнородственное объединение. В действительности же среди киргизов подобное звено отсутствует. Широкое расселение в прошлом на значительной территории некоторых одноименных племенных и родовых групп является следствием имевших место социально-политических событий, передвижений, схождений и расхождений различных групп и т. д. Например, в составе *кыдык* — одного из основных подразделений племени бугу — имеются мелкие группы самого различного происхождения: кыпчак, кутчу, тыным сейит, *катаган* и др. Наличие в составе ряда племен мелких включений иноплеменного происхождения, например из среды моңолдор, черик, кутчу и др., вовсе не свидетельствует о существовании так называемых «костей» *(сёёк)* моңолдор, черик и т. д., но служит лишь подтверждением факта большой подвижности этнических групп. В XIX—XX вв. сёёк рассматривался только как родство по браку: имеются в виду отношения между двумя группами *(сёёкчюлюк)*, равнозначные отношениям между сватами *(кудалаш)*.

Для Прииссыккулья, например, должны быть отмечены несомненные и значительные этнические связи с южнокиргизскими племенными группами и с группами, проживающими в долине р. Таласа. Так, среди некоторых крупных подразделений племени бугу можно было встретить мелкие включения из таких южнокиргизских племен, как тейит, джору, кара багыш и др. Несколько небольших групп прииссыккульских мундузцев имеют прямую генетическую связь с относительно крупным южнокиргизским племенем мундуз. То же самое относится к проживающим на побережье Иссык-Куля и в Кочкорской долине группам кутчу и кытай — выходцам из Таласа.

Целый ряд других небольших групп, вкрапленных в основной массив местного населения Прииссыккулья, оторвался в свое время по разным причинам от групп своих соплеменников, проживающих на других территориях. К ним относятся, кроме упомянутых, дёёлёс[55], баарын, *керейит*. На Тянь-Шане живут мелкие группы кель-

дике (связывают себя с большим племенем багыш), джетиген, тёбёй и др. История некоторых из этих групп содержит немало ценных деталей, важных для понимания сложных этногенетических процессов. В условиях господства патриархально-феодальных отношений такие мелкие группы довольно часто находились на положении «черни» *(букара),* жестоко эксплуатировавшейся феодальной верхушкой господствовавших родоплеменных подразделений.

В отношении пестроты этнического состава характерны два крупных племени: сары багыш и солто. Среди сары багыш наряду с группами казахского происхождения отмечены группа «сартского» происхождения *(чертике),* потомки рабов из неизвестных «родов» из Таласа — *öзюк, чечей, молой* и др. В состав племени солто входили выходцы из киргизских племен моҥолдор, кыпчак, багыш, баргы, сарттар, саяк и др., а также довольно большая группа, состоявшая из мелких «букаринских» родов, известная под именем потомков «семи рабов» *(жети кул).* Эти роды были поделены как наследство между крупными солтинскими манапами. Состав этих двух племен свидетельствует о том, как тесно переплеталась этническая история с процессами социального развития и классовыми противоречиями.

Имеются показания о генеалогической связи между собой крупных племен бугу и сары багыш, солто и сары багыш, бугу и саяк в сравнительно поздний исторический период, что свидетельствует об интенсивных контактах между этими племенами. Это подтверждается и данными о тамгах. Заслуживает внимания древняя тамга *жагалмай,* распространенная в прошлом прежде всего среди бугинцев и сарабагышцев; ее наносили не только на лошадей, но и на некоторые предметы (например, на стремена). Такая же или очень сходная по начертанию тамга и под тем же названием отмечена у племен черик и моҥолдор (ветвь тагай), у племен сарттар, баргы и кара багыш (ветвь адигине), у подразделения джагалмай (ветвь мунгуш); тамга такого же или близкого начертания была также у племени багыш (ветвь тагай; тамга без названия), у племени бёрю (ветвь адигине; *бёрю тамгасы),* у племени саяк (ветвь тагай; *саяк тамгасы),* у племен кыпчак *(кыпчак тамга)* и коҥурат (без названия), у подразделения *бай согур* племени басыз *(байсогур тамга).*

С одной из разновидностей тамги племени бугу и с

аналогичной по форме одной из тамг ветви мунгуш совершенно одинакова тамга племени чекир-саяк под названием *кайчы тамга* (кайчы — ножницы).

У подразделения племени саруу (левое крыло) *ай тамга* начертание тамги такое же, как тамги племени бугу, носящей название *жаа тамга* (от жаа — лук)[56], и тамги племени азык, а также тамги племен бугу и сары багыш под упомянутым названием «жагалмай».

Племя солто (ветвь тагай) имело отличную от большинства племен этой ветви тамгу под названием *ай тамга* (от ай — луна, месяц). Тамга такого же типа и под тем же названием (известна и под названием *наал тамга,* от наал — подковка) отмечена у племени сарттар (ветвь адигине), у племени чоң багыш (левое крыло), а также у племени дёёлёс (тёёлёс). У последнего (на юге Киргизии) имелось подразделение под тем же названием — ай тамга.

Тамга племени кушчу (левое крыло), в виде кружка, повторяется у ветви мунгуш и у подразделения *теңизбай* племени джору (ветвь адигине).

Из других совпадений начертаний, а нередко и названий, тамг отметим следующие: керки тамга (от керки — тесло) представлена у племени саяк и у подразделения *керки тамга* племени басыз; *босого тамга* (от босого — дверная рама, дверная коробка) — у племен кара багыш и баарын, у подразделения *бёлёк чал* племени саруу и у племени кыдырша; *ача тамга* (от ача — развилина) — у племени мундуз (левое крыло), подразделения *алакчын* племени саруу, и в таком же начертании у ветви мунгуш; одинаковы тамги у племени бёрю (одна из тамг, без названия) и у подразделения *оготур* племени саруу (под названием *кёёкёр тамга,* от кёёкёр — кожаная фляга для кумыса) и др.

Если в ряде случаев можно предполагать совпадение начертаний тамг, не обусловленное прямыми этногенетическими связями, то большая группа тамг, представленных у ветвей и основных племен правого крыла (бугу, сары багыш, багыш, кара багыш, черик, моңолдор, баргы, сарттар, бёрю, саяк, чекир-саяк, азык джагалмай и др.), с полной очевидностью подтверждает этногенетическое родство этих племен. Более пеструю картину являют собой тамги, относящиеся к племенам левого крыла, что не может не свидетельствовать о его весьма смешанном составе[57].

Благодаря опубликованному Ю. А. Зуевым переводу

извлечения из сочинения VIII—X вв. «Танхуйяо» появилась возможность сопоставить тамги древнетюркских племен с тамгами киргизов. В таблице тамг, накладывавшихся на лошадей различных племен[58], имеются тамги, начертания которых либо совпадают с киргизскими, либо близки к ним. Наибольший интерес вызывает тот факт, что тамга племени цзе-гу (киргут, т. е. древних кыргызов) идентична тамге (джагалмай тамга и джаа тамга), распространенной у крупнейших в прошлом киргизских племен правого крыла: бугу, сары багыш, черик, моңолдор, азык, а также у части подразделений племени саруу левого крыла. Примечательно, что приведенная Н. Г. Маллицким «кара-киргизская» (т. е. общекиргизская) тамга имеет сходное начертание с тамгой цзе-гу. Древняя тамга племени пу-гу в виде круга до сих пор известна старикам как тамга киргизских ветвей адигине и муңгуш и племени кушчу. Тамги древних племен хуй-гэ (уйгур), чэ-ли (черик) и хунь (күн) близки по начертанию к тамгам киргизских племен тёёлёс (дёёлёс), мундуз и солто. Изображение тамги племени а-ши-на имеет аналогию с одной из тамг у ветви адигине. Могут быть сопоставлены и тамги древнего племени цзюй-ло-бо (күраббор; ср. киргизский этноним *кара боор)* с тамгами киргизских племен тёёлёс, саруу и с одной из тамг ветви адигине. Некоторые из приведенных сопоставлений заслуживают самого пристального внимания, поскольку они позволяют протянуть нити этнических связей от самого недавнего к глубокому прошлому.

* * *

Благодаря имеющимся ныне материалам в некоторых случаях оказывается возможным уловить отголоски более раннего периода этнической истории киргизов, вплоть до XVI—XVII вв. К ним относятся данные о широких этнических связях киргизов с казахскими, узбекскими и ойратскими племенами. Группами казахского происхождения местное население называет в составе племени сары багыш — *абыла, сабыр* и *чагалдак,* в составе племени бугу — группу *отуз уул* и др. С другой стороны, имеются многократные указания на связь с киргизами некоторых казахских этнических групп, что подтверждает данные, приведенные в работах Н. А. Аристова[59]. Группами узбекского происхождения среди бугинцев считают *такабай уулу, торгой;* среди сарыбагыш-

цев — *жумаш уулу*. В ряде случаев зарегистрированы поколения ойратского (калмыцкого) происхождения; группы *жээренбай, чюрюм, кызыл сакал* среди бугинцев; *калмакы* среди сарыбагышцев, суумурунцев, адигине и др. Все названные и другие мелкие группы различного происхождения были в свое время ассимилированы теми или иными киргизскими племенами, и об их ином этническом прошлом сохранились лишь воспоминания среди стариков — хранителей генеалогических преданий.

Смешанный характер некоторых групп хорошо прослеживается на примере группы джети кул (семь рабов) в составе племени сары багыш. В нее вошли потомки четырех выходцев из калмыков, одного выходца из племени кутчу, одного — из племени монолдор и одного — из племени мундуз. Образовавшись вначале как социальная группа (из рабов феодала Эсенгула), группа джети кул приобрела впоследствии черты этнической общности.

Следует отметить, что длительные связи с ойратскими племенами оставили глубокие следы не только в этническом составе киргизов и ойратов, но и в многочисленных преданиях, некоторых обычаях, тамгах и т. п.

Эти факты в совокупности с приведенными ранее данными свидетельствуют о том, что в прошлом существовали непрерывные и интенсивные этнические связи как между самими киргизскими племенами, так и между киргизами и другими тюркоязычными и монголоязычными племенами, проживавшими в прилегающих районах Восточного Туркестана, с одной стороны, и в районах Восточной Ферганы, объединяемых общим термином «Андижан»,— с другой. Территория Джунгарии и Восточного Туркестана, южного Семиречья, Ферганы и Алая представляется в прошлом единым гигантским котлом, в котором происходил длительный процесс кристаллизации тех этнических компонентов, которые образовали в конечном итоге киргизскую народность. Подтверждение этому можно найти во многих рассматриваемых далее явлениях.

В памяти стариков отложились, как было указано, события относительно далекого прошлого. Так, в предании о происхождении группы джетиген (Куланакский р-н, Тянь-Шань) фигурируют имена как Эдиге, так и Токтомышкана (Тохтамыш) и Баракана (Борак-хан), что указывает на связь этого предания с событиями первой трети XV в., захватывавшими и Могулистан. Кстати, племени джетиген приписывается «ногайское» проис-

хождение. Любопытно, что в предании упоминается и жестокая эпидемия, охватившая страну после убийства Баракаком трех сыновей Эдиге (известно, что в Дешт-и Кипчаке в 1428—1430 гг. свирепствовала чума)[60].

В одной из распространенных легенд о предках киргизов фигурирует пришелец Даир, отправившийся затем к казахам и ставший родоначальником казахской группы джалаир (по другому варианту — албан). Это имя вполне согласуется с исторической личностью — казахским ханом Тахиром, стоявшим в течение некоторого времени, в 20-х годах XVI в., во главе могулистанских киргизов.

Ряд показаний в преданиях и легендах уходит в XVII в. Наиболее ярким из них следует считать рассказ о походе киргизов на запад во главе с ханом Кудаяном; этот поход рассказчики связывают с голодным, тяжелым для киргизов временем, когда «казахи доили березу, а киргизы ушли в Гиссар и Куляб» *(казак кайың саап, кыргыз ысар-кёлёпкё кетти)*. Любопытно, что в некоторых легендах поход во главе с Кудаяном характеризуется как набег на народ, называемый «каратегин». Как известно, крупное передвижение киргизов через Каратегин в Гиссар (в количестве 12 тыс. семей) произошло в 1635—1636 гг.[61]

Сложность этнического состава некоторых групп киргизов и известная условность вхождения в них тех или иных элементов может быть раскрыта на примере группировки ичкилик. Бо́льшая часть племен, обычно включаемых в ее состав, указывает на Восточный Туркестан как на свою древнюю родину. Источники XVI—XVII вв. упоминают некоторые из них среди киргизских племен, населявших в это время Восточное Притяньшанье. Появление основного ядра ичкиликов на территории Средней Азии очевидно, относится также к XVI—XVII вв.[62], хотя некоторые из племен передвинулись сюда позднее. Например, племя нойгут еще в XVIII в. было расселено в Восточном Туркестане. Ныне, за небольшим исключением, потомки нойгутцев живут в южной части Ошской обл. Киргизской ССР.

Придя на территорию Средней Азии, киргизские племена, причисляемые к группе ичкилик, вступили в тесный контакт с обитавшими здесь ранее значительными этническими группами местного тюркоязычного населения и впитали в себя часть этих групп. Прямое доказательство этому мы находим в мемуарах султана Бабура

(«Бабур-намэ»). Касаясь ряда явлений, связанных с социально-экономическим положением в Фергане, Бабур отмечает, что в горах между Ферганой и Кашгаром кочует большое племя скотоводов, состоящее из нескольких тысяч семей. Называя горы, в которых кочевало это племя, труднодоступными, он указывает, что кочевники имеют много лошадей и овец, а вместо быков они разводят кутасов (яков), которых у них также много.

В данном случае имеется очень важный этнографический признак, а именно — яководство, который может быть связан только с киргизами. В Средней Азии неизвестно ни одной народности, кроме киргизов, у которой разведение яков являлось бы одним из основных занятий. Название племени, которое приводит Бабур, читается по-разному: чакрак, чограк, чагрек, чегерак[63]. Мною установлено, что среди южнокиргизского населения, относящего себя по происхождению к племенам тейит, нойгут и бостон, до сих пор сохранились небольшие группы, удержавшие этноним *чогорок.* Все это дает основание полагать, что названное Бабуром племя вошло в состав ичкиликов.

Не все племена, которые принято было относить к ичкиликам, признают это объединяющее их название. По своему происхождению они различны. Включение их в данную группировку происходило в разное время. Не случайно из известных в XIX—XX вв. под названием «ичкилик» десяти основных племен в сочинении «Маджму ат-Таварих» в качестве потомков Булгачи названы только пять, причем отсутствует такое крупное племя, как кесек, а также и племена кыпчак, найман и др. Однако наблюдающееся сходство культурно-бытовых особенностей и диалектов основных племен этой своеобразной группы свидетельствует о пережитых ими общих этапах этнической и социально-политической истории. В то же время этнографические черты, свойственные в прошлом отдельным племенам этой группы, которые отмечались рядом исследователей[64], указывают на то, что процесс консолидации группы ичкилик происходил в не слишком отдаленные времена.

В работах К. И. Петрова[65] делается попытка доказать прямую этногенетическую связь между сложившейся на территории современной Южной Киргизии группой ичкилик (или ее «ядром») и явно монголоязычными племенами булагачин и кэрэмучин, жившими в XIII в. в Приенисейской области Баргуджин Токум. Эта

связь представляется нам сильно преувеличенной. В записанных нами генеалогических преданиях среди имен предков ряда киргизских племен мы находим имя Булгачи (также в форме Булганч, Булганчы), однако оно, как это можно полагать, возникло на тюркоязычной почве (см.: КРС, стр. 157—158).

Впервые имя Булганч — предка ряда племен, которые ныне включаются в состав группировки ичкилик, было записано мною в 1953 г.[66] Позднее, в 1955 г., то же самое подтвердил Сарт Курманалиев[67]. Согласно его варианту, от Булганча произошли племена тейит, канды, джоо кесек, нойгут, кыпчак, *кызыл аяк,* кесек, найман (в «Маджму ат-Таварих» из них названы, только первые три; следовательно, состав объединения ичкилик изменился).

Закир Чормошев[68] назвал имя Булганчы среди имен сыновей Джору — родоначальника племени джору (в составе ветви адигине). Наконец, Низам Исламов[69] сообщил, что в составе племени найман есть еще род булгачы-найман; его представители живут в Шааркане (Шаарихан), в Узбекистане, называют себя сейчас узбеками. Раньше, по его словам, булгачы-найман была большая группа, но вследствие голода многие из них ушли в Ысар (Гиссар) и остались там жить. И потомков там называют теперь калдык-найман (калдык или карлык, т. е. карлуки).

В. П. Юдин, ссылаясь на «Зафар нама» Низамуддина Шами, отмечает, что племя булгачи упоминается совместно с салучи для времен Тимура. После смерти Вайсхана, указывает В. П. Юдин, оно вместе с калучи и рядом других племен ушло в Дашт-и Кипчак к Абу-л-Хайр-хану. О нем говорится как о могульском племени[70]. В «Тарихи Рашиди» также сообщается, что во второй четверти XV в. племя под названием «булгачи» объединилось с кочевыми узбеками, возглавляемыми Абу-л-Хайр-ханом[71]. Все эти свидетельства плохо вяжутся с гипотезой К. И. Петрова. Ее еще никак нельзя считать доказанной. Происхождение группировки ичкилик значительно сложнее, чем оно представляется автору гипотезы.

Приступая к исследованию истории сложения современного этнического состава киргизов, необходимо отметить, что этнонимика, представленная в киргизском героическом эпосе «Манас», содержит существенные показания и для этнической истории. Она была частично

проанализирована мною в 1946 г.[72] Ценный опыт исследования этнонимов в «Манасе», в особенности их этимологии принадлежит языковеду Б. О. Орузбаевой[73].

На основании сопоставления имеющихся данных, характеризующих этнический состав киргизов, с показаниями исторических и географических сочинений и с этнонимикой древних и средневековых тюркоязычных, а также монголоязычных племен и народностей можно выделить несколько «пластов» этнических групп, в наименованиях которых нашли отражение важнейшие этапы этнической истории киргизского народа.

Первый «пласт» таких групп непосредственно восходит к периоду, который можно датировать VI—XI вв. н. э. Только к концу этого периода окончательно складываются феодальные отношения. Поэтому вряд ли для всего обозреваемого периода можно говорить о существовании такой этнической общности, как народность. К этому «пласту» принадлежат этнонимы, ближайшим образом связанные с кругом древнетюркских и раннесредневековых племен, а именно: тёёлёс, мундуз, кыпчак, кaңды (т. е. канглы), кушчу, арык, уйгур, бугу, азык и предположительно солто, саяк (частично), багыш, сары багыш, чоң багыш, кара багыш, джедигер и некоторые другие.

При тщательном рассмотрении генеалогических преданий племени бугу становится очевидным, что входящее в его состав подразделение *арык* (или *арык тукуму)* не является его органической частью. Даже в преданиях, связанных с приходом бугинцев на оз. Иссык-Куль в XVIII в., арык выступает как самостоятельная группа. Это позволяет поддерживать выдвинутое Г. Е. Грумм-Гржимайло утверждение, что арык является по своему происхождению одним из родов уйгуров, носившим имя арик[74].

Племя азык мы сближаем с древним асиги. Как и гэшу (современные кушчу), оно принадлежало к аймаку Нушиби (VII в., Западнотюркский каганат)[75]. Однако возможно отождествление этого этнонима и с названием народа «аз», упоминаемого в орхонских надписях на памятниках в честь Кюль-Тегина (Большая надпись) и Тоньюкука[76]. В. В. Бартольд, отметивший, что чтение названий двух поколений тюргешей Семиречья VII в. — тохсийцы и азийцы — сомнительно, писал: «...возможно, что азийцы тождественны с упоминаемым в орхонских надписях народом аз»[77]. В своей работе «Киргизы»

В. В. Бартольд также отмечает, что вместе с киргизами в надписи Тоньюкука несколько раз упоминается народ аз[78] и уже уверенно называет азов ветвью тюргешей[79].

В связи со сказанным об азах-тюргешах обращает на себя внимание сходство изображений тамги племени азык (Э Э) с тамгой в виде лука на тюргешских монетах VIII в., найденных во время раскопок в Чуйской долине[80]. Тамга имеющая точно такое же начертание, имелась у племени бугу. Она носила название «жаа тамга» (от жаа — лук)[81].

Племя азык может быть сопоставлено также с алтайской группой «торт-ас», входящей в состав современных теленгутов и ач-кыштымов[82], потому что и представители киргизского племени азык (или асык) называют себя «четырехтамговыми» *(тёрт тамгалуу азык)* по числу подразделений: *козугуна, байкючюк, бычман* и *берю*[33].

Вопрос о происхождении нескольких племен, в названиях которых имеется этноним багыш, относится к числу наиболее сложных. До недавнего времени приходилось считать недоказанной гипотезу Н. А. Аристова о бесспорном центральноазиатском происхождении этих племен[84]. Она была основана на переводе В. В. Радловым названий киргизских племен сары багыш и чоң багыш (желтый лось, большой лось)[85]. По мнению Н. А. Аристова, этот этноним мог быть принесен только из Средней Монголии, а частию, быть может, даже из-за Саянов. В последнее время появились весьма веские доказательства в пользу возможности «переноса» названий диких животных из Саяно-Алтая на Тянь-Шань. В одной из записей, сделанных мною во время работы этнографического отряда Киргизской археолого-этнографической экспедиции в 1953 г., встретилось незнакомое слово *куну*. С этой записью я ознакомил К. К. Юдахина. Благодаря его исследованиям, а также изысканиям А. М. Щербака теперь уже установлено, что киргизское куну — росомаха (ср. хакасск. хуну, шорск. kунучаk)[86]. Росомахи на Тянь-Шане не водились, это название — саяно-алтайского происхождения.

Согласно последним изысканиям Л. П. Потапова, с которыми он меня любезно ознакомил, у челканцев (одна из этнографических групп в составе северных алтайцев) шаман называл свой бубен во время камлания «ер пагыч». Так как бубен во время камлания — это ездовое животное (обычно то животное, шкурой которого обтянут бубен), то, следовательно, ер пагыч — это

название самца (ер) животного. Если обратиться к термину пагыч, окажется, что это фонетический вариант киргизского этнонима багыш; тогда бубен для челканского шамана символизировал лося. Лоси же, как известно, до недавнего времени были объектом охотничьего промысла челканцев, и шкуры их действительно шли на обтягивание шаманских бубнов. «Шаманский бубен у тувинцев,— пишет Л. П. Потапов,— как и у других народностей Саяно-Алтайского нагорья, во время камлания осмысляется как ездовое животное шамана. Название бубна обычно означает диких промысловых копытных животных»[87]. Таким образом, алтайский этнографический материал подтвердил семантику этнонима багыш.

Следовательно, соображения Н. А. Аристова, казалось бы, получили некоторые основания. Но гипотеза Н. А. Аристова находит частичное подтверждение не только в семантике этнонима багыш, но и в другом факте. Киргизский ученый Абак Биялиев, изучавший архаические слова в лексике эпоса «Манас», обратил мое внимание на название дикого животного — *булан*. Действительно, как свидетельствует К. К. Юдахин, булан в киргизском эпосе — название дикого животного, которое в некоторых тюркских языках означает — лось, олень[88]. Это архаическое слово, значение которого неизвестно современным киргизам, именно в языках народов Саяно-Алтая сохранилось как название лося[89]. Итак, хотя вопрос о енисейском происхождении киргизских племен с этнонимом багыш все же продолжает оставаться спорным, приведенные факты могут говорить в пользу вхождения в состав предков киргизов этнического компонента, связанного по своему происхождению с Саяно-Алтаем.

Довольно крупное племя канды (канглы), на которое обращал в свое время внимание В. В. Бартольд, принадлежит, по видимому, к одному из аборигенных тюркоязычных племен. Еще до вторжения кара-китаев на территорию современной Киргизии Баласагунского владетеля (из Караханидов) притесняли тюркские племена — канглы и карлуки[90]; следовательно, канглы жили по соседству с долиной р. Чу[91]. Вероятно поэтому В. В. Бартольд не отверг приводимого им сообщения Абульгази о том, что еще в домонгольское время канглы занимали территорию от Таласа до оз. Иссык-Куль[92]. В таком случае они могли тесно соприкасаться с другими тюркоязычными племенами, также вошедшими позднее

в состав киргизской народности. Потому канглы упоминаются на этой же территории и в более позднее время среди других племен Моголистана. Они вошли как в состав Старшего жуза казахов[93], так и в состав киргизов[94].

Характерно, что знатоки киргизских генеалогий различают в этническом составе киргизов группу более древних и группу поздних племен. К числу древних племен они относят кыпчак, мундуз, кутчу (кушчу), канды, что вполне согласуется с историческими фактами. Менее обосновано включение в эту же группу племен нойгут, катаган, джедигер. Следует подчеркнуть, что некоторые киргизские этнонимы и показания генеалогических преданий позволяют говорить об этногенетической связи части киргизских племен с карлукско-уйгурской средой, игравшей важную роль в этнической истории населения Тянь-Шаня и Притяньшанья в домонгольское время[95].

Новые показания, сигнализирующие о связи киргизских племен с карлуками, заставляют нас внимательно отнестись к отдельным совпадениям этнонимов у таджикистанских карлуков, приводимых Б. Х. Кармышевой[96], и у киргизов. Так, карлукскому этнониму «мажаки» соответствуют названия групп мачак в составе племен чоң багыш и саруу у киргизов. Карлукскому этнониму «гилат» соответствует у того же племени чоң багыш название группы *килет*.

У некоторых исследователей вызывало сомнение отнесение нами этнонима уйгур к числу тех, которые отражают первый этап формирования будущей киргизской народности. Для такого сомнения нет оснований. Хорошо известно, что в сочинении X в. «Худуд-ал-алам» (изданном В. В. Бартольдом, переведенном и прокомментированном В. Минорским) киргизы и токуз-огузы, в состав которых в VII—VIII вв. входили племена теле, и в том числе уйгуры, неоднократно упоминаются как соседние конфедерации племен[97]. Киргизовед-филолог Б. М. Юнусалиев, отмечая связь киргизского языка с уйгурским, пишет: «Приведенные факты из области основного словарного фонда опять-таки связывают современный киргизский язык с теми же алтайским или, еще шире, с тувинским и хакасским языками, с одной стороны, и с уйгурским языком, с другой...

Южные же киргизы имели тесные культурно-экономические и политические взаимоотношения с узбеко-уй-

гуро-таджикским населением Ферганской долины, Памира и Кашгарии»[98]. В данном контексте речь идет о современных киргизском и уйгурском языках, но едва ли можно сомневаться и в более ранних связях языков киргизских и уйгурских племен, тем более что и древнеуйгурский и древнекиргизский языки входили в одну — уйгуро-тукюйскую подгруппу уйгурской группы восточной, или восточнохуннской, ветви тюркских языков[99].

Отражением этнических отношений киргизов с уйгурами служит и этноним уйгур, зарегистрированный в Южной Киргизии[100]. В настоящее время группы, относящие себя по происхождению к подразделению уйгур, живут в Уч-Коргонском р-не, в селениях Кароол-Буйга, Авузтам-Пилал, Тегирмеч, Караганды, Керегеташ, Олагыш, Каракыштак, Пум. Раньше жили еще в сел. Шыпы (Шиббе) и в местности Лянгар. По показаниям большинства информаторов, уйгур — самостоятельное подразделение племени тейит (одно из племен, объединяемых названием «ичкилик»). По другим сведениям, уйгур — часть подразделения *чал-тейит* (или же часть подразделения *сары-тейит)* того же племени. Относящие себя к группе уйгур старики Кенджебай Айтемиров и Райимберди Ормонов утверждают, что ранние предки этой группы пришли из Бухары (Бухара-и Шарып), а прямые предки уч-курганской группы уйгур переселились сюда из Каратегина, где и сейчас в местности Кош-Тегирмен проживает часть группы уйгур.

Судя по некоторым фактам, входившие в группу уйгур занимались и скотоводством, и земледелием. Так, в местности близ сел. Кароол имеется канал под названием Уйгур-арык. Рассказывают, что между группами булгачы-найман и уйгур были ожесточенные споры из-за пастбищ вокруг оз. Тегирмеч. Относящие себя по происхождению к группе уйгур отмечают свое близкое родство с племенем тейит: *тейит менен уйгурдун ураны бир,* т. е. у тех и других — один ураан[101]. Кенджебай Айтемиров добавил, что группа уйгур имеет также общее происхождение *(бир жааты)* с группами кыдырша, канды, кесек и нойгут. Но имеется указание и на близкую родственную связь с двумя группами — *буйга* и тёёлёс.

Примечательно еще, что существует распространенное выражение: *ураан башы уйгур.* Смысл этого выражения толкуется по-разному. По одной версии, когда люди разбрелись от голода, во главе пришедших из Каратегина на территорию Южной Киргизии родопле-

менных подразделений была группа уйгур; по другой — группа уйгур когда-то была многочисленной и над кем-то господствовала. С исторической точки зрения, оба эти толкования вполне допустимы. Вряд ли можно сомневаться в том, что киргизская группа уйгур сохранила этноним, восходящий к древнему уйгурскому населению, как его сохраняло и одно из племен той части узбеков, которая имела родоплеменное деление. В записанных нами нескольких генеалогических преданиях среди 92 узбекских племен обязательно называлось племя уйгур.

Киргизское же племя кыпчак явно обнаруживает свою связь с племенами «алтайского» происхождения. Оно не может быть сопоставлено с аналогичными племенами среди узбеков и каракалпаков. В составе киргизского племени кыпчак (*тогуз уруу кыпчак*, т. е. девятиродовый кыпчак) называют следующие основные подразделения: *тору айгыр, таз, коджомюшкюр, жартыбаш, шерден, кармыш, жаманан, омонок, алтыке.* Называют еще группу *сакоо-кыпчак.* Среди подразделений этого племени, проживавших на юге Киргизии, не представлены некоторые группы, расселенные только на территории Синьцзян-Уйгурского авт. р-на КНР: *кан-кыпчак, товур-кыпчак* и др.

В то же время племенная группа кыпчак, принявшая участие в этногенезе узбекской народности (киргизы называют ее *сарт-кыпчак),* имела другую структуру. Ш. И. Иногамовым были зарегистрированы в Фергане у узбеков-кыпчаков следующие родовые подразделения: яшик, ульмас, бугач, джайдак, кугай, илятан, огин, кучджарак, кумушай, тикан, сары-кыпчак, тоз, кизилмуш, туртайлик и др.[102] В списке «кипчакских родов», живших на территории современной Наманганской обл. Узбекистана, переданном мне в конце 1940-х годов В. Г. Мошковой, содержатся кроме некоторых перечисленных Ш. И. Иногамовым подразделений (кумышай, къғай, буғач, ульмас, яшик, яйдаг, илатан и ткан) и другие: пучукой, буғаз, курама, кулон, айбойра, чляль, чирик, итти кашка (?). Последнее подразделение, по указанию В. Г. Мошковой, включено ею в этот список только потому, что оно упомянуто в работе В. П. Наливкина в числе пяти колен ферганских кипчаков[103].

Таким образом, генеалогические структуры киргизского и узбекского племен кыпчак, если не считать подразделения таз у киргизов и тоз у узбеков, не совпа-

дают. Вместе с тем обращает на себя внимание, что среди подразделений этого племени у киргизов и у казахов Среднего жуза есть общее — тору айгыр[104]. Если учесть, что территории расселения киргизского и казахского племен кыпчак разделяет расстояние, исчисляемое многими сотнями километров, факт наличия у тех и других одноименного подразделения приобретает особый интерес. Этот факт можно рассматривать как прямое свидетельство давних этногенетических связей этих двух племен. Предположение об этногенетической связи киргизского племени кыпчак с восточной, приалтайской, ветвью кыпчаков и об его движении на юг через Семиречье, высказанное мною в 1959 г., подтверждается также сведениями о расселении этого племени на территории Семиречья и Восточного Туркестана, содержащимися в рукописных сочинениях, повествующих о событиях XVI—XVIII вв.[105]

Как показало исследование А. А. Валитовой, тюркоязычным памятником, в котором впервые был назван этноним кыпчак, следует считать известное сочинение XI в., написанное Юсуфом Баласагунским (автор — уроженец г. Баласагуна, который, по мнению многих исследователей, был расположен в Чуйской долине)[106]. А. А. Валитова отмечает и тот существенный факт, что сведения о кыпчаках, содержащиеся в «Диване» Махмуда Кашгарского (XI в.), относятся к племенам кыпчаков Семиречья и Восточного Туркестана[107].

По поводу отношения киргизского племени кыпчак к сарт-кыпчакам существуют различные толкования. Некоторые утверждают, что у них был общий предок — Кыпчак. Одна жена у него была киргизка, другая — сартянка. Потомки первой — кыргыз-кыпчаки, потомки второй — сарт-кыпчаки[108]. Иные просто подчеркивают, что обе эти группы близки по происхождению[109]. Но есть и показания, что никакой связи или близости между ними не было, о ней не слышали[110].

Едва ли имеются основания сомневаться в том, что кыпчакский компонент играл определенную роль уже на том этапе этнической истории киргизской народности, который отразился в первом «пласте». Об этом самым убедительным образом свидетельствует история киргизского языка. Несмотря на наличие в составе западной, или западнохуннской, ветви тюркских языков самостоятельной кыпчакской группы, киргизский язык, вместе с южными диалектами алтайского языка, составляет киргизско-кыпчакскую группу, входящую в другую класси-

фикационную категорию — восточную, или восточно-хуннскую ветвь[111]. Такая классификация обусловлена тем, что и киргизский, и алтайский языки находились под влиянием кыпчакских языков. Можно поэтому допустить, что субстратом киргизского языка были языки древних тюркских племен, живших в I тысячелетии н. э. на Алтае и в соседних с ним областях[112].

Роль кыпчакского компонента хорошо прослеживается и по данным более позднего источника — рукописи «Маджму ат-таварих». В описываемых здесь событиях действуют сыновья Ак-Тимур кипчака, которых назвали Джети-Кашка (ср. выше — итти кашка), затем кошун (войско) Ульмас-Кулана (ср. выше подразделения сарт-кыпчаков ульмас и кулон). Наряду с ними в событиях участвуют кипчаки Каркары (сын Каркары — Якуб-бек, сын Якуб-бека — Манас). Эти последние жили в Кара-Кишлаке. Как отмечает В. А. Ромодин в связи с переводом извлечений из названной рукописи, Кара-Кишлак находился, очевидно, в районе современного города Мерке (Казахстан); на современных картах там же показана р. Каракыстак. По преданию, относящемуся примерно к середине XVIII в., к западу от гор, расположенных поблизости от Мерке, находился город Кара-кыштак, в котором жил калмыкский хан Контааджы[113]. Хотя в одном месте рукописи и отмечается, что кипчаки Джети-Кашка были того же происхождения, что и Каркара, но все же, очевидно, речь идет о разных группах кыпчаков, тем более что Каркара назван дедом Манаса — легендарного героя одноименного киргизского эпоса. Поскольку мы коснулись эпоса, следует сказать, что некоторые из произведений «малого» эпоса (поэмы «Эр-Тёштюк», «Курманбек», «Олджобай и Кишимджан») воссоздают картины жизни именно племени кыпчак. В эпосе «Манас» видную роль играет соратник Манаса кыпчакский хан Урбю.

Согласно некоторым киргизским преданиям, все племя кыпчак во главе с ханом Ширдаком прибыло из местности Кёк-Дёбё — Каркыра (см. выше — предводитель кыпчаков Каркара)[114]. Хана Шырдака считает своим предком подразделение кыпчакцев — коджомюшкюр[115]. Некоторые старики прямо указывают на то, что кыпчаки выделились из среды народа «ак-калпак» (как называют древние племена киргизов) в качестве господствующей группы, они считались аксакалами (*бийлеп чыкты;* от *бийле* — управлять, владеть, повелевать)[116],

что вначале всеми киргизами управляло племя кыпчак, а позднее — племя багыш[117].

Замечу еще, что первый комплекс в составе киргизского орнамента, который С. В. Иванов считает основным, определяющим характер киргизского искусства, он условно называет кыпчакским «поскольку он встречается у целого ряда народов, в состав которых входят кыпчаки. Сложился он, видимо, в среде поздних кочевников, т. е. в IX—XII веках... Орнамент кочевников IX—XII веков обнаруживает черты сходства с современным орнаментом степняков и близок, в частности, к киргизскому и казахскому»[118].

Все сказанное свидетельствует о том, что как этническая среда, так и язык восточной, приалтайской ветви кыпчаков, оказали определенное влияние на сложение киргизской народности, ее языка, фольклора, изобразительного искусства и других особенностей ее культуры.

Следующий «пласт» киргизских этнических групп, насколько об этом можно судить по их этнонимам и некоторым этнографическим данным, связан по своему происхождению с периодом, который можно датировать XII—XIV вв. Он характеризуется двумя крупными историческими событиями: киданьским и монгольским вторжениями на территорию местообитания ряда тюркоязычных племен, в том числе и вошедших несколько позднее в состав киргизской народности. В этот «пласт» входят как группы монгольского происхождения, так и некоторые другие. К ним можно отнести нойгут (вероятно, упоминаемое Рашид ад-Дином племя онгут), баргы (монгольское племя баргу, или баргут), коңурат (монг. хонкират), катагат (монг. хатакин), баарын (монг. баарин), найман, керейт *меркит*[119]. По-видимому, к ним же могут быть отнесены такие небольшие группы, как *кодогочун* (в составе племени муңгуш), *кара кунас* и *ардай* (обе в составе племени джору, ветвь адигине). Особняком стоит племя кытай, в котором можно видеть отдаленных потомков киданей (кара китаев), подвергшихся ассимиляции со стороны киргизов.

Племя кытай было расселено в долинах рек Таласа и Чаткала, но крупные группы этого племени жили в Приисcыккулье, в Чуйской долине, более мелкие — на Тянь-Шане. Их в недавнем прошлом окружающее население в шутку называло «кара кытай». В составе подразделения этого племени — *кыйра* имеется группа, носящая название *кара кытай*. Существует мнение, что кир-

гизское племя кытай могло получить свое название от имени или прозвища родоначальника этого племени. С этим мнением трудно согласиться, поскольку племена с тем же названием (или с его фонетическим вариантом) были представлены в этническом составе узбеков, каракалпаков, казахов и башкир, т. е. восходят к общему этническому прототипу, каким, по всей вероятности, и были кидани.

В этот период не только вступает в полосу своего завершения процесс формирования основных киргизских племен, но и начинается сложение их в киргизскую народность.

Третий «пласт» относится к последнему этапу этнической истории киргизов, к периоду XV—XVIII вв., когда сложился современный этнический облик киргизской народности. Здесь видное место занимают, помимо еще не выясненных местных тюркоязычных групп (см. выше пример с племенем чогорок, стр. 36), группы казахско-ногайского происхождения. Среди них мы выделяем группы чекир-саяк (их потомки живут в основном в долинах Сусамыра, Джумгала и среднего течения р. Нарына), джетиген, некоторые группы из племени саруу (алакчын, *колпоч*) и племени сары багыш, а также отдельные мелкие группы казахского происхождения, входящие ныне в состав населения Таласской долины.

По-видимому, в этот же период сформировались некоторые группы, которые мы рассматриваем как группы смешанного монгольско-тюркского происхождения, также вошедшие в состав киргизской народности. К ним принадлежат прежде всего монолдор и черик. В них мы склонны видеть группы чагатаидских могулов, этнический состав которых, в той мере, в какой он нашел отражение в исторических источниках, получил освещение в ценной публикации В. П. Юдина.

Мне представляются весьма плодотворными мысли, высказанные В. П. Юдиным по поводу этнических связей киргизов с могулами Могулистана и Могулии[120], тем более что именно в эту эпоху происходит формирование самой киргизской народности. По мнению В. П. Юдина, эти связи можно расчленить на два этапа: I — период общности могулов и киргизов в составе союза племен Могулистана, объединявшегося этнонимом «могул» (до XV в.); II — период обособления народностей и последующего поглощения могулов соседними народами (начиная с XV в.). В первый период будущие могульские и

киргизские (и будущие казахские) племена на равных основаниях входили в состав формировавшейся могульской народности[121]. Процесс этот оказался незавершенным. Далее на политико-экономической основе произошло обособление и выделение группировок племен, одна из которых сохранила название «могул», вторая приобрела название «кыргыз», третья влилась в состав казахской народности.

Такое направление этнических процессов наиболее близко к действительности, особенно если учесть два обстоятельства: 1) эти процессы хронологически совпадают с процессами формирования некоторых других соседних народностей (узбеков, казахов); 2) территория Могулистана включала в себя не только часть современной Киргизии, но и значительные пространства Восточного Притяньшанья, т. е. ту этническую территорию, на которой формировались будущие компоненты киргизской народности.

В. П. Юдин справедливо отмечает в составе киргизов «явно могульские и общие с могульскими элементы»: баарын, балыкчи, барак, дуулат, керейит, кушчу, монгол, монголдор, нойгут и др. Можно добавить сюда и племя баргы (если правильна приводимая В. П. Юдиным форма барки, встречающаяся иногда в источниках), а также племена мекрит (кир. меркит), булгачи[122] (у киргизов булгачы-найман)[123] и чирик [124].

На племени черик следует остановиться особо. В своих исследованиях К. И. Петров рассматривает улус Анга (Инга, Инка) тюри Бай Мурада Черика как киргизский улус. Такое утверждение основано на том, что в состав имени Анга-тюри входит слово «Черик», совпадающее с названием киргизского племени черик, а также на том факте, что, согласно «Маджму ат-таварих», генеалогия Анга-тюри в какой-то части совпадает с генеалогией правого крыла киргизов. Но эти аргументы неубедительны. Во-первых, как известно, черик — монгольское (заимствованное из индийских языков) слово, означающее «солдат, войско, поход»[125], т. е. имеет отношение к военным терминам. Это слово могло стать составной частью имени (а возможно и титула) Анга-тюри и безотносительно к названию племени черик. Во-вторых, при изучении генеалогических преданий, содержащихся в «Маджму ат-таварих», удалось установить, что в родословной Анга-тюри из 12 имен его предков (они названы предками м о н г о л о в) только шесть

(Ана-л-хакк, Лар-хан, Гуз-хан, Арсланг-бий, Кули-бий и Мары-бий) совпадают с именами легендарных предков, перечисляемыми в родословной правого крыла киргизов. В последней же цепочка имен предков родоначальника крыла Ак уула состоит из 19 имен. Это может свидетельствовать лишь о том, что имена некоторых предков правого крыла киргизов были позднее «присочинены» к родословной Анга-тюри не без участия киргизской феодальной знати, которая была в этом прямо заинтересована.

Весьма интересны следующие замечания в «Маджму ат-таварих» об улусе Анга-тюри[126]: «Около Анга-тюри собрались монголы (когда против него выступил Тохтамыш); «Ангара-тюря отправил в помощь Кара-ходже и Манасу 10 тысяч моголов»; «Анга-тюря отправил моголов и чериков на перекочевку». Вполне вероятно, что киргизы (в том числе и племя черик) входили в улус Анга-тюри, но он не был «киргизским».

Из этих данных следует, что в XVI в. племя черик в составе киргизов уже было представлено, хотя, возможно, и имело смешанный характер. В структуре правого крыла, как она вырисовывается из названного источника, племя черик не названо. Зато в других разделах рукописи встречается ряд имен, которые имеют прямое отношение к племени черик. Сыновьями военачальника Анга-тюри — Ахмеда Бек-Назара названы Ак-Чувак, Бай-Чувак, Диван-Черик, Мулла-Черик, Кара-Черик. В число основных подразделений в структуре племени черик, согласно нашим данным, входят: *ак-чубак, бай-чубак*. Отмечены и более мелкие группы: *молдо-черик, дубан* и *кара-черик*[127]. Таким образом, между племенем черик XVI в. и группой современных киргизов, относящих себя по происхождению к племени черик, устанавливается прямая генетическая связь. Однако племя черик могло сложиться и ранее XVI в. Как этническое название этот термин известен уже очень давно. Он дешифрован из табгачской лексики: чэ-ли=t'siet (r) — liji (ri); черики упоминаются в «сакском» документе VIII в., где «ясно проступает их западная, может быть, восточнотуркестанская локализация, так как рядом с ними названы тохары»[128].

Значительный интерес вызывает сопоставление киргизского племени монолдор с могулами, в частности с улусом Анга-тюри. В «Маджму ат-таварих» сыном Анга-тюри назван Мухаммед-бек, по прозвищу Кок-буга. Меж-

ду тем, согласно некоторым вариантам генеалогических преданий современных киргизов, родоначальника племени моңолдор (мужа Нааль — сестры Адигине и Тагая) звали Кёкё, а прозвищем его было Кёк-бука. Потомками Мухаммед-бека в рукописи XVI в. названы: Кувай (в четвертом поколении), Ку-Сюек (в восьмом поколении), Сейид-Гази (в девятом поколении), Кувай Буваке Дават-бий (в десятом поколении). Кроме того, называются еще Бай Могол и его потомки Чолок Тукиме и Кире. Все названные имена полностью совпадают (хотя и частично искажены в рукописи) с именами отдельных родоначальников и с названиями подразделений племени моңолдор, зафиксированными в современных генеалогических преданиях. В структуре этого племени мы находим подразделения: *кабай, куу сёёк, бай моңол, чолок туума, улу кыйра* (и *бала кыйра*). Предком подразделения *бёгёнёк* называют Сейиткозы. Предком племени считают Баакы-бия[129].

Одним из могущественных могульских племен было племя чорас[130]. К числу крупнейших подразделений киргизского племени черик-саяк принадлежало подразделение *чоро*. Оно также отличалось своей воинственностью. Из его среды в XVIII в. вышел военный предводитель Джамболот, видным деятелем того времени был и Бостумак, который, согласно данным И. Г. Андреева, был старейшиной одноименной «волости». К подразделению чоро принадлежали и два военачальника первой половины XIX в. — Атантай и Тайлак, возглавившие борьбу всего племени чекир-саяк с иноземными захватчиками. Имеются все основания рассматривать подразделение чоро как потомков племени чорас периода общности могулов и киргизов (здесь, как и в других случаях, «с» могло быть аффиксом множественности).

К этому же «пласту» следует отнести и группы под названием «калмак», а также некоторые группы, называемые местным населением по имени их предка, но с замечанием, что он — калмыкского происхождения. И те и другие входили в состав различных киргизских родоплеменных подразделений[131].

Наконец, сюда же могут быть включены группы (преимущественно небольшие), восходящие этнически к местному узбекскому, отчасти таджикскому, населению. Среди них сарттар, *маңгыт, сарай*, чертике, калча и некоторые другие.

Таким образом, в этническом составе киргизской на-

родности выявляются несколько слагаемых различного происхождения. Главными из них можно признать центрально-азиатские (в основном тюркоязычные, отчасти и монголоязычные) и местные среднеазиатские (включая казахско-ногайские) компоненты.

Необходимо пояснить, что под центральноазиатскими компонентами мы понимаем не только племена, появившиеся на территории Тянь-Шаня в период монгольского завоевания Средней Азии либо вслед за ним, но и племена, жившие на этой территории или пришедшие сюда еще в домонгольское время, но так или иначе связанные по своему происхождению с Центральной Азией (к ним могут быть отнесены и выходцы с Саяно-Алтая, из Монголии, возможно даже из притибетских районов). В этом смысле и понятие «казахско-ногайские» компоненты (их можно также назвать кыпчакско-ногайскими) тоже имеет условный характер.

Заслуживает пристального внимания и вопрос о территории, в пределах которой происходило формирование некоторых этнических компонентов. Отмечу прежде всего, что среди народных преданий, относящихся к наиболее ранним этапам этнической истории, записанных как на Тянь-Шане, так и в Чуйской долине, имеются такие, в которых прежней родиной киргизов называется Алтай. Там киргизами правил Кыргыз-кан. Ряд киргизских этнонимов имеет прямую аналогию с этнонимами у южных алтайцев: кыпчак, найман (у алтайцев также — майман), меркит (у киргизов, как и у алтайцев, эту группу называют также мюркют или меркит-мюркют), тёёлёс или дёёлёс (у алтайцев — телес), мундуз (у алтайцев — мундус). Нужно отметить, что этнонимы тёёлёс и мундус представлены только у киргизов и алтайцев. Кроме того, среди алтайцев имеются этнонимы «кыргыз» и «бурут». У киргизов отмечен этноним керейит. Потомки средневековых кераитов и их ветви тункаитов, относившихся к кераитам алматов (албатов), представлены у южных алтайцев сеоками «тонгжоан» и «алмат», у северных — сеоком «тонг»[132].

Чрезвычайно важным является совпадение названий не только самих этнических групп (алтайских сеоков и киргизских племен), но и наименований их подразделений. И у киргизов, и у алтайцев — имеются подразделения *кара найман, кеке найман* (у алтайцев — *кёгёл найман);* подразделению «кочкор мундус» у алтайцев соответствует подразделение *коткор мундуз* у киргизов; ал-

тайскому подразделению «дьарык» (у алтай-кижи) — киргизское *жарыке* (в составе племени мундуз) и некоторые другие. Своим предком иссык-кульская группа киргизов-дёёлёсцев называет Чулум-Кашка, а в составе алтайцев имеется подразделение «чулум мундус»[133]. Обращает на себя внимание тот факт, что почти все названные племенные и родовые группы киргизов локализуются в пределах Южной Киргизии либо полностью (например, найман), либо в подавляющем большинстве. Исключение составляет лишь племя тёёлёс (дёёлёс), представители которого в значительном количестве населяют как Янги-Наукатский р-н Ошской обл., так и ряд селений в Джеты-Огузском р-не (Прииссыккулье). Характерно, что небольшие киргизские группы меркит и керейит живут среди тёёлёсцев и считают себя теперь подразделениями племени тёёлёс.

К числу наиболее древних из названных этнонимов у киргизов и алтайцев могут быть отнесены кыпчак, тёёлёс и мундуз[134]. На роли кыпчакского компонента в этнической истории киргизской народности мы уже останавливались[135]. Заслуживает рассмотрения и вопрос о той группе киргизских этнонимов, которые прямо или косвенно, уверенно или предположительно могут быть сопоставлены с племенами, составлявшими одно из древнетюркских кочевых объединений, носившее название «теле». Племена, входившие в состав этого объединения, кочевали на обширных пространствах по северную сторону пустыни Гоби, между Большим Хинганом на востоке и Восточным Тянь-Шанем на западе. Зона кочевий племен теле включала территории современной Монголии, Тувы и Алтая, как Русского, так и Монгольского. Этнический состав объединения теле был обстоятельно освещен Л. П. Потаповым в его работах, относящихся к этногенезу алтайцев[136], где он подробно рассматривал также мнения Ф. Хирта, Э. Шаванна, В. Томсена, Е. Пуллибланка, О. Притсака, Д. Позднеева, В. В. Бартольда, В. В. Радлова и других исследователей.

О причастности предков киргизов к конфедерации теле свидетельствует прежде всего сам киргизский этноним тёёлёс (дёёлёс), представляющий собой, как и южноалтайский этноним «телес», грамматическую форму тюркского множественного числа от теле[137]. В ряде образованных от теле племенных названий у южных алтайцев находится и «телеут». Поскольку сеок, или род мундус, у алтайцев — один из наиболее древних и ши-

роко распространенных в составе телеутов[138], мы можем считать и киргизское племя мундуз генетически восходящим к племенам конфедерации теле.

Л. П. Потапов сопоставляет упоминаемый в монгольском источнике «Сокровенное сказание» этноним «тенлек» с самоназванием «телек», или «телег», значительной группы тувинцев, которое также восходит к древнему этнониму теле. Л. Амбис (L. Hambis), на которого ссылается Л. П. Потапов, допускает возможность рассматривать телек как диалектальную форму от этнонима, переданного в китайских источниках термином «толо» (T'o — lo)[139]. В киргизской этнонимике термин *тёлёк* был представлен у племен чекир-саяк, баргы (ветвь адигине), саяк, солто[140].

К числу «поколений» теле среди других относились «пугу» (ср. киргизское племя бугу), «байси» (ср. *байсу* или *байзу* — один из родов, входивших в состав подразделения *кырк уул* киргизского племени саруу), «хойху», или «уйгур» (см. выше о киргизской группе уйгур стр. 53—55), «апа», или «аба» (ср. *абат, ават, авагат* — одно из киргизских племен, входивших в состав ичкиликов). В связи с этим обращают на себя внимание два факта: округ Цзиньвэйшань западных пугу соответствовал цепи Тарбагатайских гор в северо-западной Джунгарии, а р. Пугу-чжень (Бугу-чин) — Верхнему Иртышу[141].

Один из родов в составе подразделения *тёмён тамга* киргизского племени кытай носил название *тёрдёш*. Мы решаемся сопоставить этот этноним с *тардуш* древнетюркских рунических надписей (термин, обозначавший западную половину, или западное крыло, древних тюрков). В кратковременном каганате племен теле, возглавленном племенем *сеяньто*, западная часть владений именовалась *тадуш*[142].

Наконец, особый интерес представляет название одного из «поколений» теле *паегу*, или *баегу* (байырку). В 1954 г. мною были сделаны записи, имеющие отношение к этому названию. А. Чоробаев[143] сообщил: «Байгур и Уйгур — родные братья; от Уйгура происходят кашкарлык, от Байгура — тараанчи». Абдыке Кёкёев[144] слышал от стариков иной вариант: «Уйгуры — потомство Уйгура, кыргызы — потомство Байгыра» (*уйгур — Уйгурдун тукуму, кыргыз — Байгырдын тукуму*). Представляется крайне заманчивым сопоставить эпоним Байгур-Байгыр с этнонимом баегу (байырку)[145].

Несмотря на очевидную условность некоторых из приведенных сопоставлений, представляется неоспоримой мысль об этногенетической связи отдельных киргизских племен с племенами древнетюркской конфедерации теле.

Древнее этническое родство предков алтайцев и киргизов подтверждается не только совпадениями этнонимов, но и многими этнографическими параллелями, относящимися к различным сторонам быта и мировоззрения этих народов, не говоря уже о большой близости киргизского и алтайского (точнее, южноалтайского) языков[146].

Хотя и в меньшей степени, но имеются общие этнонимы у киргизов и хакасов (кирг. *желден,* у хакасов — чжельден; бугу; у хакасов — кыргыз), у киргизов и тувинцев (кирг. мунгуш, у тувинцев — монгуш; уйгур; у тувинцев — кыргыз)[147].

Следовательно, довольно значительное количество этнических связей прослеживается в направлении Саяно-Алтая, особенно Алтая. Параллели в этнических названиях не являются одинокими, они сопровождаются целым рядом явлений историко-культурного характера, перекликающихся у народов Алтая с киргизами. Приведу здесь лишь один пример, относящийся к довольно устойчивым в этническом отношении обрядам и обычаям. Географ-альпинист В. И. Рацек обнаружил на Прииссыккульских сыртах целый ряд погребений, имевших надгробные сооружения, сделанные из дерева[148]. Такие сооружения у современных киргизов Прииссыккулья и Тянь-Шаня не встречаются, они имеют совершенно другие формы. В 1954 г. географом А. В. Станишевским была передана Л. П. Потапову фотография целого киргизского кладбища, расположенного на территории северной части Синьцзян-Уйгурского авт. р-на КНР, на склонах хребта Бийик. Кладбище состоит из деревянных сооружений, близко напоминающих памятники, описанные В. И. Рацеком, а также алтайские надгробные сооружения[149], что было отмечено Л. П. Потаповым. Это явление вряд ли можно считать случайным. В соответствующих главах настоящего исследования приведен материал, свидетельствующий о глубоких этногенетических связях киргизов с народами Саяно-Алтая. Они касаются и материальной культуры, и некоторых черт общественного строя, и ряда семейных обычаев и обрядов, и религиозного мировоззрения.

* * *

Следующая территория, представляющая интерес с точки зрения исторической и генеалогической связи с киргизскими племенами,— Восточный Тянь-Шань и Притяньшанье (мы имеем в виду главным образом территорию Джунгарии и Кашгарии), а также Прииртышье. В свое время А. Н. Бернштам обратил внимание на то, что в исторических документах (тибетские документы, опубликованные Ф. Томасом) содержатся упоминания о киргизских племенах в притибетских районах и на территории Восточного Туркестана, относящихся к VIII — началу IX в.[150] С. Е. Малов в своем исследовании о лобнорском языке пришел к выводу, что язык этот является прямым потомком разговорного языка древних киргизов[151].

Этнографические данные также подтверждают наличие давних этнических связей с этой территорией. И не только этнографические параллели, относящиеся к материальной культуре, но и исторические предания, многочисленные показания о передвижениях киргизских племен на Центральный и Западный Тянь-Шань и в Припамирье с востока, топонимика, фольклор и другое свидетельствуют, что ареал распространения киргизских племен на указанной территории был в некоторые периоды значительно шире, чем в настоящее время. Они распространялись вплоть до местностей, примыкающих к Тибету и Кашмиру, были в близких сношениях с населением современной провинции Цинхай, заселяли горные районы, прилегающие к Хотану.

Этнографические записи и данные литературных источников во многом документируют названные связи. У киргизов существуют, например, имеющие очень древнюю традицию заговоры *(бадик)* от укусов змей, ядовитых насекомых и т. д. В одном из заговоров против злой силы, которую несут с собой змеи и вредные насекомые, говорится: *«Кёкёноордун кёлюнё кёч! ...какшаалдын чёлюнё кёч!»* (Переселяйся на озеро Куку-Нор! ...переселяйся в степь Какшаала). Откуда взялось название Куку-Нор среди киргизов? Какое отношение к киргизам имеет этот отдаленный притибетский район? По показаниям некоторых информаторов, а также географа А. В. Станишевского, отдельные группы киргизов еще сравнительно недавно проникали вплоть до Тибета. И теперь в горах Куэнь-Луня, на сравнительно неболь-

шом расстоянии от Тибета, расселены мелкие киргизские группы.

В этом плане привлекают к себе внимание группы полуоседлых горцев — так называемых «мачинцев», в свое время бегло описанных Н. М. Пржевальским[152]. По сообщениям отдельных информаторов, еще несколько сот лет тому назад киргизы жили в Хотанских горах, т. е. поблизости от тех мест, где обитают названные мачинцы. .

На территории Тянь-Шаня, отчасти на территории современной Ошской обл., проживают представители племени басыз. По преданию, предком этой группы был Аксуулук; своим предком часть племени мундуз, локализующегося главным образом на территории Ошской обл., считает Аксуулук Баймундуза. Оба этих имени связаны с местностью Аксу в Восточном Туркестане. В Таласе среди племени кушчу и в Синьцзян-Уйгурском авт. р-не в составе одноименного племени кушчу имеются родовые подразделения под одним именем — *кагасты*. В Таласе в составе племени саруу и у кашгарских саруу имеется общее подразделение — *бёлёк чал*.

В сочинении «Си-юй-шуй-дао-цзы», посвященном гидрографии Восточного Туркестана, материалы для которого собирались, очевидно, не позднее XVII—XVIII вв., зарегистрирован ряд этнических групп, которые проживают и теперь как на этой же территории, так и в пределах Киргизской ССР. К ним относятся цзи-бу-ча-кэ (кыпчак), э-дэ-гэ-на (адигине), ху-ши-цы (кушчу), нои-гу-тэ (нойгут), чун-бака-ши (чоң багыш)[153]. В настоящее время нойгутцы в очень незначительном количестве отмечены только в пределах Таш-Кургана, но эти сведения требуют проверки. Компактной группой они живут на территории современного Баткенского р-на Ошской обл.

Боевым кличем (урааном) группы племен, объединяемых общим названием сол (левое крыло) в системе киргизских генеалогических преданий, является Қаратал. Представители этой группы живут в довольно большом количестве и на территории Восточного Туркестана, где, согласно названному сочинению, имеется р. Хала-та-лэ, или Қаратал.

По ряду характерных признаков разводимые киргизами Памиро-Алая яки относятся не к монгольской, а к тибетской разновидности яка. Приведем свидетельство специалиста: «Расселение яка в Северной Қиргизии,

т. е. в горах Тянь-Шаня, несомненно шло с юга на север. Это заставляет думать, что тянь-шаньский домашний як скорее всего происходит из Тибета, а не из Монголии, тем более что и южнее Киргизии, в Кашгарских горах и на Кокшаал-тау, живут киргизы, занимающиеся разведением этого животного. Такого же, вероятно, происхождения и яки, разводимые киргизами на Алае и на Памире... по морфологическим признакам алайские яки также ничем не отличаются от тянь-шаньских, а те и другие, в свою очередь, ближе к тибетскому яку, чем к монгольскому»[154]. Возможно, что отдельные племена, обитавшие в районах, расположенных по соседству с Тибетом, имели тесные хозяйственные связи с племенами, принявшими участие в сложении киргизской народности; в таком случае и у последних получил развитие такой важный вид хозяйственной деятельности, характерной для высокогорных районов, как разведение яков.

Для решения вопроса о путях передвижения на Тянь-Шань этнических групп центральноазиатского происхождения, вошедших в состав киргизской народности, крайне важное значение имеет ряд показаний, свидетельствующих о распространении в прошлом киргизских кочевий далеко на восток, вплоть до р. Кунгеса и долины Джылдыза (Большие и Малые Юлдузы). Районы этих кочевий находятся почти на полпути от Алтая до Иссык-Куля.

Использование киргизами отдаленных пастбищ на Кунгесе и в Джылдызе в сравнительно не столь отдаленное время было, по-видимому, связано не только с высокими кормовыми качествами этих пастбищ, пользующихся широкой известностью. Определенную роль играло, вероятно, и наличие древних традиций, воспоминаний о некогда освоенной киргизами территории. Имеются сведения о том, что и сейчас среди калмыкского и казахского населения Кунгеса и Джылдыза имеются группы киргизского происхождения, оказавшиеся в культурно-бытовом отношении под влиянием окружающего населения. Некоторые информаторы, ссылаясь на рассказы своих отцов и дедов, утверждали, что до того как киргизы поселились в ферганско-алайских горах, они пришли с Джылдыза.

В числе наиболее ранних предков киргизов называется Кылджыр[155]. Река со сходным названием Калджыр течет по территории, примыкающей к Южному

Алтаю. В Восточном Притяньшанье имеются и такие местности, названия которых связаны с именами легендарных предков киргизских племен (например, Урюмчю, Мунаты)[156] или называются по имени киргизских племен (Ават, Меркит, Актачи, Бостон-Терек, Орху и др.). Во многих из этих местностей киргизы ныне уже не живут. Не живут они и в других местностях, упоминаемых в некоторых киргизских преданиях и в героическом эпосе как древняя родина киргизов (Уч-Куштай, Джылдыз, Кюнёс, т. е. Кунгес, г. Манас и др.). Существенное значение имеет тот факт, что известная часть населения Синьцзян-Уйгурского авт. р-на, ныне ведущая оседлый образ жизни и говорящая на уйгурском языке, сохраняет воспоминание о своем киргизском происхождении. Из всех этих и других фактов следует, что киргизское население, о проживании которого в Восточном Притяньшанье уже в XVI в. упоминалось выше, является далеко не поздним компонентом в составе населения этого края, что часть тех племен, потомки которых составили позднее ряд родоплеменных групп среди киргизов, формировалась в пределах именно этой территории.

Приведенные данные позволяют считать, что крупная роль в формировании киргизской народности принадлежала центральноазиатскому элементу. Это отразилось не только в этнонимике, но и в самоназвании народности. Это же положение подтверждается и рядом показаний историко-культурного характера. Анализ этих данных и всего хода исторического развития в районах Центральной Азии, соприкасающихся с территорией современной Киргизии, заставляет признать, что этническим ядром киргизской народности не стали древнекыргызские племена Енисея, хотя их потомки, по-видимому, принимали участие в этногенезе киргизов. Этим ядром могли стать прежде всего тюркоязычные племена южной окраины «кыргыз». Оно было, очевидно, сохранено этими племенами в качестве названия для нового этнического и социально-политического объединения — образованной ими народности, приобрело постепенно этническое значение и стало самоназванием этой народности.

Этнической средой, в которой формировались будущие киргизские племена, были главным образом алтайские тюрки, отчасти карлуки, уйгуры, а также другие тюркоязычные племена, историческая жизнь которых

протекала на близко примыкающих к территории современной Киргизии пространствах Центральной Азии. Для уяснения общего хода исторического развития в этом регионе и сопутствующих ему этнических процессов существенное значение имеют вышедшие в 1960-х годах общие работы по истории древних тюрков и по социально-политической и этнической истории как отдельных районов самой Центральной Азии, так и прилегающих к ней областей, в том числе и Средней Азии и Казахстана[157]. Не вдаваясь в оценку и рассмотрение этих исследований и публикаций, необходимо указать на работу, основное положение которой находится в резком противоречии с установившимися в науке взглядами. Автор ее К. И. Петров утверждает, что «начало трудовой деятельности и развития хозяйства предков тюркоязычных народов на первых этапах происходило не **в Центральной Азии, а в регионе, близком к Передней Азии,** где они составляли **единый этнос вместе с индоевропейскими** и другими народами и откуда они распространились со временем по Азии»[158]. Основывая свою новую гипотезу на данных языка, К. И. Петров совершенно игнорировал результаты археологических и исторических исследований.

Формирование таких киргизских племен, как тёёлёс, мундуз, кыпчак, канды (канглы), кушчу, бугу, азык, вероятно и чоң багыш, сары багыш, кара багыш и некоторых других, было связано в первую очередь с территорией Южного Алтая, Прииртышья и Восточного Притяньшанья. Это подтверждается и некоторыми поздними историческими источниками. Так, в сочинении «Тазкира-и-ходжаган»[159] отмечается, что на территории Восточного Туркестана еще в середине XVI в. жило племя кушчу, а до середины XVIII в. на р. Или летовало племя кыпчак, перешедшее затем в Хотан. Кстати, под именем *сары калпак* (в сочинении — сарыг-калфак) и сейчас известны небольшие группы в составе племен бугу, сары багыш, солто и чекир-саяк. В сочинении названо еще племя мунки. Среди киргизов Чуйской долины отмечены очень мелкие группы под названием мёңкё.

Сказанное выше позволяет поставить вопрос о составе «этнического ядра» киргизской народности. Поскольку киргизы сохранили довольно отчетливые воспоминания о важнейших этнических компонентах, образовавших эту народность, трудно предположить, что из памяти народа начисто исчезли воспоминания о каких-то

значительных группах предков киргизов. Это дает возможность довольно уверенно отслоить те этнические слагаемые, которые связаны по своему происхождению с конкретными тюрко-монгольскими племенами, в особенности с теми из них, которые выступают на историческую арену в период средневековья. Пользуясь методом исключения, можно подойти к выявлению важных составных элементов искомого этнического ядра. К этому искомому ядру могут быть (с известной долей условности) отнесены прежде всего те из киргизских племен, происхождение которых до сих пор еще не удалось увязать с какими-либо другими тюркоязычными или иными племенами. Кроме племени саяк (чоң саяк) сюда войдут сары багыш, кара багыш, багыш, солто, джору, джедигер и некоторые другие, т. е. весьма крупная часть племен так называемого правого крыла.

Что касается таких племен правого крыла, как моңолдор, черик, чекир-саяк и др., а также значительной части левого крыла и племенного объединения ичкилик, то большинство этих племен этногенетически вполне увязывается с тюрко-монгольскими и другими племенами, появившимися или сформировавшимися на территории Средней Азии примерно в X—XV вв. Однако в этом направлении требуются дальнейшие изыскания. Совершенно очевидно, что и часть второй группы племен также могла тесно примыкать к собственно этническому ядру киргизской народности и слиться с ним, несмотря на то что ряд тюрко-монгольских племен в той или иной мере послужил этническим компонентом других народностей (узбеков, казахов, каракалпаков, башкир, алтайцев и др.) Нельзя признать случайностью, что, например, во всех вариантах преданий о 92 узбекских племенах представлены в том или ином числе названия, общие с киргизскими этнонимами, а часто фигурирует и этноним «кыргыз». Так, в одной из родословных среди 92 племен были названы: катаган, сарай, коңурат, найман, кыпчак, кытай, кушчу, арлай (кирг. ардай), маңгыт, меркит, кыргыз, мундуз, тубай, уйгур[160]. В другой родословной находим: коңурат, мангыт, катаган, маңгул (кирг. моңол), уйгур, манап, джапалак, бостон[161]. В записи Ч. Валиханова «Предки узбеков» также перечислены аналогичные киргизским этнонимы: сарай, кунграт, найман, хтай, канглы, джилджут (кирг. чилжубут), кераит, мангыт, меркит, кырғыз, тубай, уйгур, бахрин[162].

Известно, что в состав башкирских племен входило и племя кыргыз. Как сообщает С. И. Руденко[163], по преданию, киргизы еще в домонгольское время составляли один из двенадцати основных родов башкир и жили в верховьях р. Ика и по Дёме. По сведениям Р. Г. Кузеева, в XVIII в. племя кыргыз вместе с племенами гирей, канглы и другими занимало долину р. Белой с ее правыми и левыми притоками[164]. В таблице родоплеменного состава башкир киргизы (кыргыз) представлены в качестве одного из подразделений рода кесе-табын племени табын, подразделения рода шайтан-кудей племени кудей, подразделений родов илекей-мин и кубоу племени мин и в качестве самостоятельного племени кыргыз среди нижне-бельских племен западных башкир, с родами танкей и кадыкей[165]. Кроме того, общие с киргизами этнонимы имеются и в названиях племен (кыпсак, катай, канлы), и в родовых названиях (аю, мунаш, барын-табын, кошсы, балыксы, миркит-мин и др.)[166]. В своей публикации башкирских шежере Р. Г. Кузеев сообщил, что в 1913 г. бугульминский учитель Ахмедгали Халимов опубликовал в журнале «Щуро» (Оренбург, № 10) краткое содержание шежере западнобашкирского племени киргиз. «Шежере племени Киргиз,— пишет Р. Г. Кузеев,— несмотря на то, что оно дано в кратком переложении, содержит ценные данные о происхождении этой группы башкир»[167].

Поскольку это шежере в названную публикацию не вошло, я обратился к Р. Г. Кузееву с просьбой ознакомить меня с его содержанием и получил от него текст и русский перевод шежере (пользуюсь случаем выразить Р. Г. Кузееву свою искреннюю признательность). Мне представляется, что этот источник заслуживает внимания, поэтому я привожу его полный перевод, сделанный Р. Г. Кузеевым.

ШЕЖЕРЕ БАШКИР ПЛЕМЕНИ КИРГИЗ

Согласно родословной (шежере), сохранившейся от времени наших дедов, родоначальника киргизских башкир (в смысле: башкир рода Киргиз), живущих в деревне Ташлы Александровской волости Бугульминского уезда, называли «Куркод-ата», (происходящего) из киргизского юрта из потомков Саида (из рода Магомета); (он жил) на Бухарской дороге, у моря Сыр. Его (Куркод-ата) сын Ахмед би, от него Мухамед би, от него Янба би, от него Кушик би.

Кушык би жил в деревне Иске киргиз (Старый киргиз) в долине реки Белой у озера Татыш и бил челом Белому бию.

У Кишык бия было два сына: первый по имени Аккош би, второй —

Куккуз би. У Аккош бия был сын по имени Бутамыш би, от последнего Буралмыш би. У Куккуз бия были два сына: по имени Кылчан (теперь название одной маленькой деревни) и по имени Тыныч; пишут, что эти два рода (зат) получили грамоту на нашу землю от Великого царя Алексея Михайловича.

У Кылчана был сын Уразкилде, от него Ыдай, затем Модок, от него Бикмухамед. Славный Бикмухамед со своими сородичами пришли из деревни Иске киргиз и стали жить в деревне Катай. У Бикмухамеда был сын по имени Хусаин, который в 1755 году со своими сородичами основал деревню Ташлы Александровской волости Бугульминского уезда.

Таким образом, Хусаин был потомком легендарного родоначальника племени кыргыз у башкир — Куркодата (ср. с именем героя огузского эпоса Коркут-ата) в одиннадцатом поколении. По самым минимальным подсчетам появление племени киргиз среди башкир следует отнести не позднее чем к концу XV в. В своем этюде, имеющем важное методическое значение и посвященном происхождению древнебашкирских племен[168], Р. Г. Кузеев не упоминает киргизов среди тех племен, которые переселились из Средней Азии и Приаралья в IX—XIV вв. Из этого можно сделать вывод, что племя кыргыз поселилось среди башкир позднее XIV в. (это совпадает и с данными приведенного выше шежере), либо оно проникло к башкирам раньше, но минуя Среднюю Азию. В этой же работе Р. Г. Кузеев рассматривает вопрос об этнониме «истяк», который служил общим названием группы башкирских племен и родов, большинство которых населяет сейчас восточную Башкирию. Некоторые исследователи связывают этот этноним с этнонимом обских угров «остяк». В XVII—XVIII вв., замечает автор, казахи и ногайцы называли истяками всех башкир, а иногда распространяли его и на барабинских татар. В этой связи привлекает к себе внимание имя отца легендарного родоначальника киргизского племени солто — Эштек (иногда — Эстек, у Валиханова — Истэк)[169]. Согласно одной из записанных мною родословных[170], у Бурута были сыновья Кабыран и Усун; у Кабырана — Эштек и Нуркунан. От Усуна произошли все казахи, от Нуркунана — ойгут, кыргыз и джедигер, а от Эштека — башкиры. Рассказчик подчеркнул, что башкиры ближе к киргизам по происхождению, чем казахи. Очевидно, киргизский эпоним может служить указанием на исторические связи с предками башкир и некоторых народностей Западной Сибири, тем более что имеются и другие данные об этих связях (в частности, киргизского племени язык).

Факты, которыми мы располагаем, позволяют склоняться к тому, что на территории Восточного Притяньшанья и смежных районов в период, предшествовавший монгольскому завоеванию и наступивший вслед за этим завоеванием, сложился весьма крупный массив из племен древнетюркского происхождения, а также тюркомонгольских племен средневековья, вошедший в состав киргизской народности.

В пользу этого предположения чрезвычайно убедительно свидетельствуют исследования антропологов[171]. Ими изучена последовательность смены расовых типов на территории Киргизии. Анализируя антропологический состав древнего и современного населения Киргизии, Г. Ф. Дебец установил, что монголоидная примесь, наблюдавшаяся в составе древнего населения по крайней мере с усуньского времени, несколько усиливается после V в. н. э. Характерное для современных киргизов резкое преобладание монголоидных признаков сложилось значительно позднее. По мнению Г. Ф. Дебеца, можно утверждать, что подавляющее большинство физических предков киргизов происходит из Центральной Азии.

Вместе с тем в образовании физического типа киргизов принимало участие, хотя и в самой незначительной мере, древнее европеидное население долин Киргизии, обитавшее здесь еще в начале II тысячелетия н. э.

Н. Н. Миклашевская, исследовавшая палеоантропологию Киргизии, пришла к выводу о сосуществовании разных антропологических типов (европеидного, смешанного и монголоидного) в середине I тысячелетия н. э., уменьшении монголоидности к концу I тысячелетия и ее резком увеличении в первые века II тысячелетия н. э. Она полагает, что этногенез киргизов складывался на базе местных и центральноазиатских элементов с очень большим преобладанием последних.

Как считает В. В. Гинзбург, современный антропологический тип киргизов сформировался в начале II тысячелетия н. э. В середине и второй половине I тысячелетия н. э. на физический тип местного населения Киргизии влияли пришлые группы ранних тюрков, антропологический тип которых говорит об их *алтайском*, а также *восточнотуркестанском происхождении*.

Эти объективные данные антропологических исследований в совокупности с этнографическими материа-

лами позволяют заключить, что один из важнейших, узловых моментов этногенеза киргизского народа связан с событиями первой половины II тысячелетия н. э. Именно в эту эпоху на территорию Киргизии с востока продвинулось значительное большинство предков современных киргизов, говоривших уже, как утверждают лингвисты, на сложившемся киргизском языке.

* * *

Существенными представляются другие линии связей киргизов, в особенности этнические связи с казахско-ногайским кругом племен.

Нельзя не обратить внимания на такие факты, как наличие среди названий киргизских племен левого крыла этнонима *бечине (пичине)*, который ведет нас на северо-запад от Тянь-Шаня, в огузскую среду, ибо в нем нетрудно видеть средневековый этноним «печенег»; в отдельных киргизских преданиях упоминается страна Балгар, из которой пришли некоторые племена (джетиген, кушчу, кюркюрёё)[172]; в памяти стариков сохранились отголоски событий, происходивших в Дешт-и Кипчаке в XV в.[173]

Уже давно отмеченная Чоканом Валихановым связь преданий и исторических событий, относящихся к XV—XVI вв., свидетельствующая о близких отношениях казахских и киргизских племен с ногайскими[174], нашла подтверждение и в собранных автором этнографических материалах. В их числе генеалогические предания о происхождении племен джетиген, чекир-саяк от «ногайцев» (ногой, или *астаркан ногой)*, об этнических связях киргизов с каракалпаками и др.[175]

Ногайские этнические элементы восходят к эпохе Золотой Орды. Они связывают ряд киргизских племен с племенами кочевых узбеков Дешт-и Кипчака и с племенами казахов и каракалпаков. Среди названий племен у ногайцев Северного Кавказа около десятка являются общими с этнонимами киргизов: найман, кыпшак, конырат, катаган, уйгур, ктай и др.[176]

Сведения и легенды об этнических и исторических связях киргизов с каракалпаками кажутся несколько неожиданными, но заслуживают большого внимания. Наряду с легендами об общем происхождении каракалпаков и киргизов (последних соседи называли «ак калпак» — по названию их головного убора) и легендами о

происхождении каракалпаков от киргизов племени адигине, есть предание и о происхождении от каракалпаков крупного подразделения племени саяк, называвшегося *каба*[177]; существует также предание и о столкновениях киргизов с каракалпаками, якобы пришедшими с низовьев Сырдарьи. Согласно записи от Абдыкалыка Чоробаева, на киргизской земле был убит один из предводителей каракалпаков по имени Эшмат. После этого между каракалпаками и киргизами началась вражда. Каракалпаки начали нападать на киргизов то в одном, то в другом месте. Их спрашивали, почему они нападают. Они отвечали: «Нападаем потому, что нам не дали виры *кун* за Эшмата». Поэтому среди некоторых групп киргизов бытует выражение: *каракалпак Эшматтын кунундай болду* (подобно куну за каракалпака Эшмата). Достоверность подобных сведений подтверждается преданиям, записанными у каракалпаков Т. А. Жданко. В одном из них рассказывается: «После смерти Ормамбет-бия (видного ногайского мирзы,— С. А.) киргизы нападали на каракалпаков, оттого они ушли из Туркестана»[178]. Эти столкновения относятся, по-видимому, к рубежу XVI—XII вв. Не исключено, что соприкосновение киргизов с каракалпаками могло происходить и в начале XVIII в., когда так называемые верхние каракалпаки жили по среднему течению Сырдарьи.

Имеются и другие факты, связанные с генеалогиями киргизов и каракалпаков. В одном киргизском генеалогическом предании[179] предком киргизов, от которого происходят ветви адигине и тагай, назван Ак-Чолпон. У каракалпаков родоначальницей племени муйтен считается женщина Ак-Шолпан, дочь Есим-хана, по прозвищу Муйтен. Это имя является и ураном этого племени[180]. Согласно родословной, записанной в Хиве в 1900 г., общим предком казахов и каракалпаков был Ери-қалпак[181]. Сына предка киргизов Долон бия несколько информаторов называли именем Эр-Калпак[182]. Целый ряд родословных преданий называет Калпак-бия дедом (или отцом) родоначальника правого и левого крыла киргизов Долон-бия. В генеалогических преданиях южнокиргизских племен в числе легендарных предков киргизов часто фигурирует Узун-Калпак Маат-бий, или Узун-Калпак Муратай.

Совпавшее во времени формирование киргизской и казахской народностей имело следствием включение в их состав однородных или этнически близких элемен-

тов. Политические события XVI—XVII вв., в которые были втянуты и казахские и киргизские племена, активизировали связи между ними[183]. Особенно живо повествовали об этом наши таласские информаторы. И это не случайно. Именно в бассейне р. Таласа в течение многих столетий прослеживается тесный контакт между казахами и киргизами.

Имеется ряд важных показаний в виде преданий и исторических рассказов об участии киргизов в войне между казахскими ханами Ишимом и Турсуном, происходившей в первой четверти XVII в. Сообщается (это соответствует также и историческим фактам), что хан Турсун был убит и его войско разгромлено. По преданию, это — кара, которую он заслужил тем, что нарушил клятву, данную Ишиму. Исторические сведения подтверждают, что в событиях, относящихся к истории городов Ташкента и Туркестана, большое участие вместе с казахами принимали киргизы[184]. Именно с этими событиями киргизские предания связывают образование в составе племени саруу подразделений алакчын и колпоч. Им приписывается казахское происхождение, что, однако, еще требует подтверждения. Независимо от этого происхождение этнической группы под названием «алыкчын» заслуживает специального внимания. Известно, что, по Абу-л Гази, г. Алакчин находился где-то на севере; живший там народ получил название от масти разводимых им лошадей (ала — пестрый, пегий). Несмотря на фантастичность сведений, сообщаемых этим и другими источниками, за ними, очевидно, скрываются нечто реальное. Ю. А. Зуев делает попытку реконструкции одного из этнонимов, содержащихся в исследуемом им сочинении[185]. Он считает, что гэ-лочжи-â-eэ-tsie восходит к алачин (алачин, алчин)[186]. Если эта реконструкция и ее обоснование могут быть приняты, то киргизский этноним алакчын имеет своим источником этническое название, датируемое VII—VIII вв. н. э.

Одно из киргизских преданий повествует об астраханском хане Джедигере, который по призыву казанской царицы Суюн-бике отправился, чтобы помочь ей подавить восстание среди ее собственного народа. Действительно, в середине XVI в. у одного из казанских ханов была жена Суюн-бике[187]. Известно, что хан по имени Джедыгер был одним из потомков Эдиге. Более того, в 1549 г. Казань была занята ханом Джедыгер-

Мухаммедом[188], т. е. имело место событие, о котором и сообщает киргизское предание.

В казахской истории засвидетельствовано, что при Таукехане киргизами управлял Кокым-бий Карачорин[189]. Согласно киргизским преданиям, самым знаменитым вождем племени багыш был несколько столетий тому назад Кёкюм-бий, а предком последнего являлся Кара-Чоро, один из сыновей легендарного Тагая.

Обработка материалов, собранных этнографами — участниками Киргизской археолого-этнографической экспедиции, по жилищу, одежде, прикладному искусству показала, что киргизское население, живущее в долинах рек Таласа и Чаткала и прилегающих к ним горных районах, по своим культурно-бытовым особенностям несколько отличается от других групп киргизов. Это обстоятельство послужило основанием для выделения самостоятельного комплекса киргизской материальной культуры — северо-западного. В нем сочетаются черты, свойственные как киргизам, так и казахам, каракалпакам, некоторым группам узбеков[190]. Таким образом, вполне объективные данные полностью совпадают с приведенными выше показаниями о «западных» и «северо-западных» связях киргизских племен.

Реальное значение названных линий этнических связей киргизов сыгравших определенную роль в их этнической истории, до недавнего времени недооценивалось. Оно снова было раскрыто в полуисторических, полулегендарных сюжетах, содержащихся в упомянутой выше рукописи «Маджму ат-Таварих», и получило убедительную аргументацию в исследованиях В. М. Жирмунского, посвященных киргизскому героическому эпосу «Манас»[191].

Что касается роли в этнической истории киргизов других местных, среднеазиатских, компонентов, она еще недостаточно ясна. С этой целью нуждаются в тщательном исследовании названия некоторых этнических групп из числа входящих ныне в состав киргизского народа. Так, среди иноплеменных «примесей» в племени солто представлен род *кайдоол*. По данным он происходит из племени кушчу (левое крыло), по другим — из племени багыш (правое крыло). Но для нас важно, что этот этноним имеет, по-видимому, ближайшее отношение к названию эфталитов («хайтал») Тохаристана. Во всяком случае можно уверенно утверждать, что компоненты среднеазиатского происхождения внесли свой вклад

в сложение того этнического облика, который присущ только киргизам и который отличал их в прошлом и отличает в настоящем от ряда их соседей.

* * *

Совокупность этнографических материалов, рассматриваемых с учетом имеющихся антропологических, лингвистических и исторических данных, позволяет высказать некоторые соображения о направлении и характере имевших место этнических процессов, оказавших влияние на сложение киргизской народности.

1. Процесс формирования племен, из которых сложилась киргизская народность, происходил, преимущественно на территории Восточного Тянь-Шаня и Притяньшанья, а также Памиро-Алая и прилегающих горных областей (Алтай, Прииртышье, Восточный Туркестан).

2. Основу киргизской народности, складывавшейся в XIV—XVII вв., составили: а) местные, издавна обитавшие здесь тюркоязычные племена, часть которых по своему происхождению, вероятно, восходит к племенам эпохи тюркских каганатов, уйгурского и кыргызского государств, а также караханидского государства (конец X—XII в.) в том числе карлукско-уйгурское население; б) группа пришлых, в основном тюркоязычных, племен центральноазиатского происхождения предвинувшихся на территорию Центрального и Западного Тянь-Шаня и Памиро-Алая с северо-востока и востока; в) племена монгольского и казахско-ногайского происхождения.

3. Весьма интенсивное передвижение различных пришлых племен на территорию современной Киргизии происходило в связи с начавшимся монгольским завоеванием, частично, возможно, еще раньше. Важное значение в развитии этнических процессов играли и другие, как крупные по своим размерам, так и локальные перемещения различных племенных групп, в основе которых лежала прежде всего свойственная им подвижность, обусловленная кочевым и полукочевым образом жизни. Но многие из этих передвижений вызывались и социально-политическими причинами и экономическими обстоятельствами: борьбой с иноземными поработителями, вынуждавшей иногда к уходу с освоенных территорий на длительный период; раздорами и распрями между фео-

далами, возглавлявшими родоплеменные группы, что приводило к межплеменным войнам, насильственными переселениями феодалами подвластных групп населения на другие территории; ростом численности населения; притеснениями со стороны феодалов, приводившими к организованному переходу некоторых групп на новые территории; стремлением близких по происхождению, но территориально разобщенных групп к соединению друг с другом; ссорами между потомками разных жен одного предка; недостатком пастбищ; стихийными бедствиями, и т. д.

4. Однотипность хозяйственного уклада (кочевое скотоводство, отчасти охота и земледелие), близость форм быта и культуры названных выше племен, господство среди них патриархально-феодальных отношений способствовали постепенному исчезновению обособленности, облегчили процесс ассимиляции одних племен другими и их смешения, что в сочетании с процессом социально-политического развития и с некоторыми внешнеполитическими обстоятельствами создало предпосылки для образования новой этнической общности — киргизской народности.

Этнографические данные свидетельствуют о том, что этническая история киргизов имела чрезвычайно сложный характер. Поэтому следует считать обреченными на неудачу попытки однолинейно сводить появление киргизов на современной территории их расселения к передвижению какой-то крупной группы племен с одной территории на другую, например к передвижению некоей группы из «Или-Иртышского междуречья» на Тянь-Шань. При всех условиях взятые вместе Тянь-Шань и Памиро-Алай представляли собой большой узел этногенетических процессов, сыгравших важную роль в этнической истории киргизов.

Глава II.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ УКЛАД

Открытые на территории Киргизии многочисленные археологические памятники свидетельствуют о существовании здесь уже в древности богатой и разносторонней культуры, тесно связанной с культурой широкого круга племен и народностей Среднеазиатского междуречья и прилегающих горных и степных областей. Поскольку в состав киргизской народности в той или иной мере вошли потомки племен, населявших Тянь-Шань и Памиро-Алай в древности и в средние века, можно говорить об известной преемственности традиций хозяйственной жизни, быта и культуры предшествующих насельников этих территорий и современного киргизского населения.

СКОТОВОДСТВО.

Исконный хозяйственный быт киргизов в дореволюционном прошлом имеет, таким образом, глубокие традиции. Исторически сложившимся главным занятием киргизов в течение многих веков было кочевое и полукочевое скотоводство, имевшее экстенсивный характер. Его традиционность не может не быть поставлена в связь с теми археологическими данными, которые доказали наличие в горах и долинах Тянь-Шаня ранних форм кочевого скотоводства уже с VII в. до н. э. Сакские племена (VII—IV вв. до н. э.) и сменившие их племена усуней (III в. до н. э. — IV в. н. э.) занимались кочевым скотоводством, которое было характерно и для более поздних тюркоязычных племен, населявших территорию современной Киргизии. В скотоводческом хозяйстве киргизов нашли продолжение кочевые традиции как древних обитателей этого края, так и появившихся здесь позднее выходцев из Южной Сибири и Центральной Азии.

В XIX — начале XX в. производительные силы киргизского общества все еще находились на относительно

низком уровне развития. Преобладали мелкие скотоводческие хозяйства, которые вели кочевой и полукочевой образ жизни. Природные условия страны давали возможность содержать скот в течение всего года на подножном корму. Горный рельеф и наличие различных по своим климатическим условиям и по растительному покрову географических зон, расположенных в вертикальном направлении позволяли скотоводам планомерно совершать установившийся веками круглогодичный цикл кочевания, переходить со скотом с одного сезонного пастбища на другое. Но скотоводство у киргизов уже давно сочеталось с земледелием, которое, как правило, существовало не обособленно, а входило неразрывной частью в хозяйство кочевого аила. Лишь местами в более позднее время создавались небольшие земледельческие оазисы, которые, впрочем, были в той или иной мере связаны с окружающими их скотоводами.

Направление скотоводческого хозяйства менялось в зависимости от исторических условий. В период, предшествовавший вхождению Киргизии в состав России, когда часто возникали феодальные войны и совершались нашествия завоевателей, разводили главным образом лошадей, меньшее значение имели овцы и верблюды, как не столь подвижные виды скота.

С переходом киргизов к мирной жизни после присоединения к России первое место заняло овцеводство, увеличилось и количество крупного рогатого скота, верблюдов. При переходе части хозяйств к земледелию как основному занятию, особенно в южных районах, главное место в их стаде стало принадлежать лошадям, крупному рогатому скоту и отчасти козам. Крупный рогатый скот приобретал все большее значение в бедняцких хозяйствах, которые были вынуждены переходить на оседлый образ жизни.

Одним из основных видов животных, издавна разводимых киргизами на восточном Памире, в южной горной части Ошской обл. и отчасти на Центральном Тянь-Шане являлись яки *топоз, котос*. Ослов и мулов раньше держали преимущественно байские хозяйства на юге Киргизии для своих пастухов. Только с 1930-х годов они получили более широкое распространение, частично и на севере республики.

Киргизская лошадь — одна из разновидностей монгольской лошади. Крупный рогатый скот был низкорослый, малопродуктивной местной породы. Грубошерстные

курдючные киргизские овцы имели некоторые локальные особенности. У киргизов преобладал двугорбый верблюд (бактрийский).

Каждое племя и род кочевали на определенной территории. Кочевание совершалось преимущественно не в меридиональном (с юга на север), как у многих групп казахов, а в вертикальном направлении: из низколежащих горных долин к высокогорным альпийским пастбищам и обратно. В течение зимы скотоводы находились в защищенных от ветра лощинах и ущельях. На территории, прилегавшей к зимнему стойбищу *кыштоо,* многоскотные байские хозяйства выпасали только крупный рогатый скот, верблюдов, молодняк и лошадей, предназначенных для дальних поездок. Овец и остальных лошадей выпасали обычно на отдаленных отгонных пастбищах *отор,* расположенных в таких местах, где снег со склонов гор сдувало ветром. Богатые и зажиточные хозяйства нанимали в последнем случае пастухов и табунщиков или пользовались трудом зависимых от них общинников. Условия зимнего выпаса были очень тяжелыми. Морозы и бураны, длительное нахождение под открытым небом, неутепленные жилища и плохая одежда делали пребывание на отгонных пастбищах тягостным и изнурительным. Хозяйства среднего достатка объединяли скот для совместного зимнего выпаса собственными силами или сообща нанимали пастухов.

Зимний выпас скота был сопряжен с большими трудностями и требовал мобилизации всех сил для сохранения скота. Поэтому техника зимнего выпаса была разработана особенно тщательно. Для выпаса овец и крупного рогатого скота, не обладающих способностью самостоятельно добывать корм из-под снега, использовались южные склоны гор. Лошади тебеневали в местах, покрытых снегом. В тех случаях, когда бесснежных участков не было, скот выпасали в определенном порядке: сначала шли лошади, которые разгребали копытами снег, после них пускали крупный рогатый скот, а за ним овец.

Ранней весной, но обычно уже после посевных работ на своем небольшом поле, расположенном возле зимнего стойбища, скотовод среднего достатка откочевывал со скотом на близлежащие, находившиеся в предгорьях весенние пастбища *кёктёё, бёксё.* Здесь происходил окот овец. С наступлением летней жары и появлением беспокоящих скот оводов и разной мошка-

ры часть скотоводов перегоняла свой скот на высокогорные летние пастбища *жайлоо,* а хозяйства, владевшие небольшим количеством скота, оставались большей частью на этих же весенних пастбищах до возвращения на зимнюю стоянку. Многие летние пастбища находились на высоте до 3,5 тыс. м., поблизости от линии вечного снега и ледников. Осенью, с наступлением холодов в горах, скотоводы опускались с летних пастбищ на осенние *(кюздёё),* которые в большинстве случаев совпадали с весенними. На последних к этому времени подножный корм успевал возобновиться. По окончании уборки хлебов и сенокоса, производившихся посланными для этого членами семьи, а у богатых — зависимыми от них бедняками, кочевники возвращались на зимние стойбища.

Полный цикл кочевания сохранялся только в богатых и зажиточных хозяйствах, которые владели большим количеством скота, в том числе вьючного. Бедняцкие же хозяйства, не имевшие лошадей и овец или имевшие их в незначительном количестве, самостоятельно совсем не кочевали. Одни из них оставались возле своих или байских посевов, другие кочевали со своими богатыми сородичами, получая от них часть скота для собственных нужд на условиях отработки. Малоскотные хозяйства, владевшие небольшим количеством скота, оставались на лето на близлежащих пастбищах. Часть богатых скотоводов в течение всей зимы кочевала со своими стадами на обширных высокогорных пустынных плато *(сырт).* В некоторых местностях летние пастбища были четко разграничены по социальным группам. Довольно часто группа хозяйств, объединенных зимой общими выпасами, в остальное время года распадалась на несколько частей. Пользование пастбищами в большинстве случаев осуществлялось на общинных началах, хотя фактически ими распоряжалась феодально-байская верхушка; сенокосы были поделены и, за небольшими исключениями, находились в подворно-наследственном владении.

Выход на кочевье после суровой зимней стоянки превращался в своеобразный праздник. Все мало-мальски состоятельные скотоводы надевали самую лучшую одежду, лошадей покрывали расшитыми чепраками и попонами, головы и шеи верблюдов украшали. Навьюченные на верблюдов или лошадей части юрты и другой домашний скарб принято было покрывать коврами

или яркими паласами, а наиболее дорогие вещи (самовары, сундуки, подносы) привязывать сверху. Согласно обычаю, те, которые ранее прикочевали на место стоянки прибывшего аила, преподносили вновь прибывшим угощение *орюулюк*.

Длина кочевых путей в различных районах была неодинакова,она колебалась от нескольких десятков до 100—120 км, а местами достигала 150—200 км. Дальность кочевок находилась в зависимости от обеспеченности отдельных хозяйств скотом.

Для выпаса каждого вида скота выбирали пастбища с соответствующим рельефом местности и определенным травостоем. Трудовые хозяйства объединяли лошадей и овец для выпаса и в весенне-летний сезон. Совместно выпасали скот чаще всего родственники, иногда — соседи. Число хозяйств, входивших в подобную кочевую группу, зависело от количества принадлежавшего им скота. Такие объединения облегчали труд скотоводов по выпасу скота, охрану стад, преодоление трудных перевалов, бурных рек, позволяли более эффективно использовать пастбища. Байские хозяйства предпочитали кочевать отдельно небольшими аилами.

Табунщик имел всегда с собой аркан типа лассо (*чалма*) и шест *укурук* с петлей из шерстяной веревки для ловли пасущихся лошадей. Жеребят до определенного возраста днем держали на специальной привязи *желе*. В течение дня шесть-восемь раз к жеребятам пригоняли кобылиц для доения, а на ночь жеребят отпускали на пастбище вместе с матками. Чабан сопровождал овец верхом на лошади или на быке, на ночь он пригонял их к аилу. Ночью охрана стад возлагалась на девушек и молодых женщин. Коротая время, они пели песню *бекбекей*, которая должна была отпугивать волков.

Для того чтобы более конкретно представить технику и приемы киргизского скотоводства, мы дадим краткую характеристику одной из важнейших его отраслей — овцеводства[1].

Зимой овец выпасали в течение дня на прилегающих к зимнему стойбищу пастбищах, где не было снега, на солнечной стороне. Если же зима была очень снежная, овец держали в защищенных от ветра местах, куда снег не попадал или где его было мало. На этих пастбищах овцы питались высохшей травой. Вечером их помещали в загонах *короо*. Такие загоны были ка-

менные, глинобитные или из кустарника (*чычырканак* — облепиха, *алтыгана* — желтая акация, и др.). В некоторых местах искусственных загонов совсем не строили, овец загоняли в лощины и в естественно защищенные от ветра места, туда, где сохранялся слежавшийся овечий помет *кӧң*.

Если зимой овцы паслись поблизости от дома хозяина, для пастуха особого жилища не строили. Если же эти пастбища находились далеко от аила, то для пастуха рядом с загоном ставили *алачык* — шалаш, крытый войлоком, вокруг которого делали валик из земли, доходивший до нижнего края войлочного покрытия, чтобы в жилище не проникали холод и ветер. Шалаш окружали слоем камыша и обвязывали кругом арканом. У синьцзянских киргизов подобного типа жилище называли *ак тёгёр*. Его делали из жердей[2], один конец которых втыкали в землю, а другой — в обод, венчающий обычную юрту. Вокруг него ставили циновку из чия и покрывали его войлоком. В таких примитивных жилищах обычно обитали с семьями байские пастухи, а нередко и бедные скотоводы.

Худых, истощенных и больных овец в байских хозяйствах подкармливали сеном, которое они в небольших количествах покупали у осевших на землю бедняков, пока не стало развиваться сенокошение. Так было в Северной Киргизии. На юге страны, где большинство хозяйств понемногу заготовляло сено, таким овцам утром давали ячмень, затем сено, после чего их выгоняли на солнечную сторону. Вечером снова давали сено. В течение одного-полутора первых зимних месяцев овцы обычно бывали упитанные, а потом некоторые из них начинали худеть. Тогда-то их в течение 50—60 дней подкармливали. Сена заготавливали на юге 500—600 снопов, для жатвы применяли серп *кол орок*. Таким серпом один человек за день мог снять до 20—30 снопов хорошей травы. Заготовкой сена занимался глава семьи или его сыновья. Скошенное сено перевозили на верблюде, лошади или ишаке. На зимнем стойбище для его хранения устраивали помещение из камня или арчевых стволов, либо глинобитное. Его называли *кепе* (*кәпә*) или (*кәдәң*).

Весной наступал самый ответственный период в овцеводстве: получение приплода. Овцы ягнились в марте — апреле, в месяц оленя или марала (*бугу айында туулат*). Заканчивался окот в конце апреля. Перед

окотом старались пасти маток на ровных чистых местах, на небольшом расстоянии от зимней стоянки. При этом пастух шел впереди, чтобы овцы не убегали вперед и чтобы пастьба происходила равномерно. По наблюдениям пастухов, признаками приближения родов у матки были следующие: живот опускался и на боках овцы образовывались как бы впадины, вымя увеличивалось, становилось более твердым, зад опухал, начиналось выделение желтого молозива *ууз*. Пастух начинал систематически ощупывать вымя, чтобы знать время наступления окота. После того как овца объягнится, пастух снимал с ягненка послед *тон* и, если погода была холодная, клал ягненка за пазуху и нес в юрту. В теплую погоду ягненка сразу подпускали к матке пососать молока, а потом уже уносили в юрту. Если окотились одна две овцы на выпасе, пастух сам приносил ягнят в юрту, в случае наступления массового окота он сообщал в аил, откуда присылали лошадь, и ягнят подвозили в мешке или в переметной суме. В обоих случаях матка *соолук* шла следом за ягненком.

Пастух помогал овце при ягнении лишь в очень редких случаях, например когда ягненок шел не головой, а ногами. В большинстве таких случаев ягненок бывал уже мертвым, но если он был живой, пастух выправлял ягненка *(оңдойт)*, чтобы он вышел головой. Для этого он засовывал руку внутрь, нащупывал передние ноги и за них вытаскивал ягненка. Если ему не удавалось нащупать передние ноги, он вытягивал ягненка за задние, но тот в этом случае погибал. В редких случаях, когда пуповина сама не обрывалась, пастух обрывал ее.

Пастух забирал ягненка только после того, как матка облизывала его и ему давали возможность пососать матку. Но не все ягнята могли сосать сразу, тогда это происходило уже в юрте.

В юрте, куда приносили ягнят, обязательно разжигали костер. Налево от входа в юрту вбивали два кола, к которым прикрепляли овцевязь *кёгён* — длинную веревку, с привязанными к ней коротенькими веревочками с узелками на концах. К овцевязи привязывали ягнят. В качестве подстилки насыпали сухой овечий помет. Для утепления закрывали куском войлока дымоходное отверстие, закрывали деревянную двустворчатую дверь, вокруг нижней части юрты насыпали землю, поверх нее клали траву, а на нее накладывали кирпичи. Ночью в

юрте горел чугунный светильник *чырак*. В него наливали жир, а из ваты делали фитиль. Иногда утепляли место привязи ягнят дополнительно путем устройства *кюпкё:* над тем местом, где они были привязаны, клали несколько жердей и покрывали их войлоком. Если в одной юрте новорожденные ягнята не помещались, делали из прутьев каркас размером с деревянный обод *(тюндюк)*, который держится на жердях купольной части юрты, и плотно покрывали его войлоком. В это укрытие (его называли *казанбак*) и помещали ягнят.

Окотившихся овец пасли невдалеке от зимнего аила. Старались чтобы они шли не гуськом *(чубаты)*, а ровной широкой линией.

Работающий наемным пастухом в байском хозяйстве Усубалы Чоткараев подробно рассказывал, как был организован труд овцеводов в период расплода. За окотом отары, состоявшей примерно из 400 овцематок, наблюдало не менее трех человек: сам пастух и два члена его семьи. Кроме того, хозяин выделял из членов своей семьи и прислуги на один месяц еще пять человек. Один наблюдал за ягнением ночью; второй, верхом на лошади,— во время выпаса днем; третий должен был подносить ягнят к маткам для кормления; четвертый — наблюдать за молодняком, чтобы ягнята не лезли друг на друга, поднимать и ставить на ноги тех, которые ложатся, давать ягнятам корм; он же должен чистить помещение, убирать навоз; пятый следил за тем, чтобы ягнята, которые мало сосали (их матки давали мало молока), были сыты; таких ягнят подсовывали маткам, у которых было много молока (этим была занята обычно жена пастуха); шестой пас ягнят (это происходило уже через 20 дней после их рождения); седьмой, сам пастух *койчу*, наблюдал за всеми процессами; восьмой была обычно дочь или невестка бая, которая не имела прямых обязанностей.

По поводу содержания и выпаса ягнят, ухода за ними сведения несколько разноречивы и в то же время дополняют друг друга, поэтому придется привести их в отдельности.

По словам К. Эркебаева, в течение месяца ягнята были привязаны к юрте. Утром их выпускали и они паслись целый день с матками, а на ночь их снова привязывали. Через 15 дней им уже начинали давать пучки сена. Через месяц ягнят выпускали из юрты и пускали на выпас вместе с матками. Так продолжалось около

месяца, пока не появлялось достаточное количество свежей травы. Тогда (в мае) начиналось доение овец. Вечером ягнят привязывали (уже вне юрты) к овцевязи, а утром отвязывали и пасли отдельно от маток. Около 12 час. ягнят пригоняли и привязывали к овцевязи, затем подгоняли сюда же пасшихся отдельно маток и начинали доить. Выдаивали молоко из одного соска, а из второго давали сосать ягненку. После доения и до вечера ягнят выпасали вместе с матками. В начале или середине июля доение прекращалось и ягнята уже круглые сутки находились вместе с овцами. В сентябре же всех ягнят отделяли от маток в особую отару, так как иначе овцы могли похудеть.

По сообщению другого южнокиргизского информатора, М. Асанова, ягнят держали в юрте два месяца, выпускали их только в те моменты, когда производилось доение маток. Овец доили два раза в день — утром и вечером. Перед доением ягнят подпускали к маткам. Ягненок начинал сосать, и молоко шло, тогда его отнимали от матки и начинали ее доить. Когда молока оставалось уже мало, овцу переставали доить и ягненка снова подпускали. После того как он высасывал все молоко, его снова привязывали. Через 20—30 дней после рождения начинали прикармливать ягнят свежей травой. Некоторые ягнята ели траву сразу, другие — позднее. Траву ежедневно приносили свежую, а старую выбрасывали. Хотя ягнят нужно было держать в юрте до двух месяцев, тех ягнят, которые охотно поедали траву, привязывали часто уже не в юрте, а снаружи. До трех месяцев ягнята находились на привязи. Доение овец продолжалось три месяца, после чего ягнят вместе с матками начинали пасти вместе, в одной отаре.

Как сообщил У. Чоткараев, ягненку давали возможность в течение 20 дней сосать маток, но уже через 10 дней после рождения начинали ягнят подкармливать; привязывали к решетчатому остову юрты (*кереге*) сено и еще давали размельченное зерно (ячмень или овес) с солью. Через 20 дней после рождения ягненку позволяли пить воду и начинали подпускать его перед доением к матке. Благодаря такому режиму ягненок хорошо развивался. После первых 20 дней ягнят в ясную погоду выпускали пастись, но отдельно от маток. В течение первых 40 дней овец пригоняли три раза в день для кормления ягнят и для доения. Более крепких ягнят, которые могли сами ходить, в этот период пасли уже

вместе с матками, а когда ягнята подрастали, всех их пасли в одной отаре с матками.

По истечении 40 дней после окота овец выгоняли на пастьбу рано утром и пригоняли поздно вечером, причем возвращались они к аилу не по утренней, а по другой дороге. Старались оставлять овец на ночлег не на ровном месте, а на склоне, чтобы они не могли набирать жир на животе, а чтобы он накапливался на спине, благодаря чему овцы были менее подвержены влиянию непогоды. Отдыхали овцы также и днем, возле реки, в течение получаса-часа. Зимой же овец выгоняли на выпас поздно, так как земля после ночных морозов бывала твердая, а пригонять старались также позднее, чтобы овцы сразу же ложились спать.

Баранчиков кастрировали через 20—30 дней после рождения. Делали это сами с помощью специального небольшого ножа, который изготовляли местные мастера. Он имел ланцетовидную форму, лезвие было обоюдоострое, короткое, ручка круглая, как у шила. На юге его называли *наштар*. На ранку плевали, ничего не прикладывали. В Прииссыккулье для кастрации приглашали специального человека *(биттечю)*. Он отрезал у баранчиков мошонку и пускал их обратно, не присыпая ничем раны. Это делали через 40 дней после рождения ягнят.

Случка происходила обычно в ноябре, после возвращения с осенних пастбищ, когда с баранов-производителей *кочкор* снимали специально подвешивавшиеся передники, сшитые из войлока *(белдик;* на юге — *кёёк)*, которые до того мешали им оплодотворять самок при совместном выпасе. Этот момент, по наименованию месяца народного календаря, называли *бештин айында белдик алып.* На юге Киргизии, после того как пригоняли баранов к отаре, совершали обряд. Брали горящую ветвь арчи и окуривали дымом один раз вокруг головы каждой овцы, произнося: *бисмилля ырахман ыракым, чолпон-ата тукумуң кёбёйсюн!* (пусть размножится твое потомство, чолпон-ата)[3]. Потом подпускали производителей к овцам. Случка продолжалась до января. В этот период и после него производители паслись вместе с овцами. В августе их обычно отделяли от овец, но если не было возможности выпасать их отдельно, им привязывали упомянутые передники.

Чтобы случка (а следовательно, и окот) шла постепенно, на 300 овец, по словам У. Чоткараева, пускали

пять производителей. Он же добавил, что случка заканчивалась к началу второй половины декабря (*кыштык чилде*), когда день начинает прибавляться на один шаг птицы (*чил*)[4]. Богатые скотоводы давали производителям утром и вечером по пригоршне чистого ячменя или овса, да и более бедные хозяева по возможности давали им зерно. Между прочим, рассказчик сообщил, что, во избежание выкидыша, слишком жирных овец помещали в загоне на мерзлой земле, снимая для этого слой неслежавшегося овечьего помета (*кык*).

Стригли овец дважды — весной (в мае) и осенью после возвращения к зимним стойбищам), с помощью особых ножниц *жуушаң*. Весеннюю шерсть называли *даакы*, осеннюю — *кюзем*. Осенняя шерсть ценилась выше весенней, из нее изготовлялись самые лучшие войлоки, потники и т. п.

Каждый хозяин метил своих овец путем надреза на ушах. Эти меты *эн* имели различные формы и названия. Овец различали по масти, по рогам, и по другим приметам, каждая овца имела соответственно свою кличку.

Техника скотоводства, хотя она и представляла собой систему проверенных многовековым опытом приемов, стояла на низком уровне. Заготовка кормов на зиму в прошлом почти совершенно не практиковалась. Сенокошение начало распространяться несколько раньше у южных киргизов, а с конца XIX — начала XX в. и у северных (у последних под непосредственным влиянием русских переселенцев). Корм запасали в небольшом количестве, преимущественно для подкормки больного и истощенного скота, молодняка, а также лошадей, предназначенных для дальних поездок. Для уборки сена употребляли обычно серп, но уже с начала XX в. стала распространяться русская коса-литовка *чалгы, чапкы*.

Отсутствие достаточных запасов кормов на зиму ставило киргизское кочевое скотоводство в полную зависимость от стихийных явлений природы. Большой урон скотоводству приносили и эпизотии, в частности чума, и периодически повторявшиеся массовые падежи скота (*жут*) от бескормицы. Они наступали в результате затяжных и суровых зим с глубокими снегами и особенно во время гололедицы, когда ранней весной скот (прежде всего овцы) погибал, не имея сил пробить ледяную корку и добыть корм.

До третьей четверти XIX в. киргизы почти не строи-

ли каких-либо помещений для скота. Загоны возводили из камня, камыша, хвороста и т. п. Загоны из глинобитных стен, а потом и хлева появились вначале в богатых хозяйствах. Позднее они распространились несколько шире, особенно в Южной Киргизии, однако большую часть скота по-прежнему укрывали в примитивных загонах, которые могли служить лишь защитой от ветра, но не от снега, метели и бурана.

В трудовом скотоводческом хозяйстве на мужчине лежали все работы, связанные с организацией выпаса стада и заготовкой кормов. На долю женщины приходились уход за скотом, пасущимся поблизости от аила, доение кобылиц, и коров, коз и овец, уход за молодняком, молочное хозяйство, частично охрана овец ночью, а также главная часть работы, связанная с перекочевкой аила. Доение скота у киргизов повсеместно производилось с припуском молодняка, т. е. с применением подсосного способа.

В скотоводческом хозяйстве киргизов применялись различные методы лечения болезней домашних животных: оперативное вмешательство, кровопускание, различные способы лечения переломов и другие эмпирические средства народной ветеринарии. Но многие болезни не поддавались лечению, и тогда использовали разного рода магические приемы: окуривали стада дымом от горящей арчи[5], гнали скот к «священным местам» — мазарам, где устраивали моления, приносили жертвы патронам — покровителям домашних животных и т. п. Естественно, что все это не могло предотвратить бедствий, от которых чуть ли не ежегодно страдали скотоводы. Сеть ветеринарных учреждений, возникших после присоединения к России, была очень ограниченной и не могла обслуживать разбросанные на огромных пространствах киргизские аилы.

С поселением в крае русских и украинцев в местной хозяйственной жизни появились некоторые нововведения[6]. В котловине Иссык-Куля В. А. Пяновским был создан конный завод. Породистые производители имелись и на основанной в г. Пржевальске случной конюшне. В Киргизию были завезены улучшенные породы крупного рогатого скота, тонкорунные овцы. Кое-где были созданы сельскохозяйственные школы. Но все эти прогрессивные мероприятия, как и развитие сенокошения и заготовки кормов, не дали сколько-нибудь ощутимых результатов в киргизском скотоводстве. Оно по-

прежнему было отсталым и малопродуктивным, всецело зависящим от природных условий. Господствующим оставался кочевой и полукочевой образ жизни.

* * *

Анализ этнических традиций, нашедших свое отражение в скотоводческом хозяйстве киргизов и других в прошлом кочевых народов Средней Азии, Казахстана, Южной Сибири, Монголии и сопредельных стран, несомненно должен стать предметом специального исследования. Оно позволило бы выявить конкретные пути взаимных влияний и написать новые страницы этнической истории и истории культуры этих народов. Здесь мы ограничимся лишь некоторыми замечаниями, которые, возможно, дадут направление изысканиям подобного рода. В этой связи хотелось бы напомнить справедливое замечание С. И. Руденко, большого знатока археологических и этнографических источников, относящихся к истории кочевничества: «С научной точки зрения быт казахов, равно как и кыргызов, представляет исключительный интерес, так как они, без сомнения,— единственные из турков (т. е. тюркоязычных народов,— С. А.) — сохранили в наиболее чистом виде, вместе с исконным скотоводческо-кочевническим образом жизни, все те бытовые элементы, которые характерны для турков вообще»[7].

С указанной точки зрения, как это показали исследования, опубликованные после выхода в свет труда С. И. Руденко, не меньший интерес представляют и такие народы, как южные алтайцы, тувинцы и полукочевые узбеки, которые также сохранили очень много ярких и восходящих к глубокой древности черт скотоводческо-кочевнического образа жизни.

Основой хозяйственной жизни многих групп южных алтайцев являлось скотоводство, основанное на круглогодичном содержании скота на подножном корму. Состав стада (в него входили кроме других животных и яки), как и все основные приемы ведения скотоводческого хозяйства и значительная часть относящейся к нему терминологии, не имели у алтайцев и киргизов существенных различий. У алтайцев, например, телят и ягнят держали в юрте; ягнят — в особых ямах, выстланных травой и покрытых жердями (они носили название *«кюрке»*[8] или *«купэ»*[9]). Киргизы также содержа

ли молодняк животных в юрте или устраивали для них ямы, а также укрытия из войлока — «*кюпкё*»[10].

В интересующем нас плане выделяющееся значение имеет терминология, связанная со скотоводческим хозяйством. Включение в новое издание «Киргизско-русского словаря» обильного материала, отражающего диалектную лексику, дает основу для ряда сопоставлений. Так, в тянь-шаньском говоре киргизов имеется термин *сейнек* (двухлетняя козочка)[11], перекликающийся с тувинским «сейнек» (кастрированный козел в возрасте 1—2 лет)[12]. Характерно также, что названия некоторых видов домашних животных, генетически связанные с монгольскими, встречаются только в южных диалектах киргизского языка. Таковы *дёнён* (лошадь, бык, верблюд по 4-му году), *дёнён кой* (овца по 4-му году)[13], аналогичные по значению монгольским «дёнён морин», «дёнён ухэр», «дёнён хонь»[14]. В северных диалектах им соответствует (для лошадей, быков, верблюдов) *бышты*[15]. Для молодой козы, скотившейся раньше обычного срока, у южных киргизов существует название *жусак*[16]. У кашгарских киргизов мною отмечено то же название для овцы. Монголы же называют двухлетнюю козу «зусаг ямаа», двухлетнюю овцу — «зусаг хонь»[17]. Эти факты, возможно, находятся в известной связи с наличием в составе южнокиргизских племен некоторого числа групп монгольского происхождения (баргы, кодогочун, конурат, керейит и др.). Однако не исключено и иное толкование.

Следствием тесного контакта тех же южнокиргизских племен с местным оседлым таджикским и узбекским населением является наличие в их лексике ираноязычных (или иранотюркских) названий домашних животных: *кəлтə тай* (жеребенок-сосунок, двухлетний жеребенок), *чари, чары* (валух 4 лет), *кунан ноопаз* (бычок по 3-му году), *бада, пада* (корова), *тайкар* (двухгодовалый ослик), *акта* (кастрированный осел)[18]. Эти названия проникли отчасти и на Тянь-Шань, например *ноопалан* (бычок по 3-му году)[19]; в моих тянь-шаньских записях — *тай ноопас* (кастрированный бычок), *бышты ноопас* (бык по 4-му году).

Л. П. Потапов приводит подробные данные о названиях домашних животных у тувинцев. В связи с этим он уделил внимание представляющему большой интерес исследованию венгерского этнографа и филолога Кете Урай-Кохальми[20], которая выявила у монголов две сис-

темы наименований домашнего скота по возрасту: с помощью числительных и по состоянию зубов у животных[21]. При этом, как установила исследовательница, вторая система характерна лишь для восточных монголов. Сохранилась она еще у маньчжуров, отражена в названиях оленей от двух- до четырехлетнего возраста у эвенков и эвенов, чередуется с числительной системой у тибетцев. Из тюркоязычных народов система наименований по состоянию зубов известна только у якутов.

Как показало исследование тувинских наименований животных, у юго-восточных тувинцев (родоплеменные группы чооду, кыргыз, соян и иркит) возрасты по годам домашних животных от трех до пяти лет включительно называются одинаково, монгольскими терминами, отражающими систему названий по состоянию зубов. Для лошадей и крупного рогатого скота, частично и для верблюдов (у иркитов) после шестилетнего возраста вступает в действие система числительных наименований. Таким образом, у юго-восточных тувинцев представлены в определенном и последовательном сочетании обе системы наименований домашних животных. Своей публикацией тувинских названий домашних животных Л. П. Потапов внес существенную поправку в предположение, что среди тюркоязычных народов только якуты составляют как бы исключение в отношении употребления системы названий животных по состоянию зубов[22].

До сих пор считалось, что у киргизов, как и у других тюркоязычных народов, для обозначения домашних животных по возрасту применяется только система с использованием числительных. Теперь в это положение также приходится внести некоторые поправки. Во время экспедиции в Южную Киргизию в 1947 г. я имел возможность произвести полевые записи от лиц, проживавших ранее в южной части Синьцзян-Уйгурского авт. р-на КНР. В числе других наименований домашних животных были записаны для двухлетних овец — *эки тишти*, для 3-летних — *тёрт тишти*, для 4-летних верблюдов-самцов — *бир кырктый*, для 5-летних — *эки кырктый*, для 6-летних — *тегерек тиш*. Во всех этих наименованиях важную роль играет количество (или форма) зубов.

Наши наблюдения были полностью подтверждены новыми достоверными данными, приводимыми К. К. Юдахиным в его «Словаре». В нем имеются аналогичные названия для двух- и трехлетних овец: *эки тиштүү кой*

и *тёерт тиштюу кой,* а также для верблюдов-самцов названных выше возрастов (в двух вариантах — общекиргизском и южнокиргизском): *бир кырккан* — 4-летний, *эки кырккан* (или, на юге, *эки кюрэк*) — 5-летний, *уч кырккан* (или на юге, *тёерт кюрэк)* — 6-летний, *алты кюрэк* (на юге) — семилетний (после этого он называется *буура)*[23]. Для общекиргизского обозначения верблюдов-самцов К. К. Юдахин отмечает факт определения возраста п о з у б а м (вообще), для южнокиргизского он дает значение термина «кюрэк» — резец (зуб). Из этого следует, что важным определяющим признаком является наличие того или иного числа резцов.

Таким образом, у киргизов также сохранились отчетливо выраженные остатки системы наименования домашних животных по состоянию зубов для некоторых возрастов овец и верблюдов-жеребцов. Распространялась ли она на другие виды животных, сказать пока трудно. В связи с этим внимание привлекает термин *асый,* применяемый киргизами для наименования взрослых животных (п о п я т о м у г о д у): лошадей, крупного рогатого скота, верблюдов, а также оленей. «После четырех лет,— пишет К. К. Юдахин,— возраст считается по асый'ям: **жаңы асый** или **бир асый** по пятому году, **эки асый** по шестому году, **уч асый** по седьмому году и т. д.»[24]. Этимология термина «асый» останется пока неясной. Можно лишь высказать предположение о связи его с понятием «клык, коренной зуб». В киргизском существует слово *азуу*[25] именно в этом значении, в других тюркских языках известны формы «азаw», «азы», «азу», «азiк», «азiг», «азыг», «азук»[26]. Характерно, что везде наличествует «з». Было бы заманчиво видеть звуковой переход: *азый→асый.* На связь термина «асый» с «клыком, коренным зубом» указывают фразеологические примеры: **жылкы асыйында азуу саят** у коня на п я т о м г о д у вырастает к л ы к; **азуу сай** (о коне) выбросить, выпустить клык (т. е. к о н ю п о ш е л п я т ы й г о д)[27].

Если бы наше предположение подтвердилось, мы получили бы дополнительное доказательство применения киргизами в прошлом наряду с системой числительных системы наименований овец и верблюдов некоторых возрастов по состоянию зубов, распространявшейся, возможно, и на лошадей. Следует учесть и интересное соображение по этому поводу, которое сообщил нам специалист по дунганской и киргизской лексикографии

Юсуп Яншансин. По его мнению, вторая половина термина «асый» (а+сый) связан с дунганским и китайским словом «суй». Иероглиф под № 7011 суй[28] означает: 1) число лет, возраст, (столько-то) лет; 2) год, начало года и т. д. Этот же иероглиф японцы произносят сай, корейцы — се, вьетнамцы — tuê. Но при этом значении первой части слова остается неизвестным.

Охарактеризованная система наименований животных по состоянию зубов сосуществует у киргизов с основной системой числительных наименований, как это имеет место у тибетцев и у части тувинцев. Семантически, как об этом позволяет судить лексика, киргизская система очень близка к применяемой у юго-восточных тувинцев и восточных монголов. К. Кőхальми приводит такие термины: sidüleng — 3-летнее животное с прорезывающимися зубами (по глоссарию Ибн-Муханны, sidün — зуб); kijäγalang — 4-летнее животное, снабженное с краю зубами[29]; sojuγalang — 5-летнее животное, снабженное клыком (см. кирг. асый); güyiçeleng — животное (6-летнее) со всеми зубами[30].

Приведенные данные заставляют еще пристальнее взглянуть на этническую историю предков киргизов и монголов, в которой могли быть (и, вероятно, были) этапы чрезвычайно близких этнических, языковых культурных контактов.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Киргизское хозяйство не было развито односторонне. Скотоводство у киргизов сочеталось с земледелием, отчасти и с охотой, оно имело по существу комплексный характер. Однако хозяйственная ориентация у различных групп киргизов не было одинаковой.

Земледельческая культура на территории расселения современных киргизов существует с давней поры. Значительного развития она достигла в античный период Фергане[31]; во второй половине I тысячелетия н. э. она пережила пору расцвета в Чуйской долине под влиянием занимавшихся земледелением выходцев из Согда[32]. В послемонгольское время в пределах Северной Киргизии земледелие пришло в полный упадок.

В недавнем прошлом существовало мнение, что возрождение земледелия на территории Прииссыккулья, Чуйской долины и других районов Северной Киргизии было связано с переселением сюда русских и украи-

ских крестьян, начало которому было положено в 60—70-х годах XIX в. В действительности земледельческая культура в этом крае возродилась гораздо раньше. Носителями ее были аборигены — киргизы, занявшиеся возделыванием земли тотчас же после возвращения на места своего прежнего жительства, временно захваченные ойратскими феодалами в XVII в.

Как показывают собранные автором полевые материалы, в соседней с Ферганой долине Тогуз-Тороо (Тянь-Шань) на рубеже XVII—XVIII вв. киргизы уже занимались поливным земледелием[33]. Эти данные находят подтверждение в китайских источниках, относящихся к последней четверти XVIII в.[34], а также в работе капитана И. Г. Андреева (см. сноску 3 в гл. I), написанной в конце XVIII в. И. Г. Андреев сообщает, что киргизы «имеют довольно изобильное хлебопашество», в котором «в летнее время упражняются». На территории Ферганской котловины и окружающих ее предгорий земледелие у киргизов несомненно существовало еще раньше. Из материалов В. П. Наливкина следует, что в XVII в. киргизы занимались здесь сооружением больших ирригационных систем[35].

Более поздние источники согласно свидетельствуют о широком распространении земледелия у киргизов в Иссык-Кульской котловине, в долинах рек Чу и Таласа, а также в Ферганской долине, в котловине Кетмень-Тюбе и повсюду в горах, где позволяли климатические условия, иногда на значительной высоте (например, в высокогорной долине р. Ат-Баши). Одним из наиболее крупных центров земледелия еще до присоединения Киргизии к России было Прииссыккулье. Это убедительно доказывают Зибберштейн (1825 г.) и Чокан Валиханов (вторая половина 1850-х годов)[36].

В киргизской земледельческой культуре имеется много общих черт с древней земледельческой культурой соседних оседлых народов — узбеков и таджиков и оседлого уйгурского населения, живущего на территории Синьцзян-Уйгурского авт. р-на КНР. Таким образом, земледелие у киргизов развивалось в тесном взаимодействии с местным среднеазиатским земледелием[37]. Вместе с тем киргизские земледельцы на севере страны (а частично и на юге) начиная с 60—70-х годов XIX в. испытывали благотворное влияние со стороны исконных земледельцев — русских и украинских переселенцев.

Удельный вес земледелия издавна был более высо-

ким в хозяйстве южных киргизов. В Северной Киргизии его значение стало увеличиваться после вхождения Киргизии в состав России. В 1913 г. уже около 93% киргизских хозяйств Пишпекского уезда занимались хлебопашеством[38]. Переход значительной части киргизской бедноты к земледелию и оседлости был вызван прежде всего усиливавшимся классовым расслоением киргизского общества, проникновением в киргизское хозяйство капиталистических отношений. Большую роль при этом сыграла колонизаторская политика царизма: происходило изъятие больших массивов пахотной земли и сокращение пастбищ, особенно более ценных — зимних, приводившее к уменьшению поголовья скота в малообеспеченных хозяйствах. Некоторое влияние на развитие земледелия у киргизов оказал также положительный пример их соседей — русских крестьян.

Часть обедневших хозяйств, имевших небольшое количество скота, перейдя к земледелию, все же совершала неполный цикл кочевания. Для многих же бедняцких хозяйств, у которых вовсе не было скота, земледелие превратилось в единственный источник существования.

В годы, предшествовавшие Октябрьской революции, значительное распространение получило смешанное скотоводческо-земледельческое хозяйство полуоседлого типа; часть семьи в таком хозяйстве оставалась летом на месте зимней стоянки для обработки полей. Однако переход к занятию земледелием далеко не всегда совпадал с оседанием ранее кочевых хозяйств. Так, в том же Пишпекском уезде среди киргизских хозяйств насчитывалось всего 15,1% оседлых. Попытки перехода киргизской бедноты на положение крестьян встречали резкое сопротивление со стороны манапов, видевших в этом сужение возможностей для эксплуатации зависимого от них населения. Борьба за переход на оседлость достигла иногда очень большой остроты. После длительной борьбы в 1900 г. в Пишпекском уезде было основано первое киргизское оседлое селение Таш-Тюбе[39]. Почти одновременно с ним возникло селение Боз-Учук в Пржевальском уезде. Незадолго до Октябрьской революции киргизы образовали несколько оседлых селений, в том числе смешанное киргизско-русское селение Дархан (1912 г)[40] Стали появляться целые оседлые киргизские волости[41].

Несмотря на то что в условиях аграрной политики царизма переход к земледелию и оседание бедняков-кир

гизов имели часто вынужденный характер и протекали далеко не безболезненно, все же эти явления безусловно имели прогрессивное значение, знаменуя переход к более высоким формам хозяйства и культуры.

В хозяйстве основной массы киргизов земледелие являлось подсобной отраслью и имело преимущественно потребительский характер. Посевы, особенно в бедняцких хозяйствах, были небольшие. Лишь у богатых скотоводов они достигали нередко значительных размеров. В Ферганской долине земледелие все более приобретало товарный характер, чему способствовало развитие там хлопководства. Помимо хлопка, на юге киргизы выращивали пшеницу, кукурузу, джугару, рис, бахчевые культуры, люцерну. На севере Киргизии основными культурами были пшеница, просо и ячмень, в небольшом количестве овес и люцерна. Ячмень получил особенно большое распространение в высокогорных районах. Посевы овса появились в крае под влиянием русского населения. Наиболее древним злаком у киргизов было, по-видимому, просо. Огородные культуры имели очень незначительное распространение. Так, в Пржевальском уезде в 1913 г. их возделывал лишь один процент киргизских хозяйств[42].

Земледелие у киргизов имело главным образом поливной характер. Применялись искусно разработанные, вероятно очень давно, приемы орошения, приспособленные к высокогорным условиям. Оросительные каналы *(арык, эстөн)* устраивали нередко на большой высоте, в скалистом грунте с каменным ложем.

Нам довелось встретиться с одним из известных на Тянь-Шане строителем ирригационных сооружений 79-летним Омюкё Атабековым[43]. Юношей он уже принимал участие в строительстве арыка в местности Теке-Секирек. Всего Омюке построил семь крупных оросительных каналов. По его рассказам, он на глаз определял исходную точку арыка, который начинался от реки. Хотя он и неграмотен, он умеет составлять план прокладки арыка. По его плану был построен большой арык возле г. Нарына.

После того как намечена исходная точка арыка, прокладывалась его трасса. Через каждые 50—100 м делалась отметка (камень, кусок дерна или торфа). Строитель на глаз определял, где и какую нужно дать глубину арыку: 0,5—1 или 1,5—2 м. Там, где вода не могла пройти, стала бы задерживаться, арык следовало рыть глуб-

же. Глубина арыка и длина его отрезков измерялись с помощью шеста длиной в один *саржан* (русск. сажень), однако считалось, что она равна *10 карыш*[44].

В зависимости от структуры и особенностей почвы отмерялся тот или иной отрезок арыка, и с учетом его глубины на этом участке определялось задание по выемке земли. Для рытья арыков употреблялись кетмени и железные лопаты. При пробивке арыка в каменистом грунте применялась кирка *чукулук*. Рассказчик слышал, что когда-то один человек копал арык с помощью рога горного козла *(текенин мюйюзю)*, но сам не видел, чтобы это орудие применялось.

При прокладке арыка в скалистом грунте устраивали деревянный желоб *ноо*. С помощью кирки выдалбливали в скале отверстия, в которые вколачивали большие железные прутья, на них устанавливали деревянный желоб. Его делали из четырех еловых досок (две в основании желоба), которые скрепляли гвоздями. Когда впервые пускали воду в арык, устраивали жертвоприношение, называемое *жер суу тайы*.

Существенные дополнения к сообщению тянь-шаньского информатора сделал опытный земледелец Сексенбай Калыкулов, 77 лет[45]. По его словам, крупные арыки строили еще при жизни его отца. Для строительства арыков объединялись местные жители. Они избирали одного из опытных аксакалов для руководства. Уровень расположения арыка определялся на глаз. Для обмеров употреблялся шест длиной в четыре *карыш* (местная мера длины, равная одному *газ*). При строительстве употреблялись следующие орудия: кетмени, *чоку*[46] — кайла, ломы, рога дикого козла — *кийиктин мюйюзю* (для выворачивания камней).

В том случае, если на пути арыка попадалась скала, для ее раскалывания применялись кайла, потом при помощи шестов *калтек* и ярма *моюнтурук* отворачивали глыбы камня. Для переброски воды через овраги сооружали акведуки (ноо) из целых выдолбленных стволов ели. Сердцевину стволов выдалбливали с помощью тесла *керки,* топора *балта* и большого плотничьего топора с длинной рукоятью, с лезвием, насаженным поперек топорища *(байтеше)*[47].

Когда воды было много, акведук делали из двух параллельно идущих стволов. При широком овраге соединяли стволы-желоба с помощью пазов, а снизу делали подпорки *тюркюк*. Подпорки скрепляли со стволами

длинными железными гвоздями, а стволы между собой закрепляли с помощью железных скоб *чаңгек*.

Нередко в скалах выдалбливали для арыка каменное ложе, для чего употреблялось орудие под названием *мети*[48].

Перед строительством арыка совещались. Тогда устраивали и угощение, для чего закалывали какое-либо животное.

Арыки использовались только для полива проса. Распределение воды возлагалось на избираемое для этой цели лицо *(кёк башы)*[49].

Местами киргизы восстанавливали и древнюю, давно заброшенную ирригационную сеть, но они успели создать и свою традиционную оросительную систему. Применялось исключительно самотечное орошение. Система орошения позволяла кочевникам после посева укочевывать на пастбища и возвращаться к уборке урожая. Для проведения поливов в этот промежуток времени приезжали лишь отдельные члены семей скотоводов.

Кое-где поливное земледелие сочеталось с богарным, зависящим от атмосферных осадков. Но более широко богарные посевы распространились позднее, под влиянием окружающего русского населения.

Основным орудием для обработки почвы был деревянный *буурсун* (на юге — *амач, омоч, ысфар;* ср. тадж. сипор), аналогичный украинскому однозубому ралу. Обычно на его заостренный конец надевали чугунный наконечник *тиш*. Древность этого орудия на данной территории подтверждается тем, что во время раскопок будийского храма в Чуйской долине в 1953 г. было найдено точно такое же орудие, сделанное из арчи, которое датируется VIII в. н. э.[50]

Из-за несовершенства этого орудия приходилось проводить перекрестную вспашку поля. Тип пахотного орудия у киргизов и связанная с ним терминология указывают на общие черты в технике земледелия киргизов и оседлого населения Средней Азии и Восточного Туркестана.

Накануне Октябрьской революции деревянный буурсун еще продолжал господствовать в сельскохозяйственной технике у киргизов. Но под влиянием русских крестьян начали получать распространение и русские железные плуги. В 1913 г. в киргизских хозяйствах Пишпекского уезда насчитывалось уже 3538 плугов, в то же время было 13 217 буурсунов[51].

В киргизском земледелии господствовала залежная система, севооборот встречался очень редко, удобрение полей частично применялось в Южной Киргизии.

Засевали поля киргизы вручную, сеяли и по вспаханной почве и по невспаханной. В последнем случае почву потом пропахивали и бороновали. Зерно для сева брали горстью из шапки, полы халата, кожаного ведра, торбы. Позднее были заимствованы русские приемы сева: зерно брали из мешка. У киргизов местами сохранялись еще способы сева, характерные только для кочевников. Сидя верхом на лошади, сеятель бросал семена через ее голову[52]. Боронование производилось несколькими способами. Использовали связку ветвей и сучьев боярышника, арчи и т. д. *(мала, шак мала)* или бревно с сучьями, нередко боронили буурсуном, положенным на бок, на который для тяжести становился человек. Позднее начали пользоваться бороной с деревянными или железными зубьями, конструкция которой была заимствована у русских.

Единственным орудием уборки урожая служил серп в двух его разновидностях: более старый, крючкообразной формы — *кыргыз орок, кол орок* и гладкий, без зазубрин — *маңгел,* распространенный и в других районах Средней Азии. По воспоминаниям стариков, когда-то использовали для жатвы овечью челюсть или конское ребро. При небольшой площади посева иногда просто срывали колосья руками, срезали обыкновенным ножом или вырывали растения с корнем. Позднее получила некоторое распространение русская коса[53]. Снопы *боо* или складывали сначала на поле, или прямо перевозили к току *кырман* на волокуше *чийне,* реже — на русской телеге или украинской бричке.

Для обмолота урожая применялись различные способы. В более ранний период, когда площади посевов были очень небольшие, вымолачивали зерно ударами палки по куче колосьев. Для этой цели применяли и деревянную ступу *соку,* в которую набрасывали колосья. Однако наиболее распространенным был способ молотьбы *(темин басуу, пайкан)* с использованием животных (лошадей, быков, ослов), которых привязывали к врытому посередине тока шесту *(момук, мамы)* с надетым на него кольцом из прутьев *(чамберек)* и гоняли по разостланным снопам хлеба. В Южной Киргизии применяли заимствованное у узбеков и таджиков приспособление для молотьбы в виде прямоугольной деревянной

рамы, переплетенной сучьями, хворостом, травой или в виде связки хвороста (*увал;* тадж. чапар). От переселенцев — русских и украинцев — и от дунган был заимствован способ молотьбы при помощи молотильных каменных катков *моло таш.*

Веять было принято в первый раз вилами *бешилик,* а затем, после вторичного обмолота,— лопатами. На юге еще пересеивали зерно через решето *парак.* По окончании обмолота, когда очищенное зерно было ссыпано в кучу, устраивалось обрядовое угощение (*чеч*). Для этого считалось желательным заколоть какое-либо мелкое животное. Под голову животного подстилали веник *шыпыргы,* а кровь стекала на лопату. Кровью животного обрызгивали зерно и шест. Это угощение посвящали покровителю земледелия (*баба дыйкан*). Данный обряд аналогичен таджикскому «чошбанди».

Для помола зерна наряду с водяными мельницами общего для Средней Азии типа часто употребляли ручные каменные жернова (*жаргылчак*). Киргизы применяли в хозяйстве и такое универсальное орудие, как мотыга *кетмен* с овальной лопастью, насаженной перпендикулярно к рукоятке. Это орудие, употреблявшееся для вскапывания земли, рытья арыков и т. п., было повсеместно распространено в Средней Азии.

В целом киргизское земледелие, сохраняя некоторые архаичные самобытные черты, было органически связано со всем среднеазиатским земледелием. Но на технике и приемах киргизского земледелия уже заметно сказывалось прогрессивное влияние общения с соседним русским и украинским населением, а также укрепление экономических связей с Россией.

ОХОТА

Охота, бывшая в древние времена одним из основных занятий предков киргизов, еще и в XIX в. являлась значительным подспорьем в трудовых киргизских хозяйствах. В фольклоре и преданиях сохранились воспоминания о том, что в отдельных случаях охотники снабжали мясом свои бедные аилы или небольшие общины.

Охотились с ловчими птицами и при помощи ружей, ставили тарелочные капканы (железные) и силки, применяли ловушки. Значительное распространение до Октябрьской революции имели фитильные (*милтелюу мылтык, кара мылтык*) и кремневые (*алтай таш мылтык*) ружья с деревянными сошками, но появлялись также

пистонные ружья и берданки. Объектами охоты были горные бараны, козлы, косули, медведи, волки, лисицы; в первой половине XIX в. имела распространение охота на маралов, рога которых, добытые в определенное время года, высоко ценились в Китае, их скупали у киргизов китайские купцы. Киргизы славились как искусные, исключительно меткие и неутомимые охотники.

Охотники, как и пастухи, для ходьбы в горах пользовались особыми приспособлениями из конских копыт *(тай туяк)*, которые пристегивали к подошвам обуви. Они применяли также «ступающие», круглой или четырехугольной формы, лыжи для ходьбы по глубокому снегу *(жапкак, чаңгы)*[54], плетеные из прутьев и скрепленные ремешками, и железные приспособления типа «кошек» *(темир чокой)* для ходьбы по скалам.

С давних времен у киргизов была распространена охота с ловчими птицами. В качестве ловчих птиц, дрессировка которых была доведена до большого совершенства, служили орлы, соколы, ястребы. Промысловое значение имела главным образом охота с орлами-беркутами *(бүркүт)*, с помощью которых добывали лисиц, иногда волков, косуль. Охота же с соколами и ястребами на пернатую дичь была скорее любительской — спортивным занятием, чаще — развлечением феодальной знати. Искусно проводилась охота с борзыми[55]. Киргизы издавна разводят особый, горный тип борзой собаки *(тайган)*, которая хорошо идет на лисицу. Собаки использовались также во время облав на зверей. У киргизов существовал обряд посвящения в охотники. Применялись заговоры на различного вида зверя, на дичь.

Особый интерес представляют сохранявшиеся у киргизов в недавнем прошлом коллективные охоты на зверя, главным образом на диких парнокопытных животных. Впервые сведения о такого типа охоте были опубликованы в 1948 г.[56]. Они были основаны на личном участии автора в коллективной охоте и на информации, полученной от известного знатока киргизской старины Абдыкалыка Чоробаева. Этнографическая экспедиция, снаряженная в 1946 г. Киргизским филиалом АН СССР и Институтом этнографии АН СССР, проводила свою работу в одном из районов Центрального Тянь-Шаня — Тогуз-Тороуском.

Задолго до рассвета группа участников охоты выехала из колхоза «Дюдюмёль» в юго-западном направлении, к горному хребту, протянувшемуся на правом бе-

регу р. Нарына, против хребта Ак-Шийрак. В группе, состоявшей из одиннадцати человек (среди них — три сотрудника экспедиции), было четверо опытных охотников: Абдуллабек Монгошев по прозвищу Ак кёз (Белый Глаз), Джаналы, Борбу и Аяс. Утомительный подъем по крутым склонам занял более двух часов. Поднявшись на высоту около 3000 м, охотники в 6 ч. 30 м. утра увидели первую группу горных козлов *теке* в 6 голов, которые неторопливо поднимались по скалистым уступам и вскоре скрылись. Отправившись дальше, охотники достигли вершины, с которой хорошо была видна зажатая горами, покрытая свежей зеленью небольшая лощина. В бинокль можно было хорошо рассмотреть живописную группу теке, состоявшую из 15—20 голов. Они мирно паслись, переходя с места на место, то и дело сливаясь с разбросанными кое-где зарослями кустарников. Двое участников охоты отправились в обход, остальные остались на месте. Через полчаса мы увидели, как один из охотников передвигался небольшими перебежками по закрытому тенью склону горы, а вскоре он показался ненадолго в непосредственной близости от козлов, обойдя их. Через некоторое время раздалось подряд несколько выстрелов, козлы моментально исчезли.

Мы начали быстро спускаться вниз и добрались до небольшого урочища. Вскоре сюда стали подтаскивать убитых неподалеку козлов. Как оказалось, распорядок коллективной охоты в данном случае был несколько нарушен, так как одному из «загонщиков», Ак-кёзу, удалось отбить группу из пяти козлов. Не сдержав своего охотничьего азарта и воспользовавшись благоприятной обстановкой, Ак-кёз решил не гнать козлов дальше и тут же убил наповал трех козлов.

Ак-кёз пользуется в своем районе широкой известностью, как и брат его матери Каака Матыбаев и Медет Азаматов. Каждый из этих первоклассных охотников на крупного зверя имеет на своем счету до сотни и более убитых животных. Ак-кёз знает до мельчайших подробностей обширную территорию правобережья р. Нарына.

Когда убитых животных притащили и развели большой костер, три охотника начали свежевать добычу. По охотничьему обычаю, прежде всего было приготовлено излюбленное блюдо — *майлуу боор*. Поджаренная слегка на огне печень была в полусыром виде разрезана на небольшие куски. Они были затем завернуты в нарезанные в виде плоских пластинок слои внутреннего жира

и нанизаны на шомпол, а затем поджарены над огнем наподобие шашлыка (у тувинцев Л. П. Потапов описал аналогичный способ приготовления «согажа» — кушанья из печени, являющегося деликатесом). В старину, как рассказывали охотники, это блюдо, если его приготовляли из внутренностей убитого архара, можно было поджаривать только на деревянном шомполе, а на железном шомполе разрешалось готовить лишь из внутренностей других животных. Были поджарены на огне также почки, запечена часть грудинки. Тонкие кишки были начинены салом и тут же была приготовлена и поджарена колбаса *чучук*.

Тем временем продолжалась разделка туш. Часть внутренностей (желудок, легкие, толстые кишки) была выброшена, остальные вместе с мясом были завернуты в снятые с животных шкуры. В таком виде туши животных были навьючены на лошадей. Любопытно, что Аккёз выпил сырую желчь теке, объяснив, что это делает его более сильным *(кючтюу)*. Желчь теке считается также целебным средством от болей в пояснице.

В беседе с охотниками удалось узнать о старинном способе варки мяса при отсутствии металлической посуды. В качестве сосуда для варки мяса использовали желудок животного *(карын)*. Туда клали куски мяса с костями и наливали воду. Затем его укрепляли на палках над землей. Раскаляли небольшого размера камни и опускали их по одному в сосуд. Остывший камень вынимали и вместо него опускали раскаленный. Таким образом вода закипала и мясо сваривалось. Этот способ варки мяса носит название *таш боркок*[57]. Его описывает в своем словаре К. К. Юдахин, приводя и другие названия: *таш казан* и *таш кордо*[58]. Согласно его описанию, так называют сосуд из конской кожи для варки пищи при помощи бросания в него раскаленных камней (он использовался во время военных походов), а также пищу, сваренную этим способом. Очевидно, это один из древнейших способов варки мяса, существовавших у охотников и скотоводов-кочевников.

Импровизированная охота, в которой мы приняли участие, только отчасти напоминали устраивавшуюся в обычных условиях облавную охоту . В такой охоте, возглавляемой наиболее опытным охотником, принимало участие до 30—40 человек. К участию в ней за несколько дней до охоты приглашались охотники не только из своего аила или кочевой общины, но и из других. При

глашали и хороших знакомых в качестве гостей. Никакого особого обряда перед отправлением на охоту не совершали, но при выезде охотников из аила старики и женщины произносили *бата* — благопожелание (пожелание удачной охоты): *омийн алло акбар, жолуң болсун!* (аминь, аллах велик! Счастливого пути!).

В намеченном для охоты районе, в удобном для засады месте полукругом располагалась цепь охотников. В противоположном от засады месте размещались полукругом же охотники с борзыми. Специально выделенные загонщики гнали зверя (архаров или козлов) в направлении основной цепи охотников, крича и бросая в животных камнями. Если зверя не удавалось загнать в место, окруженное цепью охотников-стрелков, спускали борзых, которые обязательно выгоняли зверей на охотников.

Тушу убитого зверя распределяли согласно издавна установленному порядку. Охотник, убивший зверя, получал голову, шею, грудинку (с ребрами) и шкуру. Все остальные части туши животного распределялись поровну между всеми участниками охоты. В тех случаях, когда животных было убито мало, поровну распределялись все части туши, охотник же, убивший данное животное, получал еще шкуру и первый позвонок.

Когда охотники возвращались с добычей, каждый встретившийся на пути и пожелавший получить мясо должен был произнести слово *шыралга* (подарок охотника из добычи, доля охотничьей добычи)[59], и охотник обязан был намекнувшего на подарок наделить мясом. Бывали случаи, когда охотники раздавали таким образом все добытое на охоте мясо. Если к такому охотнику еще кто-нибудь обращался с просьбой о подарке, он отвечал *болсун* (пусть будет), тем самым как бы давая обещание в следующий раз дать мяса. В этой связи приведем сведения об аналогичном обычае у монголов, сообщаемые К. В. Вяткиной, «Если в момент, когда охотники, убив зверя, делили добычу или снимали с убитого животного шкуру, появлялся посторонний человек и произносил слово «шорлога», 'что значит дать кусочек мяса', то охотники отвечали «өгнө» 'дадим' и делились добычей. При этом, если подъехавший человек был старше охотников, то ему давали мясо из лучшей части»[60].

Для того чтобы полнее представить себе особенности коллективной охоты у киргизов, приведем еще до-

полнительные данные, полученные от Бусурманкула Туланова[61]. Он сообщил, что нередко устраивались и коллективные охоты — *уу*. Говорили *ууга барабыз* (пойдем на коллективную охоту). Объединялись во временную артель 5—6 охотников. С ними отправлялись еще 2—3 загонщика (*сюрёёнчю*[62] или *карасанчы*), обязанностью которых было гнать зверя на охотников, находящихся в засаде. Охотились на горных козлов (*теке-эчки*) и архаров, главным образом для добывания мяса.

Охотники размещались в засаде недалеко друг от друга таким образом, чтобы ветер был по направлению от загонщиков к охотникам. Загонщики, выгоняя зверя, громко кричали. Если зверь, вспугнутый загонщиками, уходил не по направлению к охотникам, спускали собаку-тайгана, которая преследовала зверя и загоняла его в такое место, откуда он не мог уйти и где охотники убивали его.

Убитых зверей подвозили к какой-нибудь речке, разделывали, поджаривали на огне куски печени *боор* с внутренним салом, насаживая их на шомпол или тонкую деревянную палочку. Это специфическая пища охотников,— *кара кыйма* (*кый* — резать, срезать, рубить, резать наискось; *кыйма* — срезанный наискось)[63]. Печень считается очень полезной для охотника. Когда ее едят, говорят: *жолуң болсун* (счастливого пути тебе), что имеет значение пожелания удачи в дальнейшем. Тут же едят и почки *бёйрёк*, сердце *жюрёк*. Так же как и на Тянь-Шане, убив горного козла и освежевав его, охотник выпивает желчь, что придает ему силы (*кюч куват*).

Бусурманкул сообщил еще о таком способе варки мяса охотниками: в очищенный желудок животного клали небольшие куски мяса и подвешивали его на деревянной стойке над горячими углями. Налитая в желудок вода через некоторое время закипала и мясо сваривалось.

Добыча между охотниками распределялась в зависимости от возраста: самому старшему давали задок с 8 ребрами (*уча сыйрам*), затем, по порядку, ляжки *сан*, передние ноги *кол*, остальные части туши (*жиликтер*). Охотник, убивший зверя, получал всегда голову *кэлдэ*, желудок, шкуру и грудинку *тёш*. Последняя считалась как бы вознаграждением за «работу» ружья (*мынтыктын акы*)[64]. Внутренности животного (легкие *опкё*, кишки *ичеги*) отдавали охотничьей собаке.

Если попадался встречный и произносил: *«э-э, мер-*

генчи, шыралга!»[65], охотник обязан был дать одну из 12 частей *(мючё)* туши животного. Считалось позорным отказать просящему. Поэтому нередко охотник старался пройти домой тайком.

Возвратившись в аил, охотники варили мясо, которым угощали всех своих одноаильцев. Если охотник убил зверя в одиночку, он часть мяса раздавал соседям по аилу в сыром виде, остальное варил и всех угощал.

О коллективных охотах на Тянь-Шане рассказал еще Дюйшемби Касымов[66]. В них принимали участие от 10 до 40 человек. Часть из них были охотники, а остальные — загонщики *карасанчы.* Нередко такие охоты были рассчитаны на продолжительный срок. Тогда участников охоты (не самих охотников) называли *салбырынчы.* Говорили *салбырынга барабыз* (поедем на салбырын).

Наши осведомители называли участников охоты термином «салбырынчы». Если же в охоте участвует всего несколько человек, тогда они — карасанчы. Эти термины, в свете других данных, потребовали уточнения и более широкого толкования. Согласно записи от Токтогоджо Айтбаева, 60 лет[67], коллективная охота называлась *салбаран,* а термин «карасанчы» применялся к таким ее участникам, которые помогали охотникам, но не имели ружей или ловчих птиц *(куш),* хотя и обладали правом на долю добычи.

В словаре К. К. Юдахина салбырын (также *салбырак, салбуурун)* — дальняя охота. Однако слово «салбырынчы» означает молодого охотника, который ездит с опытными охотниками, обучаясь у них[68]. Осталось неясным, как называли основных участников дальней охоты, опытных охотников[69].

Термин «карасанчы» (или *жаңдоочу*) применялся по отношению к помощникам в охоте, жестами указывающим охотнику местонахождение зверя, или к загонщикам[70]. По К. К. Юдахину, **санчы** *южн.* помощник по охоте, выполняющий подсобную работу (например, носит продукты). Приводится поговорка: **сынчыга — сан** — помощнику (на охоте) ляжка (обычай охотников)[71]. Наш информатор Бусурманкул Тупанов также указал, что карасанчы получает ляжку.

Для уяснения терминов «салбырын», К. К. Юдахин приводит несколько примеров: **алты ай, жети ай жоголуп, салбуурун кетип калбасын** *фольк.* как бы он не уехал на дальнюю охоту, исчезнув на 6—7 месяцев; **мээлей алып, боо тагып, салбуурундап жер чалып —**

бабабыздан калган иш *фольк.* надеть рукавицу, нацепить путлища (на ноги ловчей птицы,) ехать на охоту, обследуя места,— занятие, оставшееся нам от дедов; **биз атайын салбырынга чыккан соң, кёпкё жюрюшюбюз керек** раз мы специально выехали на дальнюю охоту, то нам нужно будет долго ездить; **салбырынга келгендер, сюлёёсюн менен илбирстен атып келет мергендер** *стих.* охотники, прибывшие на дальнюю охоту, возвращаются, настреляв рысей и барсов[72]. Из приведенных примеров можно сделать некоторые выводы. Во-первых, салбырын[73], очевидно, означало не просто дальнюю, но и весьма продолжительную охоту. Если это так, то такая охота непременно должна была иметь коллективный, групповой характер. Во-вторых, эта охота могла быть не только ружейной, но и охотой с ловчими птицами. В-третьих, весьма вероятно, что целью такой дальней охоты могла быть и охота на пушного зверя, а не только заготовка мяса.

Коллективные охоты у киргизов могут быть ближайшим образом сопоставлены с облавными охотами на горных козлов, которые до недавнего времени устраивались у горных таджиков. Имеются общие черты и в технике самой охоты и в распределении добычи[74]. Любопытные сведения о коллективной охоте на диких коз у карлуков сообщает К. Шаниязов. Как и у тянь-шаньских киргизов, добычу разделяли поровну между участниками охоты[75].

Отдельные черты облавной охоты у киргизов напоминают подобного рода охоту у бурят. Она имела у них когда-то широкий общественный характер и была, повидимому, тесно связана с их военным бытом. М. Хангалов пишет: «Каждую «зэгэтэ-аба» (так называли облавы на зверей,— С. А.) можно представлять не только артелью охотников, но и военным отрядом ... Вероятно, подобные превращения звероловной облавы в военное действие совершались с большой легкостью и часто облава превращалась в набег»[76]. Подробное описание этой охоты у северных бурят представляет собой до известной степени реконструкцию древних способов охоты[77]. Данными для реконструкции древней формы облавной охоты у киргизов мы не располагаем, если не считать отдельных упоминаний в эпосе «Манас», где повествуется о том, как Манас отправляет на охоту 600 стрелков, которые возвращаются с добычей из семисот горных баранов (*аркар, кулжа*).

Значительный интерес для понимания принципов организации коллективной охоты и способов распределения добычи у алтайцев и тувинцев имеет материал, сообщаемый по этому вопросу Л. П. Потаповым и С. И. Вайнштейном[78].

Ссылаясь на «Дневные записки» И. И. Лепехина (1770 г.) и на собственные материалы, С. И. Руденко и Р. Г. Кузеев приводят некоторые данные о коллективных охотах у башкир, отмечая, что убитое большое животное делилось на равные части между участниками охоты[79].

* * *

Народный календарь у киргизов, как и у других народов, может быть использован в качестве одного из источников для познания истории хозяйства и культуры. Пока серьезных исследований на эту тему еще не публиковалось[80]. Между тем именно календарь и соприкасающиеся с ним народные знания открывают возможность более полно исследовать место и роль в хозяйственной жизни такого занятия, как охота.

До недавнего времени было известно о том, что пять народных названий месяцев у киргизов носят имя диких животных, имевших, очевидно, промысловое значение в качестве объектов охоты. Благодаря сопоставлениям А. М. Щербака[81] и К. К. Юдахина[82] теперь уже не пять, а семь названий месяцев оказываются связанными с охотничьим бытом. Не поддававшиеся ранее истолкованию названия месяцев *баш оона* и *аяк оона* (соответствуют августу и сентябрю) теперь разъяснены в свете тувинского «оона» (староузб. хона) как самец косули, сайги (монг. ухна и огоно — степной козел; по Юдахину — *монг.* самец антилопы). Остальные названия пяти месяцев следующие: *жалган куран*[83] (или *абал куран*, или *жан куран*)[84] — месяц ложного самца косули или джейрана (соответствует марту; по другим версиям — февралю и даже январю); *чын куран* — месяц истинного самца косули или джейрана (соответствует апрелю); *бугу* — месяц самца оленя (соответствует маю); *кулжа* — месяц горного барана, взрослого самца (соответствует июню); *теке* — месяц козерога, горного козла, самца (соответствует июлю). Месяцы баш оона, аяк оона, на основании данных охотоведов[85], можно толковать как месяцы начала и окончания гона у этих животных (он проходит у косуль раньше, чем у других

парнокопытных,— в конце августа — начале сентября — и тянется около месяца).

Вообще киргизам хорошо известны сезоны, связанные с жизненным циклом промысловых животных. По нашим записям, месяцы бугу и теке — это периоды расплода: *бугу тууйт, кийик тууйт*. К. К. Юдахин сообщает, что брачный период у горных козлов — *текенин жюгюрюгю* — падает на ноябрь[86], что соответствует и данным охотоведов[87].

У киргизов существует богатая номенклатура названий для различных возрастов промысловых животных (обоего пола). Для оленей, например: *марал* — важенка; *соёчор* — бычок 2—3 лет; *бышты чыгар* — 3-летняя лапка; *бугучар* — молодой олень; *музоо* — теленок оленя в возрасте одного года[88]; *алты айры бугу* — самец оленя с 6 отростками рогов (трехлетний); *тогуз айры бугу* — с 9 отростками рогов (четырехлетний); *он эки айры бугу* — с 12 отростками рогов (самый старый олень)[89].

Терминология, связанная с поло-возрастными особенностями оленей, своим обилием и разнообразием свидетельствует о важном промысловом значении охоты на оленей (маралов). Но по мнению проф. Б. М. Юнусалиева, высказанному им публично в мае 1968 г. и поддерживаемому мною, какая-то часть предков киргизов могла заниматься оленеводством, как это наблюдается у тувинцев-тоджинцев[90], в то время как другие группы тех же тувинцев являются типичными степными скотоводами.

Это мнение получило подтверждение в интересном этюде С. И. Вайнштейна, который установил прямую аналогию между типом детского седла у киргизов и типом детского седла, характерным для тувинцев-оленеводов, а также тофаларов и дархатов-оленеводов. Это седло носит у тувинцев сходное с киргизским названием «эримээш»[91].

Не вдаваясь здесь в рассмотрение аргументов, выдвигаемых С. И. Вайнштейном в ряде его работ в пользу гипотезы о развитии верхового оленеводства под влиянием коневодства, могу лишь ответить, что связи верхового оленеводства саянских народов с коневодством могут быть истолкованы и в пользу заимствования коневодами верховой упряжки у оленеводов. Любопытная параллель, обнаруженная С. И. Вайнштейном у саянских оленеводов и исконных коневодов-киргизов,

служит лишь свидетельством сложной этнической истории киргизов, пребывание части предков которых на Саяно-Алтае не может вызывать сомнений, чего никак нельзя сказать о киргизах в целом. Для любого киргизоведа более ясным и убедительным может быть допущение, что киргизское детское седло является важным отголоском тесных этнических связей древних киргизских коневодов, а отчасти, возможно, и оленеводов, с оленеводами-предками современных тувинцев.

Приведенные данные дают основание еще раз подтвердить сделанный более 20 лет тому назад вывод о том, что охота у киргизов издавна играла большую роль в их хозяйственной жизни[92]. Она обеспечивала их не только пушниной, но и мясом, что имело немаловажное значение в условиях частых джутов и эпизоотий. Это и нашло свое отражение в народном календаре. Сопоставление киргизского календаря с календарем других тюркоязычных народов показывает, что в нем с наибольшей отчетливостью сохранились черты, связывающие его с охотничьим хозяйством. Близки к киргизам в этом отношении тувинцы-тоджинцы. У них апрель носил название «ыдалаар ай» (месяц охоты с собаками по насту), сентябрь — «хулбус айы» (месяц косули; в записях П. И. Каралькина «кульбус ай» — август, месяц охоты на косулю-самца), октябрь — «алдылаар ай» (месяц охоты на соболя; по П. И. Каралькину имеется и другое название — «тииннер ай» — месяц охоты на белку)[93]. У алтайцев также существуют названия месяцев: самца косули («куран ай»), марала («сыгын ай»)[94]. У хакасов имеются названия «аiыг ай» (месяц охоты на медведей, февраль), месяцы охоты на хорьков (март, апрель)[95] у шорцев «корук аi» — месяц охоты на бурундуков; у карагасов — месяцы: охоты с собаками (март), оплодотворения оленей, изюбрей и лосей (сентябрь), охоты на оленей (октябрь)[96]. Замечу, что у казымских остяков (хантов) и некоторых групп эвенков сентябрь также называется месяцем спаривания оленей[97].

В то же время в народном календаре у алтайцев, хакасов (сагайцы, бельтиры), шорцев, барабинских татар, тофаларов (карагасов) часть названий месяцев связана с производственными процессами в скотоводстве, земледелии, собирательстве (сбор кандыка, сараны, орехов) и др. Такие названия отсутствуют у киргизов, так же как и названия, отражающие те или иные сезонные явления в природе, которые, наоборот, широко

представлены в народном календаре у южных алтайцев и тувинцев, встречаются у хакасов, шорцев, чулымских татар, казахов и др.

Остальные названия месяцев у киргизов относятся к разряду счетных, как, например, и у уйгуров. Однако у южных киргизов встречаются арабские названия некоторых месяцев, соответствующих 12 знакам Зодиака, отражающие их знакомство (через таджиков и узбеков) с солнечным календарем: *ут* (февраль), *соор* (апрель), *саратан* (июнь), *асат* (июль), *мийзам* (август) *сумбула* или *сумбила* (сентябрь), *акырап* или *акрап* (октябрь). Но в записанных нами комментариях к этим названиям отмечаются сезонные изменения в природе и их влияние на отдельные виды хозяйственной деятельности.

Поскольку речь идет о народном календаре, следует остановиться на представляющем особый интерес счете времени по Плеядам, впервые зафиксированном у киргизов М. С. Андреевым[98]. Правда, по отношению к казахам об этом в общей форме сообщал еще раньше Ч. Валиханов: «По Плеядам киргизы узнают часы ночи и времена года»[99]. М. С. Андреев не без оснований рассматривает счет по Плеядам как один из самых древних. Счет времени по положению Большой Медведицы и других созвездий отмечен у некоторых тунгусо-маньчжурских народов[100].

Знатоками этого календаря, основанного на наблюдениях за движением планет и созвездий, были в прошлом у киргизов (и у казахов) народные метеорологи и звездочеты *эсепчи*. Знаменитым эсепчи в Приисcыккулье был Манаке (из рода белек племени бугу). Когда его спрашивали, на чем он основывает свои прогнозы, он отвечал, что узнает по звездам, луне, солнцу, где будет хорошо для скота, когда будет большой снег и т. д.

Счет по Плеядам *(тогоол)* относится, по К. К. Юдахину, к времени, когда луна и Плеяды стоят в отдалении друг от друга и друг против друга[101]. Этот зимний счет, по М. С. Андрееву, включает часть осени и весны, охватывает полгода. Одновременное пребывание на небе луны и Плеяд происходит в течение этого времени семь раз. Много народных примет и поговорок связывается с периодом *беш тогоол*, который падает приблизительно на март. К. К. Юдахин приводит поговорку: *беш тогоол болбой, бел чечпей* — пока не наступит беш тогоол, не распоясываются (на легкую одежду не переходят) [102]. В наших записях: *бештин тогоолунда токсон*

толуп, эшикте тоң калбайт, бешикте бала тоңбойт» — с наступлением беш тогоол кончается *токсон* (три зимних месяца), снаружи мерзлота не остается, в колыбели ребенок не мерзнет. В этот же период, т. е. в марте, отмечает М. С. Андреев, убирают у баранов войлочные переднички, которые до того не позволяли им оплодотворять овец, так как дальше нет опасности, что преждевременно появившиеся ягнята могли бы погибнуть от холода. Некоторые наблюдения и основанные на них предметы, относящиеся к погоде, тувинцы и алтайцы также связывают с движением созвездия Плеяд[103].

Таким образом, этнографические показания рисуют киргизский народный календарь как сложную систему представлений, сочетающих в себе: а) народный календарь, тесно связанный с древним охотничьим хозяйственным бытом; б) древний народный календарь, основанный на наблюдениях за движением планет и созвездий (счет по Плеядам); в) солнечный календарь; г) числительные названия месяцев. В целом этот календарь как бы документирует различные исторические эпохи, является их живым свидетельством. В определенной степени он несомненно генетически связан с подобными представленными у тюркоязычных народов Саяно-Алтая и в то же время служит доказательством давних культурных контактов киргизов с другими народами Средней Азии. Отложившийся в народном календаре киргизов, алтайцев, хакасов, шорцев, тафаларов и некоторых других народов «охотничий пласт» отражает важную роль охоты в их традиционном хозяйстве. Это позволяет с большей уверенностью утверждать, что в прошлом охота играла существенную роль, как одно из основных занятий киргизов и их предков.

Приведенные данные вполне согласуются с историческими свидетельствами, относящимися к древним тюркам. В них сообщается о том, что они «переходят с места на место, смотря по достатку в траве и воде: занимаются скотоводством и звериною ловлею .. носят меховое и шерстяное одеяние»[104]. О «звероловстве» и «звериной охоте» на сохатых и оленей у древних тюрков в источниках имеются неоднократные упоминания[105]. О значении охоты как подсобного промысла в хозяйстве скотоводов-кочевников имеется множество показаний археологических памятников, относящихся и к территории современной Киргизии. Этнографические записи также содержат немало данных относящихся к охоте.

В генеалогических преданиях разных племен киргизов часты упоминания о том, что их родоначальники занимались охотой. Искусным стрелком из лука был один из родоначальников правого крыла Тагай, охотилась и его сестра Нааль-Эдже. Охотились и предки племени бугу (Асанмырза, Карамырза, Белек, Бирназар, Тёрёштюк и др.), охотником был Саалай-мерген (по прозвищу Кырк-Саадак) — один из предков племени кытай, и т. п. По рассказам атбашинских стариков-киргизов, около двухсот лет тому назад охота на маралов, горных баранов и козлов занимала немаловажное место в хозяйстве горцев-скотоводов[106].

В те времена, когда жил один из предков племени бугу — Арык, был страшный голод. Часть киргизов вместе с казахами ушли на юг, в Гиссар и Куляб. Те, которые не ушли, остались на Иссык-Куле, пережили голод благодаря тому, что занимались охотой[107].

Имея в виду аналогичную роль охоты в хозяйстве ряда других тюркоязычных народов (северные алтайцы, частично тувинцы, шорцы и др.), следует, очевидно, внести некоторые уточнения в распространенное представление о древних тюрках как исконных с т е п н ы х кочевников-скотоводах[108]. Совокупность имеющихся источников позволяет говорить о том, что древние тюрки не представляли собой сплошной массы степняков-скотоводов, что часть их, обитавшая вгорных и предгорных районах, богатых лесами и горными пастбищами, вела комплексное хозяйство, в котором наряду со скотоводством были представлены и охота, и земледелие[109].

ДОМАШНИЕ ПРОМЫСЛЫ И ДРУГИЕ ЗАНЯТИЯ

Значительное место в киргизском хозяйстве занимали различные домашние промыслы, большинство которых было связано с обработкой продуктов скотоводства. Из шерсти овец, которых мужчины стригли весной и осенью, женщины изготовляли пряжу при помощи ручного деревянного веретена *ийик* с пряслицем из дерева, свинца или камня. На примитивном ткацком стане *өрмөк* из этой пряжи изготовляли ткань для халатов, штанов, мешков, переметных сум, а также тесьму для обвязывания остова юрты. По своему устройству киргизский ткацкий стан в общих чертах совпадает с такими же станами у соседних, в прошлом кочевых народов Средней Азии.

Овечья шерсть шла также на выделку тканых ворсо-

вых ковров (у южных групп киргизов) и войлоков, которыми покрывали юрты. Из нее изготовляли войлочные ковры для подстилки, халаты, головные уборы, обувь, различные принадлежности к седлам и т. д. Верблюжью шерсть использовали для выделки тканей на одежду, из шерсти коз и яков вили веревки *аркан*. Из овечьих шкур шили тулупы, штаны, головные уборы, изготовляли подстилки для юрты. Шкуры обрабатывали кислым молоком с солью, а затем счищали мездру. Из козьих шкур изготовляли мешки для хранения и перевозки жидкостей. Основные приемы обработки шкур у киргизов и казахов имели много общего. Кожи крупного рогатого скота, лошадей и верблюдов шли на выделку обуви и различных типов посуды. Из кожи изготовлялись также многие виды домашней утвари, особенно широко применялась конская кожа. Кожаные сосуды и выкройки из кожи для сшивания *саба* (большой кожаный бурдюк для изготовления кумыса), а также кожаные меха *чанач* подвергались копчению в специально устроенных коптильных *ыштык*[110].

В числе домашних промыслов, обслуживавших потребности каждой отдельной семьи и ложившихся почти целиком на плечи женщин, необходимо еще упомянуть изготовление циновок из стеблей степного растения — *чия*, переплетаемых шерстяными и хлопчатобумажными нитками.

В бедняцких и середняцких хозяйствах в домашних промыслах были заняты только члены семьи; богатые хозяйства привлекали для домашних работ зависимых от них бедных сородичей.

Деревообделочные работы заключались главным образом в изготовлении остовов юрт, ленчиков для седел, колыбелей и частично посуды и домашней утвари[111]. Для изготовления точеной деревянной посуды деревообделочники *жыгач уста* применяли примитивный токарный станок *кырма, дюкён*. Технические приемы киргизских и казахских мастеров-деревообделочников очень близки друг другу. Некоторые мастера работали на заказ, используя часто материал заказчика. Оплата за работу производилась преимущественно натурой.

Обработка металлов известна киргизам уже давно[112]. Из добывавшегося на оз. Иссык-Куль шлихового железного песка, путем плавки его в примитивных горнах, получали железо Кузнецы *темир уста* изготовляли подковы, ножи, серпы, ножницы для стрижки овец, железные

путы для лошадей, топоры, а более искусные — оружие. Серебряных дел мастера (*кюмюш уста, зергер*) делали из серебра женские украшения, украшения для мужских поясов, сбруи и т. п., часто отличавшиеся большим художественным вкусом. Киргизским ювелирам известны следующие приемы художественной отделки ювелирных изделий: гравировка, чернение, серебрение, золочение, техника зерни, чеканка, а также штамповка.

Некоторые виды ремесла у киргизов передавались по наследству; были потомственные кузнецы, ювелиры, мастера по изготовлению жерновов. Но все же ремесло у киргизов не получило развития. Мастера одновременно продолжали заниматься скотоводством и земледелием.

В отдельных местах из цветного камня изготовляли пулелейки, светильники, пуговицы. Памирские киргизы добывали хрусталь, яшму, самородное золото, сбывая все это на рынках Кашгара и Яркенда. Южные киргизы жгли уголь и продавали его в городах Ферганы.

* * *

После присоединения Киргизии к России, в связи с повышением спроса на некоторые виды сельскохозяйственной продукции, а также в результате усилившегося общения с русскими переселенцами, в различных местах появились занятия и промыслы, отсутствовавшие раньше у киргизов или носившие случайный характер. К ним относятся рыболовство, пчеловодство[113], шелководство. Раньше киргизы пользовались иногда для ловли рыбы в Иссык-Куле примитивной строгой *дегээ,* мешками, устраивали запруды на реках. В дальнейшем некоторые бедняки-киргизы, нанимавшиеся к русским промышленникам, освоили их приемы рыбной ловли, стали пользоваться рыболовными снастями. Однако сколько-нибудь значительного развития этот промысел не получил. Отдельные киргизские хозяйства на Иссык-Куле заимствовали у русских крестьян-переселенцев технику разведения пчел, но и пчеловодство в силу особенностей полукочевого киргизского хозяйства не играло в нем какой-либо заметной роли. Часть южных киргизов, наряду с земледелием, занималась шелководством, причем выкормка червей лежала на обязанности женщин.

С соседними странами киргизы издавна вели оживленный меновой торг. К ним приезжали торговцы из Ферганы и Кашгара со стегаными бумажными и полу-

шелковыми халатами, одеялами, тюбетейками, платками, бумажными и шелковыми тканями. Особенно большим спросом пользовались бязи и бумажная армячина. Оттуда же привозили оружие. Из Кульджи купцы доставляли чай, табак, рис, шелковые ткани. Проникали к киргизам также товары российского производства. Торговля с Россией установилась еще задолго до принятия киргизами русского подданства. Она была той формой экономических связей киргизского и русского народов, которой принадлежало большое будущее. Из России привозили ткани, выделанную кожу, преимущественно юфь, железные и чугунные изделия, украшения. Эти товары пользовались большим спросом у киргизского населения. В обмен на привозившиеся товары купцы получали от киргизов скот, шкуры, войлоки, кожи, шерсть, пушнину, волос. В качестве всеобщего эквивалента при обменных операциях служила овца. Более ценные из привозимых товаров (например, шелковые ткани, кожи, рис) приобретали богатые скотоводы.

Несмотря на некоторое развитие торговли и обмена с соседними оседлыми народами, товарное производство в киргизском обществе в XIX в. находилось в зачаточном состоянии. Вследствие крайне незначительного числа городов и рынков хозяйство подавляющего большинства скотоводов и земледельцев в основном было натуральным. Исключение составляли населенные киргизами районы, тяготевшие к таким экономическим центрам, как Ош и Андижан, Кашгар и Яркенд. Здесь известное значение имели товарные отношения.

В конце XIX — начале XX в. экономическая жизнь в Киргизии стала оживляться. Все более расширялась торговля скотом и продуктами животноводства, товарно-денежные отношения проникали в аил и постепенно расшатывали устои натурального киргизского хозяйства. Меновая торговля постепенно стала заменяться денежной. Основное место заняла торговля с Россией.

* * *

Для хозяйственного уклада киргизов было характерно преобладание полукочевого скотоводческого хозяйства с его специфическими особенностями горно-кочевого скотоводства, в котором некоторую роль играла также отгонно-пастбищная система выпаса скота.[114] В этом типе скотоводческого хозяйства наблюдались ко-

лебания как в сторону более «чистого» кочевничества, так и в направлении оседлости, имевшей, однако, во многих случаях еще не вполне устойчивый характер. Эти отклонения играли неодинаковую роль в различных слоях киргизского общества. Тем не менее можно считать, что среди киргизов не было или почти не было сколько-нибудь значительных групп чисто кочевых, так же как и чисто оседлых земледельческих хозяйств (число последних стало постепенно увеличиваться лишь около 80—100 лет тому назад).

Киргизское хозяйство имело в общем комплексный характер. Второе место после скотоводства занимало почти повсеместно распространенное земледелие. Для многих горных районов оно было характерно своеобразными чертами «кочевого» земледелия. Имеются основания полагать, что в киргизском земледелии синтезировались некоторые элементы древнего центральноазиатского земледелия и богатые традиции оседлого земледельческого хозяйства Средней Азии. Относительного развития достигло ирригационное хозяйство, в котором были в той или иной мере представлены древние приемы поливного земледелия. Наконец, наряду с домашними промыслами и ремеслами в хозяйственном укладе киргизов играла известную роль и охота, в которой отчетливо выступают древние черты (коллективные облавные охоты, охота с ловчими птицами).

Изучение хозяйственного уклада киргизов до последнего времени мало продвинулось вперед, некоторые важные стороны истории киргизского хозяйства, в особенности скотоводства и земледелия, остались по существу недостаточно или крайне слабо исследованными. Описание техники скотоводства и земледелия в работах М. Т. Айтбаева[115] страдает серьезными недостатками, изобилует многочисленными неточностями. В наши дни этнографы Киргизии предприняли широкие исследования истории киргизского скотоводства и земледелия.

Глава III.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Характер господствовавшего хозяйственного уклада — кочевое скотоводство — и патриархально-родовой быт наложили глубокий отпечаток на материальную культуру киргизов. Тип жилища, костюм, характер пищи и утвари, транспортные средства и т. п. всецело определялись необходимостью частных передвижений на большие расстояния, отсутствием прочной оседлости, сезонным характером хозяйственной деятельности.

В целом материальная культура киргизов, как и многие стороны их духовной культуры, на обширной территории расселения ее носителей — от северных предгорий Тянь-Шаня до отрогов Куэнь-Луня и Гиндукуша на юге и от Ура-Тюбе на западе до оазиса Куча на востоке — во всех ее главных чертах была единой, хотя в ней и наблюдались локальные особенности, обусловленные различными причинами. Главными из них были сохранение остатков былых племенных особенностей у некоторых групп киргизов и культурное взаимодействие с соседними народами.

Наличие локальных особенностей, присущих многим элементам материальной культуры, позволило выделить три основных ее комплекса[1]: а) северный (территория Центрального Тянь-Шаня, Прииссыккулье, Чуйская долина и часть районов по нижнему течению р. Нарына), б) северо-западный (территория Таласской и Чаткальской долин и прилегающих к ним районов) и в) южный (юго-западные районы Ошской обл., Алайская долина, восточная часть Каратегина — Джиргатальский р-н, Восточный Памир). Между территориями распространения северного и южного, северо-западного и южного комплексов живут группы киргизов, материальная культура которых имеет смешанные черты двух соседних комплексов. Локализация материальной культуры является следствием определенного размещения в прошлом тех или иных групп киргизских племен. Таким образом, назван-

ные комплексы имеют прямую связь с этнической историей киргизов.

Однако известные различия в материальной культуре были вызваны и социальными причинами, прежде всего — классовым строением киргизского общества.

Исторические свидетельства, а также результаты предпринятых в широких масштабах археологических исследований Южной Сибири, Семиречья, Тянь-Шаня и Памиро-Алая позволяют утверждать, что в материальной культуре киргизских племен в той или иной мере нашли продолжение традиции материальной культуры кочевников — от саков, усуней и гуннов до тюрков и монголов.

Переносное жилище типа юрты было известно как усуням, так и древним кыргызам[2]. По мнению А. Н.Бернштама, впервые исследовавшего памятники гуннского времени на территории Киргизии, «культура кенкольского типа во всех своих основных чертах была воспринята киргизскими племенами»[3]. Это особенно убедительно подтверждается материалами Кенкольского могильника, относящимися к покрою одежды и типу обуви[4], которые без существенных изменений сохранились вплоть до нашего времени не только у киргизов, но и у других народов Средней Азии. Сопоставление типично кочевнической одежды, изображенной на каменных изваяниях тюркского времени[5], сведений об одежде из валяной шерсти у древних тюрков Семиречья (Сюаньцзан, VII в.) и описаний одежды древних кыргызов (хягясов) в «Тан Шу» (белые валяные шляпы, платье из овчины и шерстяных тканей)[6] с одеждой современных киргизов не оставляет сомнений в преемственности типов одежды на протяжении по крайней мере 1300—1400 лет. То же самое, по-видимому, можно сказать и об украшениях. Кроме того, у киргизов дожили до нашего времени или лишь недавно вышли из употребления многие предметы утвари и домашнего обихода (круглые плоскодонные деревянные чаши и тарелки, футляры для пиал, светильники, деревянная колыбель и др.), совершенно аналогичные по своим формам и даже по материалу (например, арча и тянь-шаньская ель) соответствующим предметам из гуннских, усуньских и тюркских погребений на Тянь-Шане[7]. Такие же аналогии прослеживаются в частях конской сбруи и ее украшениях[8]. Приведенные здесь лишь некоторые данные указывают на сложный характер киргизской материальной культуры и на ее генетические связи

с культурой широкого круга древних и средневековых кочевых племен Центральной и Средней Азии[9].

Первые достоверные сведения о материальной культуре киргизов содержатся в китайских источниках XVIII в.: «Сиюй вэнь цзян лу» (Описание виденного и слышанного о Западном крае) Чунь Юаня, 1977 г., и «Циньдин хуанчао вэньсян тункао» (Свободное обозрение из классических текстов и позднейших пояснений, составленное при цинской династии). Здесь отмечается характер жилища (войлочные кибитки), пищи, кратко описываются костюм и головные уборы[10]. Расширение этих сведений и появление первых документированных данных относится к середине XIX в., когда территорию Киргизии посетили известные ученые П. П. Семенов-Тян-Шанский и Чокан Валиханов. Художник П. М. Кошаров, сопровождавший П. П. Семенова-Тян-Шанского, оставил замечательный этнографический альбом, в таблицах и рисунках которого с почти исчерпывающей полнотой запечатлена материальная культура киргизов Приссыккулья[11]. Альбом этот прекрасно дополняет краткие, но точные записи и зарисовки, сделанные Ч. Валихановым[12].

Ценные сведения сообщил также акад. В. В. Радлов, посетивший киргизские племена бугу и сары багыш в 60-х годах XIX в[13]. Последующие описания и собранные в музеях СССР коллекции во многом обогатили наши представления о материальной культуре киргизов. Существенный вклад в ее исследование внес и этнографический отряд Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Установлено, что в киргизской материальной культуре преобладают явления, наиболее близкие культурным традициям других народов Средней Азии и казахов. Вместе с тем в ней отчетливо выявляется целый ряд элементов, сближающих ее с культурой народов Южной Сибири и Центральной Азии[14].

ПОСЕЛЕНИЕ И ЖИЛИЩЕ.

Тип поселения у киргизов претерпевал изменения в зависимости от складывавшихся исторических условий.

Втягиваемое собственными феодалами в междоусобные войны, подвергавшееся нападениям со стороны феодалов соседних стран, киргизское население вынуждено было до 50—60-х годов XIX в. объединяться и жить большими аилами — общинами, создаваемыми главным

образом по родовому признаку. Акад. В. В. Радлов писал о своеобразном «роде кочевья» у киргизов, которые жили не аилами, «а целым родом (племенем) в непрерывном ряде юрт по берегам рек, тянущемся иногда на 20 и более верст»[15]. По сообщению Г. С. Загряжского, вплоть до середины XIX в. «киргизы стояли всегда большими аулами, кибиток по 200 и более»[16].

При кочевом и полукочевом образе жизни до середины XIX в. у киргизов отсутствовала какая-либо прочная оседлость. В Северной Киргизии лишь около этого времени появляются первые ее зачатки среди феодальной знати[17]. Вождь племени бугу Бороомбай имел в ущелье Джууку (Заука) подобие усадьбы, состоявшей из глинобитных строений, склада для зерна и мельницы; здесь были расположены огород и два садика. По сведениям Г. Бардашева, Бороомбай еще в 1843 г. построил здесь небольшое глинобитное укрепление с бойницами для защиты караванов от грабежей и для охраны имущества в случае нападения враждебного племени сары багыш. Внутри укрепления помещалось до десяти юрт, в которых хранились, в частности, запасы зерна[18].

Насколько известно, это единственное достоверное указание на существование у киргизов искусственных укреплений.

Процесс образования оседлых киргизских поселений начался раньше в приферганских районах и был обусловлен влиянием более развитых экономических отношений в Фергане и контактами с местным оседлым узбекским и таджикским населением. В Чуйской долине и в Иссык-Кульской котловине такие селения *кыштак* появились лишь в самом конце XIX в., притом в весьма небольшом количестве. Их возникновение явилось не только результатом новых социально-экономических условий, вызванных вхождением Северной Киргизии в состав России, но и следствием положительного влияния появившихся здесь русских крестьян-переселенцев.

Основная масса киргизского населения продолжала жить в селениях кочевого и полукочевого типа — аилах (*айыл*). В период кочевания на сезонных пастбищах аилы уменьшались в размерах, а в период пребывания на зимних стойбищах *кыштоо* — увеличивались. Но и зимой такие аилы не представляли собой компактных селений. Это были небольшие группы жилищ, отделенных друг от друга иногда значительным расстоянием. Жители многих из этих аилов являлись ближайшими родственника-

ми. В размещении этих аилов также соблюдался родственный и родовой принцип.

Господствующим типом жилища до Октябрьской революции было переносное жилище — юрта *(боз үй, кара-үй, кыргыз-үй)*[19]. Киргизские племена, издревле занимавшиеся кочевым скотоводством в горных условиях, выработали наиболее удобный тип жилища, которое можно было легко разбирать, перевозить на вьючных животных и снова устанавливать. Этим условиям не могли отвечать жилища, перевозившиеся на повозках, имевшие в средние века распространение среди степных кочевников.

Основу юрты составляет деревянный остов, собираемый из нескольких частей: складных решетчатых стенок *керега,* придающих юрте в плане круглую форму, укрепленного над ними купола, состоящего из деревянных жердей *уук,* упирающихся наверху в массивный обод *түндүк,* и дверной рамы *босого.* Образуемое наверху отверстие служит для выхода и для освещения. На дверную раму навешивается двухстворчатая дверь или же вход закрывается только циновкой (из чия), обшитой войлоком. Вокруг стенок ставятся такие же циновки, а весь остов юрты покрывается разной формы и размеров войлоками. Дымоходное отверстие на ночь и в ненастную погоду закрывается отдельно квадратным куском войлока.

Значительный интерес представляет вопрос об ориентации входа в юрту. Как известно, древние тюрки ориентировали двери своих жилищ строго на восток. Такая ориентировка жилища сохранилась до сих пор у народов Саяно-Алтая, в частности у западных тувинцев[20]. У большей части киргизов подобный обычай уже не сохранился, вход в юрту ориентирован у них в зависимости от условий местности (расположение аила по отношению к горам, к реке) и от направления господствующих ветров (чтобы дверь ее была обращена против ветра). Довольно часто юрты в аиле на летних пастбищах ставили в круг, и двери всех юрт были обращены к центру[21]. Но в некоторых местах все же наблюдалась частая ориентировка входа в юрту на восток (например, в Тонском р-не, по сообщению Т. Баялиевой), а в отношении киргизов Восточного Памира имеется вызывающее особый интерес свидетельство Ю. А. Шибаевой: «Последний (вход в юрту,— С.-А.) во всех виденных нами на Мургабе юртах ориентирован строго на восток»[22]. Возможно,

что в результате некоторой изоляции именно памирские киргизы сохранили древнетюркский тип ориентировки жилища.

С. И. Руденко не подметил такой закономерности у казахов, он указывает, что адаи нередко располагали свои кибитки в правильный круг, но казахи обследованных им родов, вопреки сообщению Карутца, никогда не ставили своих кибиток дверями на юг[23]. Однако у узбеков-карлуков юрту ставили дверью на юг[24], т. е. по-монгольски. В отношении киргизов у нас нет достоверных сведений о том, чтобы они предпочитали обращать юрту входом на юг, хотя в отдельных случаях, обусловленных конкретными причинами, это и не исключалось.

В прошлом бедняки жили в маленьких прокопченных юртах, покрытых рваными темными войлоками. Юрты богачей и манапов отличались не только большими размерами, но и качеством войлочных покрышек: это были белые плотные и тонкие войлоки, украшенные большим количеством узорных шерстяных (тканых) и войлочных полос. По особенному отделывались и деревянные части юрты.

Тип юрты в настоящее время не является единым у всех групп киргизов. Основное различие сводится к форме купольной части юрты. В то время как в Северной Киргизии (за исключением Таласской долины) форма купола юрты приближается к конусообразной, в Южной Киргизии, в Таласской и Чаткальской долинах купол несколько уплощен и имеет скорее полусферическую форму благодаря более резкому изгибу нижней части купольных жердей[25]. В середине XIX в. юрта с куполом полусферической формы была распространена и в Северной Киргизии. Об этом согласно свидетельствуют очевидцы[26]. Она характерна также для некоторых групп полукочевых в прошлом узбеков и имеет некоторое внешнее сходство с монгольской юртой.

Различия в типах юрт не ограничиваются формой купола. Они наблюдаются также в способах покрытия войлоками. Если у большинства киргизов остов юрты покрывают двумя рядами войлоков (нижний ряд закрывает решетчатую часть остова, верхний — купольную часть), то в некоторых местностях (долина р. Таласа, отдельные южные районы) его покрывают сверху донизу тремя-четырьмя сплошными войлоками, не доходящими до земли лишь на 20—25 см. Последний способ покрытия юрты широко практиковался в зоне бытования

юрт с полусферическим куполом в сезон кочевок на летние пастбища.

Своеобразными особенностями отличается в некоторых местах и внешнее декоративное оформление юрты. Так, в юго-западных районах Ошской обл. (группы кесек и джоо кесек) для крепления войлоков применяют широкую белую тканую тесьму; она многократно пересекает переднюю часть купола и боковые части юрты и служит ее украшением. Подобное оформление юрты отмечено у каракалпаков и полукочевых узбеков[27]. По-иному выглядят и другие украшения на юрте, и наружная часть навесной двери в районах Южной Киргизии.

Во внутреннем убранстве юрты также наблюдались в прошлом и отмечаются в наше время некоторые локальные различия как в элементах самого убранства, так и в порядке их расположения. В Южной Киргизии обязательным элементом убранства являются различного размера и назначения ворсовые коврики. В юртах некоторых групп киргизов, относимых к так называемым ичкиликам, отсутствуют узорные войлочные ковры *шырдак* или *шырдамал,* а также настенные панно-вышивки *туш кийиз,* характерные для большинства остальных групп.

Размещение предметов внутреннего убранства и утвари обусловлено бытовым и хозяйственным назначением той или иной части площади, занимаемой юртой, и носит традиционный характер. Центральная часть юрты — это место, на котором разводится огонь *(коломто)*. За ним у задней стенки, прямо против входа, складывают (на деревянной подставке, на камнях, на седлах и т. п.) сундучки, постельные принадлежности, тюфяки, войлоки и ковры, особого рода мешки с мягкими вещами, меховую и другую верхнюю одежду. Сооружение из этих вещей, сложенных в несколько рядов, носит название *жук* (джюк). Место возле джюка — *төр* — считается почетным. Здесь принимают гостей, а ночью спят. По правую сторону от входа в большинстве случаев расположена «женская половина» *эпчи жак* (эпчи — древнетюрк. жена, женщина). Здесь имеется хозяйственный уголок, отделенный узорной ширмой из чия, который служит для хранения запаса продуктов. Рядом развешивают и расставляют посуду и хозяйственную утварь. Противоположная сторона юрты — «мужская» *эр жак*. Здесь можно видеть седло, аркан, ружье, сбрую, предметы ухода за скотом. В прошлом тут же держали новорожденных

ягнят и козлят. Такое размещение, однако, наблюдается не везде. В западной части Алайской долины, местами на Восточном Памире среди некоторых групп так называемых ичкиликов женская половина занимает левую от входа часть юрты, мужская — правую.

На земле в юрте расстилают войлоки, а поверх них подстилки из овечьих или телячьих шкур и узенькие ватные одеяльца. На почетном месте в большинстве случаев постилают войлочный ковер. В юртах богатых скотоводов в прошлом раскладывали ворсовые ковры, медвежьи или волчьи шкуры. Встречавшиеся иногда деревянные кровати и низкие столики также были принадлежностью богатой юрты. Количество и качество всего внутреннего убранства юрты всецело зависело раньше от классовой принадлежности ее владельца.

Наряду с юртой в прошлом существсвовали и другие типы переносного жилища. Наиболее древний из них — конусообразный, покрытый войлоками шалаш из жердей, связанных в верхней части. Имеются сведения, что такие шалаши киргизы Восточного Памира покрывали в далеком прошлом звериными шкурами[28]. Такой шалаш носил название *сайма алачык*[29]. На Тянь-Шане шалаш такого типа, употребляемый конскими пастухами жылкычы, нам назвали термином *отоо*[30]. В своем отчете Ф. А. Фиельструп писал о «кошемных шалашах» с остовом из прямых жердей, расположенных конусом и либо связанных вместе вверху, либо нанизанных на аркан, проходящий сквозь концы небольшой крестовины квадратом, который служит дымовым отверстием[31]. О таком же типе шалаша, основу которого составляли купольные жерди, поддерживаемые в середине шестом, упоминает К. И. Антипина[32].

Более распространенным было переносное жилище другого типа *(алачык)* — среднее между шалашом и юртой. Его остов составляли жерди от купола юрты, одним концом поставленные на землю, а другим вставленные в обычный обод от юрты. Сверху алачык был покрыт одним-двумя большими войлоками. О таком типе жилища, с которым кочевали «люди, бедные вьючным скотом, сообщает в названном отчете Ф. А. Фиельструп, его описывает К. И. Антипина, приводя и другие его названия: *кепе, ак тигср, тегиртмек*[33], о нем приводит сведения К. К. Юдахин[34]. Совершенно аналогичны этому типу жилища казахские «кос» (у приалтайских найманов), состоящие из прямых «ук» с ободом «чапгарак»

прикрытых одной-двумя кошмами[35], и старинные тувинские конические юрты «пöдей», остов которых также состоял из дымового круга юрты и вставленных в него шестов, покрывавшихся войлоками[36]. По сообщению Л. П. Потапова, у восточных (улаганских) алтайцев бытовали конические шалаши, крытые войлоками, типа киргизского сайма алачыка, носившие название «соольте».

Изложенный здесь материал важен для рассмотрения вопроса о происхождении решетчатой юрты. По мнению Б. Х. Кармышевой[37], основанному на анализе данных о карлукской юрте, имевшей полусферическую форму, и подкрепленному сведениями о переносного типа жилищах, распространенных в прошлом у скотоводов-азербайджанцев Казахского уезда, карлуки и другие доузбекские племена, как и азербайджанские тюрки, сохранили до наших дней ту форму переносного жилища, которая может рассматриваться как исходная для решетчатой юрты тюркского типа. Она считает также, что карлукское жилище представляет один из видов жилища древних ираноязычных кочевников. Данные, относящиеся к киргизам, казахам и народам Саяно-Алтая, не дают оснований отказаться от широко распространенного мнения, что исходной формой обоих типов решетчатой юрты, так называемых тюркского и монгольского, был все же конический шалаш. Однако для решения этих вопросов требуются дальнейшие изыскания. Очевидно, уже назрела необходимость подвергнуть пересмотру ряд явно устаревших положений, на которых основана классификация типов переносного жилища кочевников и полукочевников, предложенная Н. Харузиным[38], поскольку за время, прошедшее после ее опубликования, накоплен большой оригинальный материал. Назрела задача обобщить его и разработать новую, соответствующую современному уровню научных знаний классификацию типов переносного жилища.

Для подавляющей части кочевого населения еще в первой половине XIX в. юрта служила не только летним, но и зимним жилищем. Несмотря на появление в дальнейшем иных жилых построек, число киргизских хозяйств, круглый год живших в юртах, было еще очень велико.

Юрта еще далеко не потеряла своего значения и в настоящее время. Ее частичное сохранение в быту киргизов обусловлено специфическими особенностями хозяй-

ства горных животноводческих колхозов и совхозов. Она употребляется как вспомогательное летнее жилище. Многие колхозы Киргизии приобретают юрты для табунщиков и пастухов, отправляющихся с колхозными стадами на отгонные пастбища. Часть из них проводит зиму на сыртах и живет круглый год в юрте, остальные пользуются ею только в весенне-летний сезон, зимой живут в построенных для них домах. Юрты служат также для хозяйственных нужд. Юрту часто используют и в качестве помещения для проведения культурно-просветительной работы на пастбищах. Ее обязательно ставят в связи с такими семейными событиями, как свадьба и похороны. Внутреннее убранство юрты у колхозников и рабочих совхозов претерпело некоторые изменения.

За последние годы на высокогорных отгонных пастбищах в широких масштабах развернулось строительство постоянных домов для колхозных животноводов.

Первые очаги оседлости возникали на месте зимних стойбищ, где возле небольших участков пашни строили простейшие помещения для скота. В северной части Киргизии во второй половине XIX в. тип хозяйственных построек был воспринят у пришлого русского и украинского населения. Положительное влияние этого населения сказалось и на развитии нового вида жилища — домов постоянного типа. Это были дома феодальной знати и богатых скотоводов, сооружаемые русскими мастерами. Бедняки и середняки сами стали возводить кое-где на зимовьях небольшие домики с глинобитными стенами и полом, почти плоской крышей[39].

В средней и нижней части Алайской долины (Маргеланский Алай) уже в 80-х годах XIX в., по описаниям очевидца, у киргизов были «весьма обстоятельные зимовки как для скота, так и для себя»[40].

Киргизы Памира кроме юрт пользовались хижинами, сложенными из камней и поставленными в укрытых от ветра местах. В них скотоводы ютились во время суровых морозов[41].

В южных районах киргизы заимствовали у своих соседей узбеков и таджиков некоторые особенности архитектуры жилых домов и их внутреннего устройства. Возникавшие в этих районах селения по своему типу иногда напоминали соседние узбекские и таджикские кишлаки. В Северной Киргизии уже первые киргизские оседлые селения по общему облику походили на соседние села русских и украинских крестьян-переселенцев,

Селение Таш-Тюбе, как указывал О. А. Шкапский[42], было вытянуто в одну улицу, обсаженную тополями, с домами русского типа, преимущественно с камышевыми двускатными крышами и с небольшими окнами.

Прогрессивный процесс перехода киргизов-кочевников к оседлым формам поселений и жилищ протекал на территории Киргизии неравномерно. На юге он шел быстрее, чем на севере. Тип поселений и жилищ также был неодинаковым, он складывался в соответствии с разными историко-культурными связями населения Северной и Южной Киргизии.

После Великой Октябрьской социалистической революции процесс создания оседлых селений и жилищ постоянного типа начал усиливаться. Радикальные перемены в этом отношении принесла сплошная коллективизация сельского хозяйства. Объединяясь в колхозы, бывшие кочевники одновременно переходили на оседлый образ жизни. Коммунистическая партия и Советское правительство придавали большое значение проблеме оседания кочевников. Для этой цели были отпущены крупные средства, выделены строительные материалы, организована техническая помощь. В результате только за три года (1932—1934) на оседлость были переведены 34 500 кочевых и полукочевых киргизских хозяйств. Строительство жилых домов проводилось при деятельном участии самого населения. Ныне на ранее необжитых пустынных пространствах раскинулись сотни благоустроенных селений. Многие из них были возведены с помощью Советского государства. В районах оседания кочевников было построено около 35 тыс. жилых домов. Объединение разбросанных раньше семей в одном поселке привело к выработке новых форм жизни, к перестройке производственного и домашнего быта[43].

Современные киргизские селения являют собой сложную картину переплетения различных типов и вариантов, возникших в разное время и под влиянием различных исторических условий. Если на характер современного поселения в южной части республики оказало заметное влияние общение с соседним узбекским и таджикским населением, то киргизское селение в Северной Киргизии несет на себе явственный отпечаток хозяйственного и культурного сближения киргизов с русским и украинским населением.

Подавляющее большинство жилых домов в киргизских селениях построено уже после начала коллективи-

зации — в 1930-х годах, когда начался массовый переход киргизского населения к оседлому быту. Возведенные ранее, а также возводимые в последнее время дома отличаются большим разнообразием. В удаленных друг от друга районах им свойственны свои локальные особенности[44]. За последние годы в Северной Киргизии все большее признание и распространение получает тип жилища, отличающийся совершенством конструкции, тщательностью отделки и т. д. Дом этого типа состоит из 2—3 комнат, имеет высокую кровлю из шифера, теса или камыша, большие окна, деревянные полы, террасу или же крылечко русского образца. В киргизских селениях Южной Киргизии стали уже строить дома смешанного типа, в которых черты современного городского дома сочетаются с лучшими традициями ферганской архитектуры.

Внутреннее убранство жилых домов представляет собой совершенно новую черту национального быта, возникшую в процессе освоения бывшими кочевниками нового для них типа жилища. В нем традиционные элементы, присущие интерьеру старой юрты, тесно соседствуют с новыми предметами обстановки и домашнего обихода, приобретенными в магазинах. Некоторые элементы нового интерьера были восприняты у соседних народов в процессе длительного общения с ними.

Вчерашние кочевники-киргизы за короткий срок создали важнейшую основу оседлого быта — жилище постоянного типа. При всем разнообразии его вариантов, это жилище стало неотъемлемой частью современного бытового уклада киргизского народа, уже непохожего на прежний, но имеющего свою национальную форму. Новое жилище не связано уже с хозяйственной специализацией живущих в нем семей и отвечает их современным бытовым потребностям.

ОДЕЖДА

Одежда киргизского населения Средней Азии претерпела за время своего развития много изменений, обусловленных различными историческими причинами: ростом производительных сил, развитием обмена и торговли, связями с соседними народами и др. Как и в некоторых других сторонах материальной культуры, в киргизской одежде отчетливо выступают особенности, которые были свойственны в прошлом отдельным племенам

Киргизская одежда характеризуется также многими своеобразными чертами, типичными для одежды кочевников, что находит объяснение в их исторически сложившемся образе жизни, связанном с кочевым скотоводческим хозяйством. Известный отпечаток на характер одежды киргизов накладывает и климат высокогорной страны с его резкими колебаниями температуры, местами довольно суровый. Это вызывает потребность в различных видах теплой одежды, используемой иногда и в летний сезон. «Постоянный холод и отсутствие теплого жилища,— писал в XIX в. Б. Л. Тагеев о памирских киргизах,— заставляет кочевника быть всегда одетым в теплую одежду, которою служат ему ватный халат и тулуп на овечьей шерсти»[45].

Натуральный в своей основе характер киргизского хозяйства в дореволюционном прошлом оказывал влияние на одежду основной массы населения. В широком употреблении была одежда, сшитая из грубой шерстяной ткани домашнего производства, вырабатывавшейся почти в каждой семье, из войлока, шкур и кожи домашних и диких животных.

Однако уже в XVIII — XIX вв. часть одежды киргизы шили из покупных тканей, привозимых из Кашгара и среднеазиатских ханств. Отсюда же частично привозили и готовые одежду и обувь, и материал для украшений. Около середины XIX в. из России начали поступать в Северную Киргизию ткани русского производства (ситцы, коленкор, нанки, миткаль и др.), а также красная юфть.

Основные типы одежды и ее покрой были распространены повсеместно. Тем не менее весьма существенной ее особенностью, которая определяла в прошлом внешний облик киргиза, была классовая принадлежность владельца одежды. Бедняк обычно вынужден был довольствоваться в качестве верхней одежды халатом из грубой армячины, к тому же иногда надеваемым на голое тело. Пастухи и домашняя прислуга получали за свой труд старую, изношенную одежду кого-либо из членов богатой или зажиточной семьи. Во второй половине XIX в. наблюдатели отмечали, что киргизы очень редко меняли одежду; они делали это только тогда, когда она расползалась от ветхости. Дети до 10-летнего возраста ходили либо нагими, либо в каком-нибудь рубище[46]. Касаясь внешнего облика киргизов, М. И. Венюков многозначительно замечал: «Иногда носят рубашки, но они не составляют белья»[47]. Все эти показания несомненно

относились к беднейшей части населения. Феодалы и богатые скотоводы имели одежду из дорогих привозных тканей, их тулупы, например, были сшиты из мягких шкурок ягнят. Особенностью их костюма были широкие кожаные пояса, отделанные ценными украшениями из серебра. Такие же различия наблюдались и в обуви, в головных уборах и в украшениях.

Традиционный характер киргизской одежды[48], а также серьезные изменения, которые она претерпела, выявляются при знакомстве с данными, относящимися к XVIII и к середине XIX в. Источники XVIII в. различают одежду вождей (старшин) и одежду простого народа. Если первые, сообщают источники, носят одежду из парчи и войлочные шляпы с украшениями из меха, опоясываются красными шелковыми кушаками, обувь у них из красной кожи, то вторые носят одежду из грубой шерстяной ткани с поясом из холста, шляпы без украшений и сапоги из сыромятной кожи. Из описаний можно также заключить, что одежда у киргизов того времени была распашная, покрой мужской и женской одежды был более или менее одинаков, воротники носили шалевидной формы[49]. Сведения о том, что войлочные шляпы отделывались мехом и имели высокие тульи, подтверждаются приобретенной в 1946 г. Историческим музеем (г. Фрунзе) шляпой, принадлежавшей одному из киргизских вождей XVIII в. Она имеет очень высокую тулью и, судя по названию (*кары бойюу киш калпак; киш* — соболь), была отделана собольим мехом. Кроме того, по рассказам, на ней имелась вышивка. Династийная хроника «Тан Шу» в повествовании о древних киргизах сообщает, что их предводитель «зимою носит соболью шапку, а летом шляпу с золотым ободочком, с коническим верхом и загнутым низом. Прочие носят белые валеные шляпы»[50].

Данные наблюдений Ч. Ч. Валиханова, П. М. Кошарова и В. В. Радлова позволяют воссоздать киргизский костюм 50—60-х годов XIX в. Не касаясь здесь всего костюма, можно отметить те его черты, которые свидетельствуют не только о его самобытности и сохранении в нем древних традиций, но и о несомненных его связях с костюмом некоторых народов Центральной Азии. По словам В. В. Радлова, специфически киргизскими видами одежды являлись верхняя войлочная одежда с рукавами (по Радлову — «кибенек», у современных киргизов — «кементай»), белые

войлочные сапоги из козьего пуха, а также «белые войлочные шапки, которые редко встречаются у казахов и благодаря которым племени (киргизам,— С. А.) присвоено наименование Ак-калпак (белая шапка)»[51]. Действительно, и в киргизском фольклоре встречается эпитет «ак калпактуу кыргыздар (белошляпочные киргизы). Киргизские войлочные шляпы, согласно источникам XVIII в., имеют сходство с головными уборами буддийских монахов ордена Пилу[52].

В этом же направлении устанавливаются черты сходства киргизской женской набедренной одежды *белдемчи*, представлявшей собой распашную юбку, пришитую к широкому поясу, полы которой сходились спереди. Такую юбку носили замужние женщины. Аналогичная одежда (она бытовала также у казашек[53]) поныне входит в состав праздничной и обрядной одежды у монголоязычного народа ту (монгоров)[54].

Характерный для середины XIX в. мужской и женский кафтан *чапан* со стоячим воротником и пестрыми шнурами с пуговицами на груди, имевший распространение у киргизов Прииссыккулья, свидетельствует о тесных связях киргизов с населением Восточного Туркестана[55]. Имеются данные о некотором распространении в прошлом у киргизов способа запахивания левой полы на правую, близкого к тому, который был типичен для монгольских народов[56].

Отпечаток своеобразия придавали одежде киргизов в середине XIX в. такие ее элементы, как женская рубаха с вышивкой, украшавшей грудь, или с отдельно надевавшимся нагрудником *өңүр* или *жака*, сплошь расшитым цветными нитками; конусообразная шлемовидная шапочка, с украшениями *(шөкүлө)*, которую надевала невеста; мужские штаны из выделанной кожи или замши *(чалбар, кандагай, жаргак шым)*, для изготовления которых шла преимущественно кожа косули и дикого козла (нередко расшитые шелковыми нитками с гарусом); сапоги из красной юфти с длинными голенищами, коротким следом, узкими, слегка загнутыми носками, на высоком деревянном каблуке, со вшитыми из цветной кожи кангами (их носили и мужчины, и женщины).

Некоторые из этих видов одежды и обуви имели аналогии в одежде казахов и отдельных народов Средней Азии, но в целом для костюма был характерен самостоятельный этнографический облик. После присоедине-

ния Киргизии к России, к концу XIX — началу XX в., в нем отмечается ряд изменений. Прежде всего получили более широкое распространение покупные русские ткани. В связи с развитием рыночных связей, усилением контакта с другими народами (русские, татары — на севере, узбеки и таджики — на юге), сдвигами в хозяйственной жизни некоторые виды одежды исчезли вовсе, у других изменился покрой, распространение третьих резко сократилось. В костюм начали входить новые, заимствованные элементы, заменявшие или вытеснявшие старые[57].

После Великой Октябрьской социалистической революции решающую роль в преобразовании киргизского костюма сыграли такие факторы, как коллективизация сельского хозяйства и переход бывших кочевников на оседлость, индустриализация страны и развитие городской жизни. Благодаря расширению торговли и повышению жизненного уровня населения, под влиянием новой, особенно городской, культуры и в результате развития межнациональных связей киргизский костюм в значительной мере изменил свой облик. Самым характерным для него стало сочетание исторически сложившихся традиционных форм одежды, в свою очередь подвергшихся некоторым изменениям, с новыми, главным образом городскими видами одежды, в основе которых лежит современный русский костюм. При этом выработались уже довольно устойчивые комплексы принадлежностей одежды, в особенности среди разных возрастных групп.

В сельских местностях, несмотря на широкое проникновение одежды городского типа, еще устойчиво сохраняются многие виды традиционной одежды, хотя их место и удельный вес находятся в зависимости от возраста и характера производственной деятельности. Но частично сохраняющаяся одежда старого покроя, ее вид существенно изменились благодаря тому, что в обиход населения прочно вошли ткани фабричного производства, большая часть которых ранее была недоступна широкой массе неимущих и малоимущих слоев киргизского населения. За очень небольшим исключением всю одежду сельское население шьет теперь из фабричных тканей.

Так же, как это было и 60—70 лет назад, старый покрой некоторых видов одежды был переработан, а отдельные элементы традиционного костюма, не соответ-

ствующие новым требованиям, стали быстро выходить из употребления, удерживаясь лишь среди пожилых людей. Вообще национальные особенности более отчетливо прослеживаются в одежде старшего поколения, но в еще большей мере — в одежде колхозников, занятых выпасом скота на сезонных пастбищах, что в значительной мере обусловлено климатическими условиями высокогорья.

Характеризуя современный киргизский костюм, нельзя не отметить его большого разнообразия, что является следствием главным образом сохранения некоторых его былых племенных особенностей, а также расширения контактов с соседними народами. Определенные различия могут быть отмечены прежде всего в костюме киргизов, населяющих северную и южную части республики.

В Северной Киргизии в общем господствует более или менее единый тип одежды, хотя здесь и отмечаются некоторые локальные черты. Характерно, например, что на Центральном Тянь-Шане женщины носят более длинную одежду, чем в других местах, а в долине Таласа сохранилось относительно больше элементов старого женского костюма, а вместе с тем и своеобразия его стиля.

В прошлом сохранились некоторые особенности одежды, связанные с племенной и родовой принадлежностью. В 1946 г., благодаря ценной информации Абдыкалыка Чоробаева, удалось установить, что даже в мужской одежде некоторых родоплеменных групп северных киргизов в XIX в. существовали различия. Для иллюстрации этих различий привожу таблицу, в которую включены соответствующие данные по видам одежды, головных уборов и обуви (некоторые сведения отсутствуют) (см. стр. 142—144.)

Приведенные данные в ходе полевых работ Киргизской археолого-этнографической экспедиции 1953—1955 гг. были проверены, частично исправлены и уточнены Е. И. Маховой, а также дополнены новыми обширными материалами. Сведения о локальных особенностях и следах родоплеменных различий в одежде киргизов, собранные ею, были частично опубликованы[58]. Они также широко представлены в книге К. И. Антипиной[59]. В работах названных авторов освещены и разнообразные украшения (главным образом женские), которых мы здесь не касаемся.

На юге Киргизии отчетливо выявляются три комплекса одежды. В юго-западных районах Ошской обл., где были расселены племена, входившие в группу ичкилик, бытует одежда, характерная также и для узбекского и таджикского населения всей Ферганы, но в сочетании с рядом элементов общекиргизского костюма. В восточных и юго-восточных районах области, где были расселены племена, причислявшие себя к группам адигине, мунгуш, киргизский костюм как бы объединяет в себе северокиргизские элементы с отмеченными чертами юго-западного варианта одежды. Наконец, в районах северной и северо-восточной части Ошской обл. уже преобладают формы костюма, сходные с северными, но они сочетаются с элементами русского городского костюма и современного узбекского костюма «ферганского» типа. Узбекское влияние особенно ощутимо в районах, расположенных по соседству с Узбекистаном[50].

Как и у многих других народов, большая устойчивость национального костюма наблюдается у женщин. Однако женщины молодые, и среднего возраста, особенно девушки, в большей мере, чем пожилые женщины, подвергли изменению традиционные формы одежды, усвоили новые ее виды. Это было прямым результатом повсеместного вовлечения женщин в общественное производство, их участия в общественной жизни.

Значительно больше традиционных черт сохранилось в костюме пожилых женщин. И в нем также наблюдаются различия, свойственные южанкам и северянкам. В прошлом важную роль в костюме всех замужних женщин играл головной убор, имевший много вариантов, по которым можно было даже определить племенную принадлежность женщины. В наше время ношение национальных уборов в большинстве районов Киргизии почти сошло на нет.

Головной убор женщины состоял из небольшой, облегающей голову шапочки *(кеп такыя, чач кеп, баш кеп)* с полосой, спускавшейся на спину, и повязанного поверх нее тюрбана *(элечек, илеки, калак)*. На тюрбан шла тонкая белая ткань или кисея. В зависимости от формы, высоты и объема тюрбана, а также украшений шапочки различались четыре типа женского головного убора.

В целом, несмотря на глубокие изменения, женский костюм во многих районах сохраняет свой националь-

ный облик, в чем немалую роль играет присущая цветовая гамма, жизнерадостный колорит.

В мужской одежде, в отличие от женской, наблюдается гораздо более заметное влияние городских форм костюма, однако неодинаковое в различных возрастных группах. Большое распространение современный городской костюм получил и среди молодых колхозников. Однако на юге несколько чаще можно встретить элементы национального костюма.

Одежда мужчин среднего возраста в сельских местностях в большей мере смешанного типа. Но на юге республики они носят верхнюю одежду традиционного покроя.

Многие виды национальной одежды устойчиво сохраняются в костюме мужчин пожилого возраста и стариков. Как и в женском костюме, здесь много локальных вариантов.

В Северной Киргизии у чабанов и табунщиков не вышли из употребления старинные виды верхней одежды: плащ (кементай) из коричневого или белого войлока, свободного покроя, хорошо предохраняющий от дождя или снега, и очень широкий длиннополый *чепкен, чекмен,* с длинными и широкими рукавами, из сукна домашнего производства, который надевают на другую верхнюю одежду. Его шьют как на подкладке, так и без нее.

Зимними видами одежды служат традиционные меховые шубы *ичик,* крытые темной тканью, на Тянь-Шане и в Прииссыккулье — с меховыми воротниками шалью, и нагольные овчинные тулупы. На севере и в северных районах Ошской обл. эти тулупы *тон* шьют с большими меховыми воротниками и окрашивают в желтый, белый или черный цвета. На юге Киргизии тулупы *постун* иногда не имеют воротника, в восточных районах их окрашивают в белый цвет, в западных шьют с боковыми разрезами внизу. Очень разнообразна отделка тулупа: полы, подол и ворот обшивают полосами меха или черной ткани, вышивают полосы и треугольники из ткани на плечах и внизу, у разрезов.

Большим разнообразием отличаются и меховые шапки. Почти повсеместно распространена войлочная шляпа (калпак) нескольких вариантов, различающихся по форме тульи, наличию или отсутствию разрезов на полях, характеру строчки. Так, у южан она более высокая, чем у северян, с широкими полями, имеющими

Различия в мужской одежде северных киргизов в XIX в.

Родоплеменные и локальные группы	Верхняя одежда (*тон, ичик, чапан, чепкен*)	Меховые шапки	Войлочные шляпы (калпак)	Тюбетейки (*топу*)	Обувь
1	2	3	4	5	6
Племя чекир-саяк: чоро (Ак-Талинский, Тогуз-Тороуский, частично Куланакский р-ны Тянь-Шаня).	*чоро тон:* из овчины, окрашенной в белый цвет; воротник, полы, обшлага обшиты полосой черного бархата.	*тебетей:* тулья из ткани белого цвета, опушка средней величины из черной мерлушки; кисточка *чок* из шелка.	*тилик калпак:* тулья из 4 клиньев, прошита черными нитками, с кисточкой чок; поля с разрезами, обшиты снизу черным или темного цвета бархатом или другой бумажной тканью.	Из белой ткани, по краю вышивка *сайма.*	*чоро чокой:* сапоги из целого куска кожи (в виде чулка), высотой до колен.
кулджыгач (Джумгальский р-н Тянь-Шаня).	—	*мытаам тебетей:* тулья различного цвета из ситца и бархата, прострочена, кисточки нет; опушка черного, серого, сивого цвета (*кара, кызыл, кёк*), средней величины, ее задняя часть опускается вниз.	То же.		То же.
курманкоджо (Джумгальский р-н Тянь-Шаня).	Частично носили чоро тон, частично ичик.	То же.	То же.	—	—
Племя черик (Атбашинский р-н,	тон: из овчины, окрашенной в бе-	тебетей: тулья из бархата или трико	То же.	Из черной или синей,	*кийиз отюк:* войлочные са-

1	2	3	4	5	6
часть Нарынского р-на Тянь-Шаня).	лый цвет, отделан узкой полосой черной мерлушки.	черного или темного цвета; опушка высокая и массивная; кисточка маленькая.		иногда из белой ткани, без вышивки.	поги, подошвы подшиты кожей.
Племя моцолдор (Ат-Башинский р-н, часть Нарынского района Тянь-Шаня).	То же	—	То же.	—	—
Племя тынымсейит (Нарынский р-н Тянь-Шаня).	Большинство носило ичик, женщины крытый бархатом, мужчины—крытый трико черного или темного цвета.	—	*тилик калпак:* тулья из 4 клиньев, прошита черными нитками, с кисточкой чок; поля с разрезами, обшиты снизу черным или темного цвета бархатом или другой бумажной тканью.	—	—
Племя сары багыш (Нарынский и Кочкорский р-ны Тянь-Шаня).	—		То же.		кийиз ӧтюк (см. выше).
Племя солто (Чуйская долина).	тон: из овчины, окрашенной в желтый цвет, отделан полосой из	тебетей: тулья небольшая, простеганная, из ткани разных цветов (кроме бело-	калпак: тулья из 4 клиньев, прошита белыми нитками; поля без разрезов, без об-	—	Первыми стали носить *кепич-маасы*

Продолжение

1	2	3	4	5	6
	черного бархата или прострочен; чапан часто заправлялся в замшевые штаны (*жаргак шым*).	го); опушка узкая, из мерлушки сивой масти (*кызыл кёрпе*).	шивки, темного цвета; без кисточки.		(ичиги с галошами).
Прииссыккулье: племена бугу, саяк, подразделение тынай племени сары багыш.	чепкен с широким и длинным воротником (шалью).		калпак: тулья из 4 клиньев, прошита черными нитками; поля без разрезов; с кисточкой.	—	—
Тогуз-Тороуский р-н Тянь-Шаня: племя басыз, подразделения племен саяк и чекир-саяк и другие группы		*малакай:* шапка из овчины мехом внутрь, без опушки, по краям обшита полоской ткани*.	—		

* КРС, стр. 513: **малакай** мужская меховая шапка без полей и без отворотов; стр. 717: **жапма тебетей** *тяньш.*, **тоголок тебетей** *южн.*, то же, что **малакай**; ср.: К. И. Антипина. Особенности материальной культуры ..., стр. 235.

разрезы; в некоторых районах Таласской долины поля шляпы почти прямые, тулья — сплошная, без клиньев; в Приисcыккулье и Чуйской долине встречаются шляпы полуовальной формы с полями без разреза (по сообщению Р. Д. Ходжаевой, шляпы уйгуров «малхай» были сваляны из одного куска войлока, их поля обшивали черной тканью и не разрезали) и т. д. Поля в большинстве случаев обшивают черным бархатом, сатином или другой тканью; место соединения клиньев обшивают черным кантом или конским волосом. Иногда шляпу украшают незатейливым орнаментом, вышитым черными нитками.

Киргизская традиционная одежда, как и одежда многих других народов, может служить ценным источником для выявления древних этногенетических и культурных связей. Для киргизов эти связи, как показывают многие данные их этнической истории, особенно широки и многообразны. Некоторые попытки рассмотрения этих связей были уже предприняты[61]. Детальное их изучение должно стать делом ближайшего будущего. В данное время можно лишь наметить некоторые направления этих связей, хотя они, конечно, охватывают значительно больший круг народов и касаются большого числа признаков, характеризующих одежду, и относящихся к ней терминов.

Касаясь недавно бытовавшей одежды у современных нам тюркских и монгольских кочевников, Л. П. Потапов справедливо отмечал сходство покроя и материала их одежды, а также прически и некоторых предметов украшений с таковыми у древних кочевников Центральной Азии, описанными в исторических источниках или дошедших в погребениях кочевников (конца 1 тысячелетия до н. э. — 1 тысячелетия н. э.)[62]. Он же обратил внимание на то, что меховая и шерстяная длиннополая одежда и мягкая кожаная обувь с войлочной подкладкой незаменимы в климатических условиях местообитания кочевников и для постоянной езды верхом[63].

В свое время С. И. Руденко, исследуя одежду западных казахов, писал, что их плечевая одежда, различного рода кафтаны и шубы, поясная одежда, штаны и шаровары — древнего происхождения, являются типичными для кочевников-скотоводов[64]. Многолетнее изучение одежды казахов, проведенное этнографами Казахстана в 1954—1963 гг., позволило им не только дать ее обстоятельное описание, а также сопоставить ее с одеж-

дой соседних народов Средней Азии, Поволжья, Сибири и Центральной Азии, но и сделать серьезный историко-этнографический экскурс, для которого они привлекли данные, относящиеся к древним источникам[65]. Анализируя формы одежды туркмен-нохурли, Г. П. Васильева правомерно рассматривает археологические находки, характеризующие покрой одежды у древних обитателей Средней Азии, как вещественное доказательство устойчивости форм покроя одежды современных среднеазиатских народов, ссылаясь при этом на раскопки Кенкольского могильника, произведенные А. Н. Бернштамом[66]. Ценным историко-этнографическим исследованием в том же плане, включающим в себя и данные по кочевым в прошлом народам Средней Азии, является работа О. А. Сухаревой[67].

И для киргизов прежде всего должна быть подчеркнута историческая преемственность их одежды по отношению к одежде древнетюркских кочевников. Приведем несколько подтверждающих это положение показаний. Отмечая характерную для западных казахов теплую одежду, особенно широко распространенную среди адаев,— «купы», С. И. Руденко писал, что это «шекпен, но более просторно сшитый из верблюжьего сукна, на подкладке из верблюжьей шерсти... Купы, на основании палеоэтнологических данных, следует рассматривать как очень древний тип одеяния турков (автор имеет в виду тюркские народы,— С. А.), и можно с уверенностью сказать, что это примитивное одеяние является культурным достоянием казахов и их предков в течение по меньшей мере двух тысячелетий»[68]. Под тем же названием (*кюпю*) у киргизов известны: 1) шуба из меха верблюжонка; 2) мягкое боевое непроницаемое для стрел одеяние (в эпосе); 3) подушка, набитая шерстью[69]. Совершенно очевидно, что все эти значения киргизского термина восходят к одному первоисточнику, генетически связаны с казахским «купы». В этом убеждает другая линия связи этого же термина. Как сообщают исследователи, казахские пастухи носили «шідем күпі», крытые домотканым верблюжьим сукном. Подкладкой служила шерсть овец или верблюдов, снятая вместе со свалявшимся подшерстком и простеганая продольными швами[70].

Этот вид казахской одежды можно считать идентичным одежде киргизских пастухов, верх которой был из кустарной шерстяной ткани, а подкладка — войлочная.

Она носила название *чийдан*[71]. Сходные с названными типы одежды бытовали у узбеков-карлуков, в недавнем прошлом ведших полукочевой образ жизни. Карлуки (мужчины и дети) носили «гуппи» — ватную стеганую рубашку и «чайдам» — шерстяной халат с войлочной подкладкой[72]. Но дело не только в полной аналогии между такими типами одежды, как шідем күпі у казахов, чайдан у киргизов, чайдам у карлуков. Қ. Шаниязову удалось установить, что названные типы одежды карлуков бытовали у тюрков в XI в. Их называет в своем сочинении Махмуд Қашгарский: «ялмо» или «гуппи» — стеганая на вате одежда в виде рубашки; верхняя одежда из «жайдам» — войлочной материи, эта одежда надевалась при дождливой погоде (жайдам клали также в одеяло вместо ваты)[73].

Прямую связь с чайдам имеет другой тип одежды — войлочный плащ с рукавами, который также носили киргизские скотоводы. Его называли кементай, но В. В. Радлов привел другие его названия: «кибенек» и «кебанак»[74]. Қ. Шаниязов указывает, что карлуки Шурчинского р-на называют чайдам «кебеняк» и что такой же вид одежды и под тем же названием встречается у Ибн-Фадлана[75]; он также отмечает, что у богатых людей чайдам целиком кроился из серого плотного войлока; рукава, ворот, полы расшивались красивыми узорами. Если отбросить узоры, то такой чайдам, очевидно, действительно равнозначен киргизскому кементаю (кебенеку).

У турок, сообщает В. П. Курылев[76], сохраняется широкий пастушеский плащ «кепенек», который катают из войлока. Он не имеет рукавов, впереди — сплошной разрез. Материал, назначение этой одежды, ее название вполне совпадают с киргизским и карлукским типом одежды, покрой же — совсем иной. Таким образом, если не считать карлукского гуппи, отличавшегося по своему покрою, но сходного с казахским купы по способу изготовления (стеганая одежда), все остальные названные типы казахской, киргизской и карлукской одежды можно рассматривать как восходящие к древнетюркским образцам, характерным для скотоводов-кочевников. Важно подчеркнуть очевидное сходство и самих терминов: гуппи (карлук.), купы (казах.) и кюпю (кирг.).

В древнетюркских рунических текстах «тон» — одежда, шуба. В том же значении что слово представлено

10*

в киргизском, тувинском хакасском, шорском, алтайском[77], а также в некоторых других тюркских языках, причем в киргизском так называют овчинный тулуп, а в южных диалектах верхнюю одежду вообще (главным образом мужскую), халат[78]. Так же обстоит дело с древнеенисейским «кеш» (пояс)[79], которое сохраняется в киргизском *кешене* (кушак)[80]. На основании археологических данных установлено, что древние тюрки носили узкие наборные пояса с бляшками, к которым подвешивали разного рода сумки для огнива и других мелочей, точильный камень и т. п. Характерные для тюрков бляшки наборных поясов, поясные подвески с прорезью были найдены и в Киргизии: в Чуйской долине[81] и в долине Таласа[82]. Приведем соответствующие данные для современных киргизов. В некоторых местах, сообщает К. К. Юдахин, под названием *илгич* имели распространение ременные пояса с пряжкой (в старину с украшениями)[83]. В своих черновых записях Ф. В. Поярков приводит подробные данные о таких поясах: «У мужчин на опояске огниво (оттук), шило (шибеге) и сумочка с расческой для бороды (сакал тарак) и другие принадлежности. Прежняя опояска из ремня-кисе — вышла из моды и встречается очень редко у стариков... Кисе делается из ремня шириной от 1 до 3 вершков, к концу ремня прикреплен крючок, а по длине пояса-ремня делаются дырочки для зацепки крючка; на правой стороне ремня пришита полукруглая сумка из кожи же, сверху закрывающаяся крышкой во всю сумку, в которой имеется дратва (тарамыш), ремешки для сшивания седельных принадлежностей (тасма), а с левой стороны привешен нож и другие принадлежности. Прежде все это обделывалось серебром, медью, оловом и железом»[84]. Под тем же названием «кисе» художник П. М. Кошаров описывает кожаную сумку на поясе с мешочком для пуль и оттуком[85]. Описание и рисунок подобного пояса «кісе» с сумкой под тем же названием приводит в своей работе о вооружении казахов Ч. Валиханов[86]. Достаточно просмотреть богатый иконографический материал, относящийся к древнетюркским каменным изваяниям[87], чтобы убедиться в том, что кожаные пояса, бытовавшие в недавнем прошлом у киргизов и казахов, как и формы подвешивавшихся к ним сумок и других принадлежностей, иногда до деталей повторяют древние формы, выразительно запечатленные на каменных изваяниях.

Хотелось бы указать еще на древнюю, по-видимому, принадлежность одежды девушек, о которой пишет Ч. Валиханов: «Говорят, что в прежние годы девицы носили корсеты (затягивали ими груди), называемые кокузбек»[88]. Это название современным киргизам неизвестно. Но в труде Махмуда Кашгарского мы находим слово «кокуз» (كُكُزْ) в значении «грудь»[89]. Очевидно, Ч. Валиханову удалось еще отметить древнетюркский термин, сохранявшийся у киргизов для этой части девичьей одежды.

В опубликованной недавно работе С. И. Вайнштейна и М. В. Крюкова содержится ценный материал, уточняющий и дополняющий сведения об облике древних тюрков[90]. Они уделили большое внимание одному из важных этнических признаков: манере запахивания верхней одежды, по поводу которой в среде тюркологов существуют разногласия. Авторы убедительно доказывают, что для древних тюрков было характерно запахивание одежды справа налево (правая пола наверху)[91]. По показаниям этнографов, у современных киргизов до недавнего времени одежда запахивалась слева направо. Но некоторое время тому назад этнографу Т. Баялиевой удалось выяснить, что погребальный саван *кепин,* части которого носят названия некоторых видов бытовой одежды, имеет обратный запах. Как ей сообщили, саван заворачивают справа налево (независимо от пола покойного), тогда как бытовую одежду запахивают всегда наоборот,— слева направо. Возможно, что это характерная для погребального культа многих народов традиция, но нельзя исключить и того, что в погребальной «одежде» киргизов как бы «воскрешалась» древняя манера запахивания одежды, тем более что, например, в саване для женщины имелась одна часть, носившая название «белдемчи», т. е. название одной из принадлежностей одежды замужних женщин, имевшей также, по-видимому, древнее происхождение[92].

Немало любопытных аналогий обнаруживается при сопоставлении костюма киргизов и алтайцев. Хотя в целом национальный костюм у этих народов имеет существенные различия, все же при внимательном изучении отдельных частей одежды и ее терминологии можно выявить много общего. Среди мужской одежды у алтайцев близкую аналогию к киргизской имеют летняя верх-

няя одежда из кожи жеребенка или шкуры косули, носившая название «дьаргак», и доха из шкуры косули («дьака»), обращенной шерстью наружу, надевавшаяся поверх шубы[93]. Киргизы также носили доху из шкуры жеребенка шерстью наружу, *(даакы)*. Термином *жаргак* они называли выделанную из шкуры животного (особенно из шкуры горного козла или косули) кожу типа замши, из которой шили преимущественно штаны (жаргак шым, кандагай). Южные алтайцы-охотники также носили штаны из самодельной замши (из кожи марала или косули). Как и киргизы, алтайцы (телеуты) надевали зимой овчинные штаны. Покрой штанов, в отличие от других частей, был у тех и других одинаков. Характерным для киргизов был войлочный плащ с рукавами (кементай). Алтайцы в 60-х годах XIX в. тоже носили верхнюю одежду из войлока (чокпень). Зимняя телеутская шапка «турпа бöрук» по форме сходна с шапкой телпек, которую носят киргизы южной части Ошской обл.: тулья из 4 клиньев, внизу оторочена узкой полоской меха. Такое же сходство может быть отмечено и для обуви типа поршней (кирг. *чокой)*, сшитой из куска сыромятной кожи, к которой алтайцы пришивают голенища.

У кашгарских киргизов нами отмечен термин для шубы — *жува*, аналогичный названию женской вдовьей одежды у алтайцев — «чуба».

Нагрудное украшение женского платья телеуток «гöштöк» по покрою идентично украшению на старинных платьях киргизских женщин — вышитому нагруднику жака или өңүр[94]. Наконец, женская шуба телеуток по своему покрою весьма близка к киргизской женской шубе (ичик).

Ряд существенных аналогий не только в терминах, но и в самих типах отдельных принадлежностей одежды, прослеживается в направлении киргизско-монгольских связей. У монголов охотники надевают обувь «бойтог» из оленьей или лосиной кожи[95], у тянь-шаньских киргизов под названием *бойто* известен род кожаных чувяк[96]. Название киргизских замшевых шаровар «кандагай» прямо связано с монгольским «хандага» — лось. Киргизское и алтайское *топчу,* «топчы» — пуговица — не встречает соответствий в других тюркских языках, но в монгольском употребляется в том же значении: «тобшо», «топчи»[97]. У киргизов под названием *сёйкё* известно нагрудное украшение, имеющее форму боль-

ших конусовидных серег, соединенных цепочкой, со множеством подвесок. Западно-монгольские женщины вместо серег прикрепляли к ушам длинные подвески — комбинацию цепочек и серебряных или металлических пластинок[98]. Серьги же средневековые монголы называли «süike»[99]. Все женщины монголки носили бархатные или матерчатые чехлы-накосники[100]. У киргизских женщин также бытовали накосники: длинные бархатные полоски в виде трубочек, в которые прятали косы. На них нашивали серебряные фигурные пластинки, пуговицы, жемчужины. Их называли *чачпак* или *чачкап* (мешок для волос)[101]. Близкую аналогию к киргизским женским шапочкам кеп такыя имеют повязки у южных монголок — узумчин, от которых на виски опускались нити кораллов и серебряных или металлических пластинок и цепочек[102]. Особенно много соответствий обнаруживается в обуви, головных уборах, вышивках на груди женских рубах и т. п. у западных монголов и киргизов.

Некоторые связи могут быть намечены и в одежде тувинцев и киргизов. Ограничимся только одним показанием. Для всех видов верхней одежды тувинцев характерны сферические, полые внутри пуговицы с воздушным ушком (из меди, серебра). Бронзовые сферические пуговицы аналогичного типа, найденные в Пий-Хемском р-не, С. И. Вайнштейн датирует тюркским временем (VIII—IX вв.)[103]. Такого же образца пуговицы еще недавно можно было встретить на киргизской девичьей и детской одежде. У памирских киргизов к женским головным уборам обязательно пришивались или входили в состав их украшений позолоченные серебряные бубенчики *(буун, тюймё, буйнак.)*[104].

Нет необходимости останавливаться на широких связях киргизской традиционной одежды и одежды казахов и народов Средней Азии, особенно узбеков и таджиков. Большое внимание им было уделено в уже упоминавшихся исследованиях Е. И. Маховой и К. И. Антипиной. Прослеживаются, например, соответствия типов обуви киргизов и горных таджиков (кирг. *мёкю, чарык;* тадж, мукки, чорчьк), женских налобных повязок (у кашгарских киргизок *чеке таңгыч;* тадж. сарбанд или мандил)[105] и мн. др.

Киргизская одежда и украшения во всех многочисленных вариантах характерны своими разносторонними связями. Они предстают перед нами как очень своеобразный продукт многовекового синтеза среднеазиатских

и центральноазиатских культурных влияний, сохраняя в то же время многие черты костюма древних тюрков-скотоводов и охотников.

ПИЩА

Несмотря на некоторое распространение земледелия у киргизов, до третьей четверти XIX в. состав их пищи определялся господством у них скотоводческого хозяйства: в ней преобладали молочные продукты и мясо. По наблюдениям Ч. Валиханова, в середине XIX в. северные киргизы питались главным образом «молоком да палым скотом», хотя упомянул и о просяной каше[106]. В это время, например, киргизам Памира и Каратегина мука была неизвестна: если она им и попадалась, то из нее не делали хлеб, а варили похлебку[107].

Наступившие вскоре после присоединения Киргизии к России изменения хозяйственного уклада киргизов привели к заметному увеличению в пищевом рационе доли зерновых продуктов[108]. В последующий период основными видами пищи у большинства киргизского населения стали уже молочная и растительная и лишь отчасти мясная. Объективные наблюдатели уже давно отмечали, что для большинства киргизов мясо являлось предметом роскоши и было повседневной пищей лишь очень богатых людей[109].

Одной из самых характерных особенностей пищевого режима киргизов был его сезонный характер. В теплое время года питание основывалось на молочных продуктах, зимой же преобладала пища из муки и зерна, к которой добавлялись некоторые продукты из молока (сыр, масло, подсоленный творог). Уделом большей части населения было постоянное недоедание, особенно зимой; во время массового падежа скота нередко наступал настоящий голод.

Киргизская национальная кулинария весьма богата по ассортименту составляющих ее видов пищи. Но при всем этом питание основной массы населения отличалось крайней скудностью и однообразием. В. И. Кушелевский отмечал, что «бедные киргизы живут впроголодь, пробиваясь какою-нибудь похлебкою из джугары или из растертого крута (сыр) с водою»[110]. Обычно бедняки и малосостоятельные середняки в течение круглого года питались жидкой пищей. Наиболее распространенными видами ее были: *максым* — питье, приготовляемое

из толокна или дробленого ячменя (в отвар клали немного муки или старого максыма) и *жарма* (джарма) — род похлебки, приготовляемой из подсушенного на огне ячменя (или пшеницы), зерна которого размельчали в деревянной ступе, крупно размалывали и опускали в кипящую воду. В отвар, после того как он остынет, добавляли солод или старую джарму и муку. Джарму употребляли холодную, как в пресном, так и в кислом виде. Кроме того, были распространены *талкан* — толокно из поджаренного и измельченного ячменя, пшеницы или кукурузы (его распускали в молоке, простокваше или воде), *көжө (кёчё)* — жидкий суп из пшеницы, который заправляли молоком или айраном (*айран* — слегка разбавленное водой кислое молоко). Реже варили суп с мясом. Употребляли в пищу и просяную кашу *ботко*[111].

Не все бедняки имели возможность питаться ежедневно обычной пищей кочевника — айраном, приготовлявшимся из овечьего молока. Одно из любимых блюд скотовода — кумыс *кымыз* — кобылье молоко, подвергающееся брожению, так же как и мясо, бедняк употреблял редко, да и то большей частью с байского стола, как подачку, или как угощение во время устраивавшихся баями и манапами торжеств. Чай, не говоря уже о сахаре, был почти недоступен бедняку, даже хлеб в виде лепешек не был его повседневной пищей. В то же время пища состоятельных слоев киргизского населения была обильной и разнообразной.

Пища разных слоев населения в прежнее время во многом зависела от натурального характера хозяйства.

На пищевой режим современного киргизского населения оказывали свое влияние глубокие преобразования социально-экономического уклада, повышение культурного уровня и особенно переход к оседлому образу жизни бывших кочевников.

Вместе с тем на видах пищи отразилось расширение связей с городом и с соседним русским, узбекским, таджикским, дунганским и уйгурским населением. Это особенно заметно в Прииссыккулье, в Чуйской долине, в Южной Киргизии. Хотя пища в целом и продолжает сохранять свой национальный характер и способы ее приготовления не подверглись существенным изменениям, но в ней появились и новые, незнакомые в прошлом блюда, она стала разнообразной. Пища обогатилась в значительной мере в связи с развитием новых отрас-

лей хозяйства, почти неизвестных ранее кочевникам: огородничества, садоводства, пчеловодства, птицеводства. Тем не менее она не утратила в полной мере и своего сезонного характера, особенно среди животноводов. Осенью и зимой пища более питательна и разнообразна, летом в ней значительное место занимают чай и холодные жидкие кушанья, горячее блюдо приготовляют преимущественно вечером.

Резко улучшилась качественная сторона питания подавляющей массы населения, повысился удельный вес наиболее питательных видов пищи. Прежде всего, на столе киргизского колхозника перестало быть редкостью мясо, животные жиры. В пищевой обиход вошли картофель, овощи и фрукты, мед, покупные продукты (сахар, кондитерские изделия и др.), стал доступен широким массам рис, а с ним и плов, в пищу стали употреблять птичье мясо и яйца в вареном и жареном виде. Наиболее часто употребляются такие овощи как лук, помидоры, огурцы, морковь, капуста (из нее иногда варят щи). В Южной Киргизии, где овощи и фрукты уже давно вошли в пищевой рацион, значительное место принадлежит тыкве *ашкабак*, которую кладут в суп, в пельмени, едят с мясом и приготовляют как самостоятельное блюдо. Наряду с традиционными лепешками, выпеченными в котле *(көмкөрмө токоч)* или на углях между двумя сковородками *(көмөч нан)*, а в Южной Киргизии и отчасти в долине Таласа — в глиняной хлебной печи «ферганского» типа — *тандыр* (на севере она распространена преимущественно в пределах Прииссыккулья и имеет иную форму), употребляется и печеный современным способом хлеб.

Из молока и молочных продуктов, кроме айрана и кумыса, приготовляют: род кислого сыра — *курут*, заготовляемого на зиму и употребляемого в пищу в сухом виде или растертым и разведенным в теплой воде; творог *сузмө;* разбавленный водой айран *(чалап)*, используемый летом как прохладительный напиток; пресный сыр из кипяченого створоженного молока, засушенный в виде небольших лепешек — *быштак* или *пышлак* (изготовляется преимущественно у южных киргизов и употребляется в пищу в первые же несколько дней после приготовления); особый сорт сладковатого твороговидного сыра из подвергающегося длительному кипячению овечьего молока *(эжигей);* топленое масло *сары май*, сливки, снятые с кипяченого молока *(каймак)*, и др.

Надо отметить различия в способах приготовления масла. Так, в Северной Киргизии не применяется широко распространенная на юге деревянная или металлическая маслобойка *куу* или *гуу*, имеющая форму узкого цилиндрического сосуда.

Молочная пища летом составляет основное питание у колхозных животноводов. Они заготовляют на зиму в больших размерах курут, топленое масло и подсоленный творог. По случаю возвращения животноводов с летних пастбищ до сих пор принято устраивать угощение *өрулук*. Прежде его приносили вновь прикочевавшему скотоводу те, кто уже раньше прибыл на место стоянки. Теперь живущие в селениях родственники приносят вернувшемуся напитки, национальные лакомства, лепешки, фрукты и т. п. Животноводы в свою очередь угощают их копченым мясом, сыром.

Обилие зерновых продуктов позволяет колхозникам употреблять в пищу разнообразные мучные изделия, которые заняли в пище прочное место. Из муки приготовляют излюбленное лакомство — кусочки теста, жареные в котле в бараньем сале *(боорсок)*; печеные в золе хлебцы *көмөч*, которые кладут в горячее молоко и сдабривают маслом и творогом; слоеные, печеные на масле, иногда со сливками лепешки *каттама;* печеные в масле лепешки *(май токоч)*; оладьи *куймак* и др. Боорсок употребляют теперь нередко с сахарным песком. На юге, а также в долине р. Таласа сохраняется блюдо из проса или зерен кукурузы: зерна поджаривают, толкут в ступе или размалывают на ручных жерновах, затем заливают горячим молоком и едят с маслом и сахаром или подают к чаю.

Мучная пища очень часто сочетается с другими продуктами; так, например, лапшу *кесме* варят с мясом, иногда с молоком; на юге частым блюдом бывает молочная рисовая каша *шоола*. Хлебные изделия подают обязательно к чаю.

Чай принадлежит к числу самых популярных напитков у киргизов. Еще не так давно, например, в Иссык-Кульской котловине чай нередко приготовляли сами; покупной чай, преимущественно кирпичный, был доступен не всем. Еще Ч. Валиханов указывал на то, что киргизы заваривали чай с солью, «вроде калмыцкого затурану»[112]. Среди северных киргизов до революции был распространен *куурма чай:* в молоко, разбавленное водой, клали жареную на масле муку или талкан, до-

бавляли соль и кипятили. В. И. Кушелевский следующим образом описывал чай, приготовлявшийся южными киргизами: «Иногда чай кипятится в котле с примесью молока, сала, соли и перцу и в таком случае называется шир-чай или ак-чай, а также калмыцким чаем. Подобная смесь скорее похожа на суп, нежели на чай и весьма употребительная между кочевым населением»[113].

Теперь повсеместно пьют покупной чай, причем в Южной Киргизии летом предпочитают зеленый чай *көк чай*. Северяне воду для чая кипятят, как правило, в самоварах, которые стали появляться здесь в начале XX в., а южане — преимущественно в металлических кувшинах. У первых принято подавать чай каждому из пьющих в отдельной пиале, а у вторых — пить поочередно из одной-двух пиал. Угощением к чаю кроме лепешек и боорсока служат масло, каймак, сушеные фрукты, сладости, в частности мед. В Прииссыккулье и в некоторых других местах чай пьют иногда со свежим молоком, чуть подсаливая его. Из других напитков распространены упомянутая джарма, а также буза *бозо*, которую приготовляют, главным образом, зимой из проса, ячменя или кукурузы, добавляя для брожения солод (проросшую пшеницу) и муку. В 60-х годах XIX в. В. В. Радлов наблюдал, как киргизы приготовляют из проса бузу — род пива, а из нее дистиллировали водку, которую пили зимой[114]. В то время киргизы употребляли также молочную водку[115], для чего перегоняли кумыс тем же способом, какой применяли некоторые другие народы Центральной Азии[116]. Позднее она вышла из употребления.

Теперь нередко наряду с кумысом (его потребляют летом, преимущественно животноводы) приготовляют кумыс из коровьего молока *(уй кымыз)*, которое заквашивают настоящим кумысом.

На юге часто варят болтушку *атала* — жидкую кашу из кукурузной муки, которую едят с кислым молоком или маслом.

Киргизы употребляют в пищу различные виды мяса: конину (она особенно ценится), баранину, говядину, а также мясо диких животных: горных козлов, косуль и баранов, птичье мясо. Среди охотников до сих пор сохранился старинный способ варки мяса[117]. Обычно мясо повсеместно варят в чугунных котлах.

Наиболее распространенным видом мясной пищи является вареная баранина. Куски мяса обмакивают в

соленый мясной бульон *сорпо*, который, кроме того, пьют перед едой и после нее. Употребляются также мясной бульон, приправленный кумысом или айраном, который носит название *ак серке*, и питье под названием *кара дөң* в виде горячего мясного бульона, разбавленного сырой холодной водой; его пьют обычно после обильного вкушения мяса[118]. Излюбленным блюдом является мелко накрошенное мясо (*туураган эт*, теперь чаще называют *беш бармак*), политое бульоном, которое смешивают со сваренной в этом бульоне лапшой. Бульон, предназначенный для заливания этого мяса, а также рассол из бульона, которым приправляют мясную пищу, называется *чык*[119]. В XIX в. в Северной Киргизии лапшу в мясо не добавляли и называли это блюдо *нарын*. У южных киргизов нарын распространен и сейчас. В него добавляют нарезанный лук. Лакомством считается легкое овцы, наполненное молоком и маслом и сваренное в воде (*куйган өпкө, олобо*), а также конская колбаса из мяса с жиром (*чучук*). Употребляют также мясо в вареном виде (подают крупные куски, нарезают во время еды) с кусочками тонко раскатанного теста (*күлчөтай*) и в жареном виде без всяких приправ (*куурдак, куурма*).

Чрезвычайно любопытен один из способов приготовления мяса у памирских киргизов, о котором сообщает Ю. Д. Головина: «...цельного выпотрошенного барана, с зашитым внутри его курдюком, кладут, не снимая шкуры, в яму на горячие уголья; засыпав его слегка землею, разводят сверху костер, который и поддерживают определенное время. Туша сохраняет таким образом в себе весь сок и жир»[120]. М. Айтбаев пишет: «Изредка готовили мясо и так: вынув внутренности, тушу барана опускали в яму с горячими углями. Сверху разводили большой огонь, чтобы образовалось много углей. Затем яму тщательно закрывали камнями, землей, чтобы внутрь не попал воздух. На следующий день тушу вынимали из ямы, счищали ножом нагар... Иногда в тушу насыпали перец и соль, на юге Киргизии — рис»[121].

Сходный способ приготовления мяса («комма шурпа») карлуками-пастухами на пастбищах описывает К. Шаниязов: «Зарезав овцу, барана или козу, мясо и сало солили и в сыром виде зашивали в шкуру убитого животного. Для этого хорошо отделывали шкуру, спалив шерсть на огне. В яме глубиной 50—60 см разводили

огонь, и спустя некоторое время шкуру, заполненную мясом и салом, клали в яму и закапывали, а сверху засыпали землей. Для выхода пара в середину шкуры (в области пуповины) вставлялась камышовая трубочка, верхняя часть которой должна оставаться снаружи. Комма шурпа таким способом могла быть приготовлена в течение дня, и чабаны питались этим кушаньем в течение нескольких дней»[122].

Об аналогичном способе у турок приводит данные В. П. Курылев. В лесистых местностях делают «куйу кебабы»: баранью тушу заворачивают в шкуру, кладут в предварительно раскаленную яму и, закрыв сверху, разводят огонь[123]. В том же ряду находится и способ зажаривания туши, о котором мы находим сведения у К. К. Юдахина: **таш кордо** — так называют выпотрошенную, но не освежеванную от шкуры овечью или козью тушу, зажаренную целиком путем бросания в нее раскаленных камней[124]. Все эти способы, как можно предполагать, восходят к древнейшим формам быта, связанным с хозяйством охотников и скотоводов-кочевников.

Большой интерес вызывает порядок распределения кусков вареного мяса во время угощения по степени их «почетности». Первым обратил на это внимание К. К. Юдахин: «Особенно же меня удивило то, что ни на одном из угощений я не встретил на блюде ни конины, ни головы барана. Оказывается, здесь оба эти кушанья, которые так почетны у северян (в примеч.: «голова — почетный кусок у солтинцев и сарыбагышей»,— С. А.), уважением не пользуются. Зато почки, которые у северян не в почете, здесь подаются наравне с другими лакомыми кусками мяса. Дело, конечно, не в почках, а в том, что **уча** (крестец, задок) здесь занимает первое место среди кусков мяса. Факт этнографически очень важный»[125]. Проведенный нами опрос ряда стариков на севере и на юге Киргизии показал, что в ритуале распределения мяса имеется большое разнообразие. При этом степень «почетности» тех или иных кусков мяса различается в зависимости от того, баранина это или конина. Хотя, как подчеркивали старики, женщинам не давали «мужских» почетных кусков мяса, все же женщина-гостья получала определенный именно для таких случаев кусок.

В Прииссыккулье самому почетному гостью при угощении бараниной давали *жамбаш* (подвздошную кость),

затем следовали голова *баш*, *жото жилик* (берцовая кость) или *кабырга* (ребра). На Тянь-Шане (Ат-Башинский, Ак-Талинский р-ны) первое место занимают ребра, далее следуют жамбаш и голова. По сведениям М. Айтбаева, на Иссык-Куле, в Нарыне, Тогуз-Тороуском и других районах Тянь-Шаня старшему и почетному гостю дают голову, но в Ат-Башинском, Кочкорском, и Джумгальском р-нах это не принято[126]. При угощении же кониной, особенно на тризнах и разного рода празднествах *(той)*, на Иссык-Куле самым почетным куском мяса считался упомянутый уча[127]. За ним следовали ребра или жамбаш и др. На Тянь-Шане во время массовых торжественных угощений первое место из конской туши также отводилось уча, второе — *карчыга* (часть туши — от ребер и до ляжек)[128], в обычных же условиях предпочтение отдавалось ребрам. Почетной частью бараньей туши для женщин у северян считался копчик, или хвостовой отросток,— *куймулчак*[129].

Обращает на себя внимание следующее замечание Ч. Ч. Валиханова, сделанное им при описании угощения: «...перед нами поставили большую тарелку с бараниной, сложенной горкой, на вершине которой рисовалась крестцовая кость — самый почетный кусок»[130].

На Восточном Памире и Чон-Алае самым почетным куском баранины считается *буйрак* (курдюк овцы)[131], в Наукатском р-не (у племен мунгуш и канды) — куймулчак, в Ляйлякском — уча. В отношении конины сведения также разноречивы. Если на Памире самой почетной частью конской туши назвали *жая* (кострец)[132], а на Алае — жамбаш[133], то в Наукатском р-не — уча. Любопытно, что для почетной женщины на Памиро-Алае предназначается «карчыга» (см. выше; по словам наших рассказчиков, имеются в виду позвонки с последними ребрами).

В свете приведенных кратких сведений могут быть рассмотрены имеющиеся данные по казахам и саяно-алтайским народам. Первая высшая пара подаваемых у казахов гостям почетных кусков мяса «жанбас»[134] полностью соответствует киргизскому жамбаш. В Наукатском р-не было отмечено на третьем месте (после куймулчак и жамбаш) *ашыктуу жилик* (от *ашык* — коленная косточка овцы или козы), что соответствует второй паре почетных кусков у казахов — «асыкты жилик». Что касается грудины, которая отдавалась у казахов молодому зятю, а если его не было — дочери или жене

(у монголов же — девицам или молодым замужним женщинам)[135], то здесь также наблюдается совпадение с киргизами, у которых «в старом быту грудинку гостям не подавали, ее ели женщины»[136]. На Памире нам назвали грудинку *дёш* на последнем месте среди кусков баранины, выделяемых женщинам. «Куйумисак», т. е. хвостовые кости, пишет Н. Ильминский, дают дочерям[137]. И здесь мы видим соответствие с куймулчак на севере Киргизии. В остальном порядок распределения кусков мяса у киргизов и казахов не совпадает.

Зато чрезвычайно важны аналогии, выявляемые при сопоставлении с алтайцами и тувинцами. Еще В. В. Радлов, описывая распределение мяса заколотого животного у алтайцев во время съезда гостей, упоминал в числе наиболее почетных куски из спины и хвоста[138]. В переданных мне замечаниях по поводу этого описания Л. П. Потапов справедливо указывал: «В таком порядке распределения мяса уже, как мне кажется, преобладающее значение приобрело общественное положение алтайцев, вытекающее из социально-экономического неравенства их. В более древних способах распределения мяса, сохранившихся, например, в свадебном обряде и при распределении жертвенного мяса (лошади или быка, принесенного в жертву шаманским духам), голова и грудинка (тош), да еще с кусочком шкуры, оставленной на грудинке, давалась наиболее почетным гостям, например дяде по матери (taj), племяннику (если пир происходил у дяди по матери)». В сообщении Н. П. Дыренковой мы встречаем уже и уча, упоминавшееся у киргизов. Она пишет: «Во время свадебных пиров дяди жениха и невесты получали лучший «почетный» кусок мяса — uča или töš... Только после того как дядя (дядя невесты с материнской стороны,— С. А.) уселся и получил uča, приступали к угощению. Среди прочих кусков мяса должен был быть непременно кусок грудины — töš... Только отдав своему jeen'у (племяннику,— С. А.) töš, дядя приступал к еде. Дяде жениха подносили обычно голову заколотой овцы (qoj baš sallattan)»[139].

Описывая пищу тувинцев, Л. П. Потапов отмечает, что часть туши барана «тöш» — грудная кость, подается самому почетному гостю или (если нет гостей) хозяину дома. Самым же почетным и лакомым куском туши считается «ужа» (ср. кирг. уча). «Под этим названием (хорошо известным в этнографической литературе о саяно-алтайских народах) подразумевается спина туши бара-

на, начиная от восьмого позвонка и до хвоста-курдюка, отделенная от ребер и обеих задних ляжек»[140].

Если оставить в стороне один из почетных кусков мяса у алтайцев и тувинцев — грудинку, то останется общий для ряда групп северных и южных киргизов, алтайцев и тувинцев почетный кусок бараньей или конской туши — крестец (уча, ужа). Значение этого факта для установления этногенетических и исторических связей между предками этих народов трудно переоценить, поскольку в таких областях быта этнические традиции являются особенно устойчивыми.

В прошлом заготовлять мясо впрок имели возможность только крупные и отчасти средние скотоводческие хозяйства; теперь почти каждая колхозная семья заготовляет мясо на зиму *(согум)*[141]. Поздней осенью забивают одну-две овцы, иногда лошадь. Часть туши слегка подсаливают, затем подержав дня два завернутым в шкуру, развешивают в кладовой. По Кушелевскому, подержав некоторое время мясо в коже того же животного, его затем коптят, подвешивая в юрте над очагом, и вялят или сушат[142]. Характерно, что теперь в каждом киргизском сельском доме имеется помещение для хранения запасов продуктов; раньше такие помещения отсутствовали, так как небольшие запасы пищи хранили в юрте и лишь для хранения зерна устраивали ямы в земле *(ороо)*.

Мясную пищу потребляют главным образом поздней осенью и зимой, хотя вареное крошеное мясо приготовляют и в другое время года — по случаю семейных и общественных праздников, приезда дорогих гостей. У животноводов мясная пища преобладает зимой. Кроме крошеного мяса на праздничный стол подают еще особый род вареной колбасы из печени и внутренней крови *(быжы)*, в которую кладут еще сало, лук и перец, иногда рис[143].

Наряду с традиционными видами мясной пищи получили распространение и новые, вызванные к жизни изменениями в экономике и тесным контактом с другими народами, особенно с русскими. Это свидетельствует о появлении новых потребностей и вкусов. Среди новых блюд — мясной суп *сорпо, шурпа* с картофелем и луком, жареный картофель с мясом *(жаркоп)*, пирожки с начинкой из картофеля и др. Вошли в обиход так же некоторые уйгуро-дунганские блюда, например паровые пельмени *чучпара,* подобные узбекским и уйгурским

«мантуу», большие пирожки с мясом, также изготовленные на пару в особом металлическом приспособлении *(каскан)*, *лагман* — соус из кусочков мяса с лапшой; узбекский плов, который распространился как праздничное блюдо и в Северной Киргизии, в Прииссыккулье его часто делают из пшена[144].

Характерно, что наиболее сытная, мясная, пища употребляется по старой традиции преимущественно вечером. Но куурдак или джаркоп, например, едят иногда и днем.

Горячую пищу приготовляют в котле *казан* на очаге. К столу ее подают в эмалированных или фаянсовых чашках. Обедают и пьют чай нередко сидя вокруг скатерти, разостланной на войлоке, покрывающем пол. Но в Прииссыккулье и в Чуйской долине (в меньшей мере в Таласе и на Тянь-Шане) получили распространение круглые низкие деревянные столики, возле них во время трапезы усаживается вся семья. Женщины и дети, занимавшие в прошлом самые последние места и получавшие худшую пищу, питаются теперь наравне с остальными членами семьи. В этом нашли свое отражение большие перемены в домашнем быту.

Старая домашняя утварь, деревянная и кожаная посуда, приспособленная в прошлом к полукочевому образу жизни, сохраняется теперь главным образом в юртах животноводов. Но деревянные ступы, кадки, ведра, глубокие блюда для мяса бытуют еще и в поселках. Современная утварь, появившаяся вместе с изменениями, внесенными в хозяйственную жизнь и в культуру колхозным строем, представлена большим количеством разнообразной посуды.

Из местных наркотиков основным является особо приготовленный жевательный табак *насыбай*, закладываемый за нижнюю губу. Уже давно вышла из употребления старинная курительная трубка *(канжа)*.

Исторически сложившиеся национальные особенности в пище (как в ее составе, так и в способах приготовления) наиболее устойчиво сохраняются в семьях животноводов на отгонных пастбищах.

Краткий обзор пищи киргизов[145] позволяет коснуться некоторых линий культурно-исторических связей, нашедших свое отражение в этой стороне быта. Весьма значительно количество аналогий в пище киргизов и алтайцев[146]. Много общего у них в способах приготовления и в названиях различных видов молочной пищи,

К последним относятся сухой кислый сыр *курут,* молочный продукт, служащий пищей пастухам *(кёёрчёк),* кипяченые сливки *каймак* и др. Среди мясных блюд заслуживают быть отмеченными общие для киргизов и алтайцев жёргём (алт. дьоргом или тöргöм) — разрезанные полоски легких, желудка, перевитые овечьими кишками[147], или также (у алтайцев) — кишки, начиненные кусочками сала, сердца, легких и печени; *карта* — прямая кишка лошади (у киргизов считается лакомым блюдом); керчёё (алт. керзен) — зажаренный кусок мяса, срезанного с жиром и шерстью с овечьей грудины; *чучук* — конская колбаса из мяса и жира (у алтайцев «чочук» — старинное кушанье из конины: сердечная сумка, наполненная мелко накрошенным мясом и салом и копченая на дыму); колбаса из кишок, наполненных кровью (у киргизов Прииссыккулья — из печени и внутренней крови, в Таласе — из мозга, сала и крови), и т. п. Аналогичны и некоторые блюда, приготовленные из злаков (талкан, кёчё). В старину киргизы, как и алтайцы, изготовляли молочную водку.

Для решения вопроса об этнокультурных связях киргизов может быть привлечен и такой материал, как способ изготовления продуктов из молока. Большого внимания в этом плане заслуживает ценная сводка существующих данных, содержащаяся в работе Ф. А. Фиельструпа[148]. Им принята классификация Г. Н. Потанина, согласно которой для киргизов, как и для большинства других тюркских народов, характерно приготовление айрана из кипяченого молока. Однако именно у киргизов Ф. А. Фиельструп отмечает, как исключение, сохранение монгольского способа приготовления айрана и из сырого молока, что имеет место особенно в жаркую погоду[149]. По данным Ф. А. Фиельструпа у киргизов, как и у монголов, существует способ вытапливания масла прямо из сливок[150]. Следует подчеркнуть, что на примере изготовления ряда молочных продуктов особенно отчетливо выступает культурная общность киргизов с южными алтайцами, тувинцами, монголами. Так, общими для этих народов являются некоторые виды пресного сыра и творога из кипяченого молока (кирг. быштак, алт. пыштак, тув. пыштак, монг. бислаг)[151]. Способы их приготовления различаются только в деталях. В то же время основные приемы изготовления молочных продуктов у киргизов те же, что и у большинства тюркоязычных народов.

Еще Ф. А. Фиельструп, первым описавший примитивный перегонный аппарат для изготовления водки из кумыса, применявшийся киргизами[152], отметил, что полную параллель этой конструкции аппарата и технике выгонки водки можно найти у монголов. Позднейшие наблюдения[153] позволяют утверждать, что самую близкую аналогию по отношению к киргизам представляет один из двух вариантов перегонного аппарата у западных монголов (ойратов). Описанные Л. П. Потаповым перегонный аппарат и способ изготовления молочной водки у алтайцев[154] почти не отличаются от киргизских. К этому же типу аппаратов К. В. Вяткина относит и бурятский[155]. Описываемый А. В. Андриановым аппарат для перегонки айрана в водку, употреблявшийся хакасами, также почти не отличается от киргизского[156].

Характерно, что совпадает и терминология, относящаяся к названиям аппарата и его частей. У киргизов аппарат носит название *капка чорго* (*капкак* — крышка, *чорго* — трубка, по которой выводятся пары)[157]. У хакасов «кахпак» — деревянная чаша (крышка), «сорга» — перегонная трубка. У алтайцев «чорго» — дугообразная трубка для выгонки водки[158]. У монголов она носит название «цорго».

Различные типы перегонных аппаратов у ряда народов рассматриваются и сопоставляются в статье У. Йохансен в связи с вопросом о древности самого способа изготовления молочной водки у тюркских и монгольских кочевников[159].

* * *

Широко распространенным способом передвижения и в настоящее время является верховая езда на лошадях, быках, ослах и мулах. Киргизы — неутомимые наездники, способные в течение долгого времени не сходить с седла и преодолевать самые тяжелые препятствия на своем пути: перевалы, кручи, стремительные горные реки и т. п. Названные животные используются и для перевозки тяжестей вьюком. У памирских киргизов основным ездовым и вьючным животным является як. Среди южных киргизов и раньше имела некоторое распространение узбекская двухколесная арба «ферганского» типа, а у северных киргизов колесный транспорт начал распространяться лишь в период, предшествовавший Октябрьской революции. Киргизы заимствовали у

русских крестьян не только типы телег и бричек, но и названия почти всех принадлежностей упряжки. В высокогорных районах и сейчас кое-где употребляется волокуша *(чийне)*, состоящая из двух жердей, с двумя-тремя поперечными перекладинами; одним концом она привязывается к седлу, а другим волочится по земле. Волокуша используется для перевозки снопов пшеницы, сена, хвороста и т. п.

Седла различаются по типу и назначению: для лошади (верховое) — *ээр*, для быка (верховое и одновременно вьючное) — *ыңырчак*, для верблюда (вьючное) — *ком*. Для перевозки детей и обучения их верховой езде еще недавно употреблялось иногда особое седло *айырмач*, имеющее приспособления: широкие войлочные стремена, вместо луки — две пары высоких крестовин спереди и сзади, предохраняющих маленького всадника от падения. Седла для лошадей встречаются нескольких разновидностей. Наиболее распространенными является седло так называемого андижанского типа *(кушбаш ээр)* с деревянным ленчиком, имеющим одну переднюю луку, заканчивающуюся небольшой раздвоенной головкой, и довольно широкое, слегка вогнутое сиденье.

Сравнительно недавно у киргизов встречались седла, очень близкие по своему типу к седлам алтайцев, тувинцев[160] и монголов. Они имели высокую, овальной или арочной формы переднюю луку и несколько более низкую, дугообразной формы заднюю луку[161]. Седла этого типа *(данбаш* или *нанбаш ээр, ак каңгы ээр)* были распространены и среди казахов[162]. Как показали новейшие исследования, генетически эти старинные киргизские седла, как и седла некоторых народов Саяно-Алтая, восходят к древнетюркским седлам[163].

* * *

В заключение следует еще раз сказать, что хотя в материальной культуре киргизов имеется много явлений, свидетельствующих об их тесных исторических и культурных связях с другими народами Средней Азии и Казахстана, однако многочисленные факты из различных областей материальной культуры, приведенные выше, убедительно свидетельствуют об имеющих большую древность этногенетических и историко-культурных связях киргизов с народами Саяно-Алтая, Монголии, Восточного Туркестана, а также притибетских районов.

Глава IV.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Наличие имущественного неравенства, родоплеменной знати, классовых отношений у некоторых древних и средневековых племен, потомки которых вошли в состав киргизской народности, засвидетельствовано как историческими источниками, в том числе памятниками орхоно-енисейской письменности, так и археологическими данными[1]. Для более позднего периода, в частности с XVI—XVII вв., имеются уже достоверные сведения о феодальных отношениях у тянь-шаньских киргизов. Можно полагать, что эти отношения окончательно сложились у киргизских племен, как и у других кочевников, значительно раньше, во всяком случае не позднее конца I тысячелетия н. э.

Разумеется, на протяжении веков феодальные отношения претерпевали некоторые изменения. Однако низкий и застойный характер производительных сил в условиях кочевого скотоводства, постоянные потрясения, которые переживали кочевые племена, в результате взаимных опустошительных набегов, естественно приводили к крайне медленной и малоощутимой эволюции в производственных отношениях. Но в XIX в. последние уже обладали всеми характерными чертами патриархально-феодальных отношений, которые и господствовали безраздельно в киргизском обществе к моменту добровольного вхождения Киргизии в состав России.

Их своеобразие заключалось в том, что они существовали и развивались в условиях полукочевого и кочевого скотоводческого хозяйства. Для этих отношений были характерны многие особенности, свойственные ранним формам феодальных отношений. Одну из главных особенностей можно видеть в том, что составлявшие основное их содержание феодальные отношения переплетались с остатками и пережитками дофеодальных, патриархально-родовых, общинных отношений.

Социальные отношения у киргизов стали объектом пристального внимания советских ученых начиная с

конца 1920-х годов[2]. Литература, возникшая в результате изысканий советских этнографов и других специалистов, внесла много ценного и плодотворного в решение проблемы социального строя народов Средней Азии, введя в научный обиход свежие и по-новому освещенные факты. Основным достижением советской науки, опиравшейся на прочно установленную систему взглядов, выработанную основоположниками марксизма-ленинизма, была новая постановка вопроса о классовом содержании общественной жизни и многих социальных институтов, внешне сходных с родовыми, сохранявшихся у народов Средней Азии и у других ранее кочевых народов[3].

В этой связи исследователи касались и форм родоплеменной организации у кочевников Средней Азии и казахов. Значительный вклад в разработку вопроса о социальных отношениях у кочевников, и в частности о роли и месте в них родоплеменной организации и патриархально-общинного уклада, внесли этнографы в связи с дискуссией о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевников Средней Азии и Казахстана на научной сессии в Ташкенте в 1954 г.[4]

Перейдем к краткой характеристике социальной структуры киргизского общества накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Основную массу киргизского населения составляли владельцы сравнительно небольших стад *(букара, чарба)*. Во главе той или иной группы населения стояла феодально-родовая знать в лице биев и манапов. Эксплуатация трудящихся манапами и биями происходила в рамках пронизывавшей общественную жизнь идеологии «родового единства», «родовой солидарности», находивших свое выражение в многообразных явлениях патриархально-родового быта. Пользуясь большой живучестью патриархально-родовых традиций, манапы и бии не только широко использовали их для маскировки феодальных по своему содержанию форм эксплуатации, но и активно способствовали консервации этих традиций, выступая в роли «хранителей» и «толкователей» родовых обычаев и обычного права *заң, нарк.*

В основе классового деления лежало различное отношение членов киргизского общества к главному средству производства, каким являлась земля, особенно пастбища. Решающее значение в условиях скотоводческого хозяйства имела феодальная собственность на землю,

которая и была основой патриархально-феодальных отношений у киргизов. Хотя владение пастбищам внешне имело общинный характер, на деле все пастбища были поделены между крупными биями и манапами, которые и присвоили себе право распоряжаться ими и другими землями в качестве феодальных владельцев. Тем самым создавалась монополия владения землей феодальной верхушкой киргизского общества. Своеобразный характер частной земельной собственности далеко не соответствовал той форме общинной собственности на землю, представление о которой отражалось в обычном праве киргизов и ревниво охранялось феодальной знатью в ее классовых интересах. Племенная и родовая собственность на пастбища существовала лишь номинально, выступая как юридическая фикция фактически феодальной формы земельной собственности.

Своеобразие имущественных отношений заключалось, таким образом, в том, что понятие «родовой», или «племенной» собственности прикрывало захват земли феодальной знатью. Концентрация больших земельных массивов и скота в руках манапов, биев и баев приводила к тому, что многие рядовые кочевники постепенно лишались важнейших средств производства и попадали в кабальную зависимость от феодальной верхушки.

Охарактеризованные формы собственности определяли и классовую структуру киргизского общества, и положение различных социальных групп в производстве, и их взаимоотношения.

На всем протяжении существования киргизского общества мы встречаемся с феодально-родовой знатью как экономически и политически господствовавшей группой. Основной костяк ее в XVIII в. и в более ранее время составляли феодальные владетели — бии, в руках которых сосредоточивалось руководство общественной жизнью, в том числе и суд — главнейшая функция управления в то время. Поэтому в дальнейшем звание бия и стало отождествляться со званием судьи. Но в действительности положение бия определялось не судебными функциями, а господством в жизни киргизского общества. Для XVIII в. это очень хорошо отмечают письменные источники.

В первой половине XIX в. в Северной Киргизии получил распространение новый социальный термин «манап», который постепенно вытеснил понятие бия как феодального владетеля (в Южной Киргизии феодалов

по-прежнему продолжали называть биями). Появление этого термина до недавнего времени было принято связывать с образованием манапства как нового, отличного от прежних биев социального института. В действительности, как это позволили установить этнографические данные[5], манапами называли вначале всех лиц, принадлежавших в одному из подразделений в составе племени сары багыш, носившему наименование «манап» по имени своего родоначальника, жившего в XVII в. Феодалы из подразделения манап не только заняли привилегированное положение внутри племени сары багыш, но и распространили свое влияние на другие киргизские племена. Термин «манап» стал нарицательным для феодалов и других подразделений этого племени, а впоследствии стал применяться и по отношению к биям многих киргизских племен. Поэтому с термином «манап» нельзя связывать появление нового социального института. Никакой принципиальной разницы между биями и манапами не было.

Генезис институтов бийства и манапства исследован еще недостаточно. Фольклорные материалы, в частности киргизский героический эпос «Манас», позволяют предположить, что сложившимся феодальным отношениям у киргизов предшествовал своеобразный военно-демократический строй. Племенная структура общества тесно переплеталась в то время с развитой военной организацией. В этих условиях важная роль в общественно-политической жизни принадлежала военачальникам *баатыр*. Возможно, что формирование бийства как феодальной верхушки происходило на основе военно-племенной знати, представленной предводителями-батырами различных степеней и рангов[6].

Власть манапа, как правило, передавалась по наследству. Наиболее крупные из манапов и биев распространяли свою власть на весьма обширные территории с разноплеменным населением.

В зависимости от крупных феодалов (*ага манап* или *чоң манап*), находились средние манапы (*орто манап*) и мелкие манапы (*чала манап*). Каждый из них имел то или иное количество зависимого от него населения[7]. Иерархическая феодальная верхушка не только распоряжалась пастбищами, прикрываясь в своих узко корыстных интересах общинными порядками, некоторые крупные манапы и бии сами являлись владельцами многочисленных табунов лошадей, отар овец, стад коров,

верблюдов и яков. Остальной скот составлял частную собственность мелких скотоводов. Среди них он был распределен весьма неравномерно.

В числе крупных феодалов Северной Киргизии первой половины XIX в., державших в зависимости средних и мелких феодалов и значительное количество подвластных им кочевников, а отчасти и земледельцев, были старший манап племени сары багыш Джантай, у которого насчитывалось до 700 юрт букары, главный манап племени бугу Бороомбай имел до 1000 юрт, манап Уметалы (сын Ормона) из племени сары багыш — 1500, а его брат Чаргын — до 1000 юрт букары. Некоторые крупные манапы передавали в наследство своим сыновьям целые родовые подразделения. Так, сыновья манапа Тюлёёберди (из подразделения талкан племени солто) после смерти разделили принадлежавшую им букару как наследство, каждый из них получил свою долю энчи. Чыны взял себе «роды» беш кёрюк и мааке, Канаю отдали «род» тёлёк, Эшкоджо — «роды» джоо чалыш, шалта и кара сакал, Карбосу — «род» асыл баш. Это весьма походило на своеобразную удельную систему. Очень многочисленным был слой манапов, имевших менее 100 юрт букары.

Феодально-родовой знати противостояла «букара» — феодально зависимая масса трудящихся кочевников и земледельцев. Однако подвластная манапам букара не представляла собой однородной массы. Внутри букары была отчетливо выражена имущественная дифференциация. По своему общественному положению от знатных манапов очень мало отличался выделившийся в составе букары слой баев — богатых скотовладельцев, поэтому его с полным основанием можно отнести к господствовавшему классу[8]. В то же время росло число бедняцких хозяйств, лишившихся своего скота, оказывавшихся в полной зависимости от манапов и баев и вынужденных обслуживать их хозяйства на условиях отработок. Часть бедняков (*конщу*) кочевали вместе с манапами и баями и обслуживали их скот на тех же условиях, другие бедняки не кочевали, но обрабатывали землю баев, получая от них в пользование дойный скот. Бедняки, лишившиеся своего скота, были наиболее эксплуатируемой частью киргизского общества. Их использовали в качестве домашней прислуги *малай*, пастухов овец (*койчу*) и табунщиков *жылкычы*, поденщиков *жалчы*.

Середняки хотя и сводили концы с концами, но их уверенность в завтрашнем дне при всесилии манапов и частых бескормицах была весьма относительной.

Но не только труд букары обогащал представителей феодальной знати. Вплоть до присоединения к России у киргизов продолжали существовать остатки патриархального рабства. Рабами *кул* были главным образом военнопленные, захваченные во время войн. Рабами становились также преступники, за которых их сородичи отказывались уплатить выкуп. Манапы включали рабов в состав калыма и приданого, выставляли их в качестве призов на скачках, ими уплачивали выкуп за кровь *(кун)* и т. п. В основном их использовали в домашнем хозяйстве в качестве прислуги и отчасти в скотоводстве. Сами рабы не считались членами «родовой» общины, потомки же их входили в число членов данной общины, но с ограниченными правами. Широкого распространения рабство у киргизов не получило. Кроме потомков рабов, в состав «родовой» общины могли входить припущенники — члены чужих «родов» *(кирме),* продолжавшие сохранять свое родовое наименование. Они обычно попадали в зависимость от местного феодала, как и другие члены общины.

Системе патриархально-феодальных отношений у киргизов была свойственна характерная черта феодализма — неполная собственность феодала на работника производства. Она проявлялась в своеобразных формах закрепощения сородичей — под видом покровительства и помощи нуждающимся родственникам. Одни манапы отдавали своих сородичей в качестве составной части калыма, другие — дарили или обменивали их на киргизов же, но не на сородичей, третьи — насильственно переселяли целые группы хозяйств своей букары по каким-либо политическим или семейным соображениям. Манап вмешивался и в личную, семейную жизнь букары, лишая рядового кочевника возможности жениться без своего разрешения, или иногда заставлял его развестись с женой, отбирая полученный сородичем калым, и т. п.

Киргизские феодалы широко пользовались различными формами эксплуатации букары, прикрываемыми патриархально-родовой оболочкой «помощи» обедневшим скотоводам. Одной из наиболее распространенных ее форм, носившей название *саан* (буквально — доение), было предоставление во временное пользование

части молочного скота или овец нуждающимся сородичам-беднякам, с правом последних использовать по своему усмотрению молоко и шерсть. За это манап или бай обязывал их отрабатывать в его хозяйстве иногда целыми семьями: ухаживать за его скотом, заготовлять топливо, обслуживать земледельческое хозяйство — поливать посевы, караулить и т. д. Полученный от манапа скот надо было целый год кормить, а приплод сохранить.

Другой формой эксплуатации этого же типа, носившей название *куч,* являлось представление манапами и баями во временное, арендное пользование нуждающимся сородичам вьючного скота для перекочевки, либо рабочего скота для обработки поля, так же изображаемое в качестве родственной помощи. За эту «помощь» бедняк должен был отработать манапу или баю в его хозяйстве.

Эти и другие формы феодальной эксплуатации имели характер отработочной ренты, своего рода барщины, носящей лишь внешние признаки родовой взаимопомощи. Вступая в такого типа отношения с манапом и баем, обедневший скотовод или земледелец попадал в кабальную зависимость к феодалу, оказывался в известной мере закрепощенным им.

Явные черты барщины носила такая форма «помощи» манапу или баю, как *ашар.* По предложению манапа или бая зависимая от него букара собиралась и в короткое время коллективно выполняла в его хозяйстве какую-либо большую работу по обработке его полей. От манапа требовалось только угостить своих даровых работников.

Среди киргизов, в особенности на юге, а отчасти и на севере, получила развитие эксплуатация беднейшего дехканства и в форме издольщины.

Внешне этот вид эксплуатации, называвшийся *орток* (по данным, собранным в 1952 г. в Прииссыккулье), принимал форму «товарищества», в котором объединялись владелец земли и владелец семян, тягловой силы и инвентаря. В большинстве случаев орток представлял собой ярко выраженную форму издольной аренды. Бедняк или батрак брал у русского кулака или у дунганина-бая плуг, лошадь и семена. Он вспахивал и засевал полученными семенами свой участок земли, ухаживал за посевами, поливал их и собирал урожай. Но половину, а нередко и большую часть собранного урожая, он

должен был отдать своему «соучастнику». Иногда рабочий скот арендовали у киргизских баев, а плуг — у русских или дунганских кулаков.

Все эти виды эксплуатации были очень тягостными для массы букары. Однако ими дело не ограничивалось. Большое развитие получила также и рента продуктами, ложившаяся тяжелым бременем на плечи букары. Манапы заставляли подвластное им население систематически платить оброк, носивший название *салык*, он взимался скотом (обычно овцами и лошадьми) и продуктами. Кроме того, букара была обязана доставлять скот и продукты для манапского стола *(союш)*, покрывать расходы, произведенные манапами на угощение гостей, пиры и праздники *(чыгым)*, собирать скот для призов на скачках и состязаниях, для подарков по случаю свадьбы членов манапской семьи и т. п. Охотники должны были в обязательном порядке доставлять добытую дичь к столу манапа, искусные мастера «дарить» манапу лучшие образцы своего труда.

В тех случаях, когда сила патриархальной традиции, освященной веками, оказывалась недостаточной, на сцену выступали исполнители манапской воли — джигиты, приводившие в повиновение непокорных, а также манапский суд. Манапы нередко сами наряду с судьями-биями осуществляли судебные функции, получая за решение дела с тяжущихся судебную пошлину *бийлик*, а с виновной стороны штраф *айып тартуу*. В большинстве случаев бии-судьи также были ставленниками манапов и не решали ни одного дела без совета с ними.

В своей судебной практике и манап и бий руководствовались неписанным обычным правом. Они исходили из уже сложившихся твердых положений неравенства между богатыми и бедными, между мужчиной и женщиной. Например, выкуп за кровь *(кун)* колебался в своих размерах в зависимости от того, какое общественное положение занимал убитый, был ли он богат или беден. Таким образом, родовые обычаи и суд биев служил важным идеологическим оружием в руках господствовавших классов.

Межплеменные и феодальные войны были вплоть до присоединения к России повсеместным явлением. Они были тяжелыми и изнурительными для букары, но выгодными для манапов и биев. Характер феодальных набегов приобрела и *барымта*, ранее служившая средством разрешения межплеменных споров или средством

насильственного возмещения ущерба, понесенного тем или иным аилом, иногда своего рода формой обеспечения иска. Уже в XVIII—XIX вв. барымта превратилась в средство захвата скота и пленных (с целью использования их как рабов в домашнем хозяйстве) в интересах феодальной верхушки киргизского общества. С развитием классовых противоречий масштабы и цели этих войн и набегов менялись. Из мелких набегов они превращались в крупные военные столкновения с целью захвата территории, скота и расширения эксплуатации трудовых масс. Крупные манапы стремились обычно ко все большему расширению своей власти над соседними племенами. Вместе с тем в этих войнах феодальная знать видела также форму «разрядки» время от времени обострявшихся классовых противоречий внутри того или иного племени. Эти захватнические феодальные войны, которые велись в интересах феодально-родовой знати и только разоряли букару, преподносились манапами как «общеплеменные» акции. Их инициаторами выступали феодальные группировки, боровшиеся между собой за политическое влияние.

Военное прошлое киргизского народа представляет большой интерес и для истории, и для этнографии. Оно заслуживает особого рассмотрения[9].

Многовековая история киргизского народа заполнена событиями, в той или иной мере связанными с военными действиями, с неослабевавшей борьбой против иноземных завоевателей, посягавших на киргизские земли, на независимое и свободное существование киргизских племен. Можно считать, что вплоть до самого включения современной Киргизии в состав России основным фоном, на котором развертывались важнейшие события политической и общественной жизни киргизов, были войны, набеги и столкновения. Весь строй киргизской народной жизни был пронизан суровой героикой военных походов и состоянием боевой тревоги. Этот суровый военный быт не мог не наложить своего отпечатка на многие стороны материальной культуры, хозяйственный уклад, общественные отношения, народное сознание киргизов.

Достаточно сопоставить приводимое акад. В. В. Бартольдом свидетельство турецкого историка Сейфи (1582 г.) с опубликованными акад. В. В. Радловым его личными наблюдениями, относящимися к началу второй половины XIX в., чтобы видеть, каким определяющим

фактором жизненного уклада киргизов была обстановка непрекращающихся войн. У Сейфи мы находим указание на то, что киргизы «живут на крутых горах, в которых есть проходы. Если какой-нибудь царь поведет на них войско, то они отправляют свои семьи в глубь гор, а сами занимают те проходы, чтобы никто не прошел»[10]. Еще акад. В. В. Радлов имел возможность видеть возле каждой киргизской юрты воткнутую пику. Он отмечает специфические для киргизов формы расселения, связанные с господством патриархально-родовых отношений и необходимостью находиться в состоянии боевой готовности: «Кара-киргизы не живут аилами, а целым родом (племенем) в непрерывном ряде юрт по берегам рек, тянущемся иногда на 20 и более верст. Они поднимаются целым поездом кибиток в горы, где каждый род пользуется отдельным горным пастбищем. Это род кочевья объясняется отчасти местными условиями, отчасти воинственным характером народа. При такой расстановке юрт у кара-киргизов возможна в короткое время подготовка целого войска к нападению или защите»[11].

Дело, разумеется, не в «воинственном характере» киргизов, а в том, что период, который они переживали, был характерен племенной раздробленностью, поддерживавшейся как феодально-племенной знатью, так и кокандскими ханами и маньчжуро-китайскими феодалами, от которых в той или иной степени зависимости находились некоторые киргизские племена. Однако нельзя не видеть в этом «роде кочевья» и проявления сильных еще в то время патриархально-родовых традиций, значительной роли, какую играла тогда родоплеменная организация в жизни киргизов-кочевников, в том числе и во время межплеменных и феодальных войн.

Отмеченные особенности исторического прошлого киргизов нашли яркое воплощение в народном героическом эпосе «Манас».

Рассматривая вопрос об истоках и путях развития военного искусства киргизов в рамках этногенетического процесса, который протекал у киргизов на обширной территории, мы должны прийти к выводу, что, так же как и киргизская культура в целом, военное дело у киргизов является продуктом многовековых связей киргизских племен с народами и государствами Сибири, Центральной и Средней Азии. А. Н. Бернштам указывает, например, что вооружение киргизов несет на себе следы военной техники, существовавшей у усуней и древних

тюрков, с которыми предки киргизов находились в соседстве и близких связях.

Киргизское войско *кол* или *кошуун* (ср. монг. хошун), как это отчетливо рисует эпос, было организовано по принципу племенного ополчения. Об этом же свидетельствуют и позднейшие наблюдения акад. В. В. Радлова, сообщающего, что «по зову манапа все боеспособные мужчины рода обязаны были браться за оружие, чтобы или отразить нападение, или совершить его»[12].

Деление киргизского войска на правое и левое крыло было связано, вероятно, с сохранявшимся до последнего времени делением всех киргизских племен на два крыла: правое — *оң* и левое — *сол*.

Совершенно аналогичное деление войска и народа на два крыла мы находим у монголов еще в эпоху Чингисхана.

У киргизов, как и у некоторых других тюркско-монгольских племен, существовала система формирования войска по десяткам, сотням, тысячам и десяткам тысяч (тюменям), что доказывается как данными эпоса, так и историческими свидетельствами. В одном из эпизодов «Великого похода» (центрального цикла эпоса «Манас») рассказывается о том, как новый главнокомандующий киргизской армии Алмамбет производит распределение войска по указанному выше принципу[13]. Согласно приводимому В. В. Бартольдом рассказу о покорении енисейских киргизов монголами, содержащемуся в «Сокровенной истории монголов», сын Чингисхана Джучи, покорив киргизов, «вернулся к отцу, взяв с собою киргизских темников (начальников отрядов в десять тысяч человек) и тысячников»[14].

В нашем распоряжении отсутствуют достоверные исторические данные о наличии у киргизов отрядов войск, вооруженных каким-либо определенным видом оружия. Однако некоторые косвенные доказательства для такого предположения содержит эпос, а также лексические данные.

В эпическом описании торжественного акта избрания главнокомандующего киргизской армии перед выступлением в поход на Бейджин приводится подробный перечень свиты и военной охраны Манаса. Впереди Манаса расположены 20 стрелков с заряженными ружьями, у которых зажжены фитили, сзади — 20 воинов с луками, направо — 20 воинов с отточенными мечами, налево — 20 воинов, вооруженных боевыми секирами; даль-

ше расположен второй пояс воинов: впереди воины, несущие колчаны, сзади — 40 копьеносцев.

В данном случае речь идет, очевидно, о личной охране военного вождя, предводителя. Но поскольку в самом киргизском языке отложились термины такого порядка, как *жаа тарткыч* — воин, вооруженный луком, лучник, *найзачы* или *найзакер* — воин, вооруженный копьем, копейщик, *балта чабар* — род войска, снабженного боевыми топорами, *кылычкер* — воин, вооруженный саблей, сабельщик, постольку можно допустить, что в составе киргизских войск могли быть отряды с преобладанием того или иного вида оружия, требовавшего особой сноровки, каким был лук, боевой топор типа секиры — *ай балта* и др[15].

Основу киргизского войска составляла легкая конница. А. Н. Бернштам считал, что в связи с появлением в военной технике металлических лат, вызвавших к жизни тяжелый лук и стрелы с наконечниками, способными пробивать эти латы, у киргизов, как и некоторых других кочевников древности, начинают применяться части спешенных воинов, действующие совместно с подвижной конницей. Наличие спешенных частей лучников подтверждает соображение о некоторых видах «специализированных» войск у киргизов.

Выше отмечалось, что этнический состав киргизского народа является довольно сложным. Среди племен, образовавших киргизскую народность, имеются и племена монгольского происхождения, и ряд тюркских племен, вошедших также в состав современных народов Саяно-Алтая и Средней Азии (алтайцев, казахов, узбеков и др.). Сложный этнический состав киргизов не мог не сказаться на их войске. И в этом отношении эпос несомненно отражает близкую к действительности картину. Среди называемых в эпосе племен, принимавших совместное с киргизами участие в военных действиях встречаются племена монгольского происхождения: дёрбён, нойгут (по-видимому, монг. онгут) и др., племя найман, казахские племена аргын, уйшун, некоторые узбекские племена и т. д. Участие этих племен в составе киргизских войск могло быть следствием существования племенных союзов, включавших элементы различного этнического происхождения, но не исключены и временные военно-политические союзы, имевшие целью разрешение тех или иных политических и стратегических задач.

Переходя к социальной стороне военной организации киргизов, как она вырисовывается перед нами по данным фольклора и этнографии, мы должны прежде всего рассмотреть существовавшую систему командования киргизскими войсками, так как она была тесно связана с господствовавшими общественными отношениями. Центральная фигура киргизского общества на протяжении многих веков — военачальник-батыр. Социальное значение этой фигуры менялось в своих оттенках, хотя основа оставалась неизменной.

На более ранних этапах развития военачальник еще не облечен властью вождя племени или рода. Его роль усиливается лишь в периоды военных столкновений и набегов. В мирное же время полнота власти принадлежала родовым старейшинам, которые устанавливали порядок перекочевок, судили и наказывали провинившихся и т. п. Батыр выделяется своими личными качествами, храбростью, воинской доблестью, но власть его в известной степени ограничена старейшиной рода, советом стариков — почетных и знатных лиц.

Последующий этап, когда военачальник начинает занимать все более ведущее положение в общественной жизни, дошел до нас в воспоминаниях стариков. Они приводятся, в частности, в работе очень вдумчивого исследователя А. Соколова, который указывает, что лица, прославившиеся в прошлом как мудрые управители (бий) или как храбрые предводители своих родов (батыр) в войнах и набегах, считаются родоначальниками целых родовых групп. «Около каждого такого батыра, выделившегося по своим качествам между своими сородичами известной группы, находилась, по словам киргизов, его дружина (обычное число кырк джигит), с которой он добывал себе славу: делал набеги, воевал и защищал группировавшихся около него сородичей, число которых находилось в прямой зависимости от его славы и умения управлять своими подчиненными, над которыми он производил суд, распоряжался перекочевками и вообще был главным руководителем во всех важных делах, причем, по заявлению большинства опрошенных мною лиц,— писал А. Соколов,— такой манап-батыр, чтобы укрепить свое влияние над народом, совещался, особенно при судебных делах, с выборными почетными лицами, которые составляли при нем как бы совет»[16]. Таким образом, батыр постепенно узурпировал права родовых старейшин. Последним этапом этого

процесса явилось оформление бийства и манапства, как господствующей верхушки киргизского общества, а с ним и феодальных отношений.

Эпос «Манас» запечатлел в себе переходный этап от первоначального положения военачальника-батыра к тому моменту, когда он становится доминирующей силой в социальной верхушке общества. Нам представляется, что этот переходный этап наиболее близок к тому состоянию общества, которое принято называть военной демократией. Все предводители, начиная с отца Манаса Джакыпа, самого Манаса и кончая сподвижником Манаса Бокмуруном, во всех важных событиях общественной жизни, в особенности перед военными походами, созывают на совет аксакалов, мудрых старцев, старейшин, именитых батыров или дружинников, а иногда и весь народ. Еще не утратило своего значения выборное начало. Самого Манаса, как военачальника, избирают седобородые. Перед выступлением в поход на Бейджин Манас обращается к союзным с ним военачальникам с предложением избрать главнокомандующего. Все они соглашаются с выдвинутой им кандидатурой Бакая.

Но еще сильное демократическое начало постепенно подтачивается нарождающимися новыми отношениями. Об этом свидетельствует ряд назревающих взрывов и противоречий, выливающихся, в частности, в заговор семи ханов против Манаса. На этот социальный конфликт обратил свое внимание К. А. Рахматуллин[17]. Однако, рассматривая этот конфликт как отражение внутригосударственных противоречий, он не усмотрел в нем главного — борьбы старых демократических устоев с элементами новых отношений, олицетворяемых Манасом.

Одной из основных социальных коллизий, отраженных в эпосе, является борьба коллективного начала, еще характерного для последнего этапа первобытнообщинного строя, с новыми общественными отношениями, типичными для эпохи становления феодального уклада, борьба, развертывающаяся на фоне своеобразного военно-демократического строя.

Если говорить о фигуре самого Манаса, то противоречивость его социального облика как бы аккумулирует в себе сложность общественных отношений отражаемой эпосом эпохи. Тем не менее, как бы ни были ощутимы новые тенденции, какими бы властными не представали перед нами предводители и военные вожди, общая

окраска эпоса позволяет говорить о расцвете в более отдаленном прошлом военно-демократического строя у киргизов. Некоторые его пережитки сохранились почти до середины XIX в. На этом фоне и следует рассматривать «командный состав, кадры» киргизского войска. Каждый крупный военный предводитель имел отряд отборного войска в виде дружины *жасак*, состоявшей из 40 витязей *чоро*. Сорок чоро Манаса — его свита, его гвардия. Они являются одновременно и военачальниками, предводителями войск Манаса, большими и малыми. В своем большинстве они представители разных племен, хотя среди них имеются и родственники Манаса, например Бакай и Сыргак — сыновья родных братьев отца Манаса Джакыпа. Дружина Манаса чрезвычайно напоминает монгольских нукеров, тщательно исследованных акад. Б. Я. Владимирцовым[18]. Однако она неоднородна по своему составу. Среди чоро мы находим и Бакая, выступающего в отдельные моменты в качестве предводителя войск, намечающего пути их передвижения, определяющего момент перехода в наступление, и Чубака — предводителя племени нойгут, и Тазбаймата — начальника «десятки». Всех их объединяет преданность Манасу, верность воинскому долгу, идея защиты родного народа. Манас наделил их боевыми конями, богатством, женами.

Характерной чертой Манаса является простота, демократизм в отношениях со своими дружинниками. Совсем другой тип отношения у Манаса с ханами: казахским Кёкчё, кыпчакским Урбю, хотанским Тёштюком, бухарским Музбурчаком и др. Они признают Манаса, но имеют свое собственное войско, обладают определенной независимостью, живут отдельно. Эти знатные сподвижники Манаса скорее напоминают его союзников, чем подчиненных. Не случайно Манас принимает прибывающих к нему перед великим походом на Бейджин ханов с их войсками как гостей, устраивает им пышное угощение, выделяет для их приема и обслуживания своих виднейших чоро. По-видимому, все же это не что иное, как одна из форм вассалитета.

* * *

Добровольное вхождение Киргизии в состав России было крупнейшим поворотным событием в жизни киргизского народа, имевшим огромное прогрессивное значение в его дальнейших судьбах.

В результате присоединения всей Киргизии к России, происшедшего в 50—70-годах XIX в., прекратились межфеодальные войны, сопровождавшиеся вытаптыванием посевов и угоном не только скота, но и людей. Тысячи людей были освобождены из рабского состояния, в котором они находились после взаимных набегов. Киргизский народ избавился от гнета кокандской деспотии и от опасности быть порабощенным одним из соседних отсталых восточных государств.

Наиболее важным последствием присоединения Киргизии к России было закрепление уже существовавших политических и экономических связей киргизского народа с русским, их сближение в пределах одного государства. Это сближение происходило помимо воли и желания царского правительства. В лице русского народа киргизы приобрели своего надежного союзника и друга. После присоединения к России началось втягивание Киргизии в орбиту экономической жизни российского капитализма, превращение ее хозяйства в часть общероссийской экономики. Производительные силы этой отдаленной окраины России начали пробуждаться, получили толчок для своего развития. Стала развиваться торговля, появились оседлые поселения, города, первые улучшенные пути сообщения. Началось освоение больших земельных массивов, завоз породистого скота, сельскохозяйственных машин, развитие ремесленных производств. Появились первые полукустарные промышленные предприятия. В господствовавших до того в киргизском аиле патриархально-феодальных отношениях начали постепенно появляться признаки распада. Более прогрессивные капиталистические отношения стали проникать, хотя и крайне медленно, и в киргизское хозяйство.

В то же время киргизский народ начал испытывать благотворное положительное влияние русской культуры на различные стороны быта, материальной и духовной жизни, влияние революционно-демократических идей передовой части русского общества.

Однако царизм преследовал в Киргизии свои реакционные цели, нашедшие выражение в безжалостной колониальной политике, в превращении этой страны в один из аграрно-сырьевых придатков России. Вся тяжесть колониальной политики царизма, получившего поддержку со стороны баев и манапов, легла на плечи трудовых масс киргизского народа. Царское правитель-

ство изъяло из пользования коренного населения огромные массивы пахотноспособных земель, вытеснив киргизов — скотоводов и земледельцев — в бесплодные горы. С помощью созданного царскими властями аппарата управления, включившего в себя в аилах и волостях баев и манапов, с трудового киргизского населения взималось большое количество налогов, податей и сборов. Попутно с этим существовали и неофициальные поборы, практиковавшиеся местной администрацией и киргизскими феодалами. Кабальная зависимость киргизской бедноты, рядовых скотоводов от баев и манапов не только не уменьшалась, но все более увеличивалась. Трудовые массы киргизов были политически совершенно бесправны и полностью беззащитны перед лицом законов, стоявших всегда на стороне знатных и богатых.

Система царской колониальной администрации была построена на использовании в качестве орудия угнетения местной феодальной знати и баев. При этой системе, открыто защищавшей интересы знатных и богатых, трудовая часть населения, особенно беднота и многочисленный слой батраков, были лишены не только политических, но и самых элементарных человеческих прав. Рассчитывать на защиту и помощь они не могли. Произвол байско-манапской верхушки, безудержная эксплуатация ими трудящихся доходили до крайних пределов. Народные массы были забиты, духовно подавлены, находились в темноте, во власти суеверий и предрассудков.

Но вопреки этой реакционной политике царизма, в борьбе с нею действовали факторы, способствовавшие сближению киргизского и русского народов. Одним из таких факторов явилось организованное царизмом переселение на территорию Киргизии значительной массы русских и украинских крестьян.

Переселяя крестьян из густонаселенных губерний, царское правительство обеспечивало их землей за счет изъятия ее у киргизов. Оно пыталось тем самым ослабить остроту аграрного вопроса в центре России, притупить все более углублявшиеся в русской и украинской деревне противоречия между помещиками, с одной стороны, и безземельным крестьянством — с другой. Таким образом, это переселение крестьян, пережившее ряд этапов, было одним из проявлений колониальной политики царизма.

Вместе с тем появление на территории Киргизии значительной массы русских и украинских крестьян,

носителей старой и неизмеримо более высокой, чем у кочевников, земледельческой культуры, имело большие положительные результаты. Рядом с зимними стойбищами киргизов выросли крестьянские поселения с присущим им укладом вполне оседлой жизни, с более высоким культурным уровнем домашнего и хозяйственного быта. Такое соседство не могло не внести многих перемен в хозяйственную жизнь края, способствуя переходу киргизов к оседлости и к занятию земледелием. Оно сыграло важную историческую роль в приобщении отсталых масс киргизского населения к культуре русского народа.

Проникновение в киргизское хозяйство капиталистических отношений вызывало постепенное ослабление его натуральных основ, рост товарности, приводило к еще большей поляризации классовых сил в киргизском аиле. Это положение убедительно подтверждается данными обследования, проведенного чиновниками Переселенческого управления накануне Октябрьской революции[19].

Для понимания сложности социальной структуры киргизского общества целесообразно рассмотреть эволюцию одного из основных классов этого общества — манапства[20].

Новые моменты, которые принесло в развитие феодализма вхождение Киргизии в состав России, не могли на первых порах резко изменить соотношение классовых сил и подвергнуть ломке господствовавший экономический уклад. Лишь по истечении некоторого времени, когда капиталистические отношения стали проникать в киргизское кочевое хозяйство, начал постепенно складываться новый тип манапа — тип торговца, предпринимателя, капиталиста.

Манапство, признанное русским самодержавным строем как основная фигура киргизской общественности, на которую во всей своей колонизаторской политике он делал ставку, стало претерпевать внутренние изменения, побуждаемое к тому перестройкой экономики, вызванной в свою очередь появлением новых рынков, развитием городских центров, образованием русских и украинских переселенческих сел, интенсивным внедрением товарно-денежных отношений.

Новый тип манапа — манапа-бая, появившийся прежде всего в районах, тяготевших к относительно развитым в экономическом отношении пунктам, вносит в систему феодальных отношений элементы капитали-

стической эксплуатации, создает своеобразную систему угнетения батрачества и бедноты.

Даже в наиболее «родовитых» манапских семьях происходит неизбежный процесс включения в кругооборот капиталистического развития. Так, уже незадолго до империалистической войны, сыновья крупнейшего феодала Северной Киргизии Шабдана Джантаева, пользовавшегося особым покровительством царского правительства за ряд оказанных ему ценных услуг, начинают перестраивать свои хозяйства, развивавшиеся ранее за счет поборов среди населения, в хозяйства предпринимательского типа.

Старший его сын Хисаметдин организует крупное земледельческое хозяйство на площади около 100 га (в том числе 18 га фруктового сада) с большими посевами люцерны, имевшей спрос на местном рынке. Хисаметдин как-то продал изыскательской партии инж. Васильева люцерны на 1700 руб. Кроме бесплатного труда своей букары и использования традиционной формы взаимопомощи (ашар) он широко применял и наемный труд.

Второй сын Шабдана — Мокуш создает высокотоварное коневодческое хозяйство, в его табунах, насчитывавших до 200 голов, преобладали улучшенные породы лошадей.

Третий сын — Кемель заводит большую пасеку (до 300 ульев), продукция которой поступала в продажу. В один из сезонов было отправлено в Ташкент около 11,5 т меда.

Наконец, четвертый сын — Аман представляет собой пионера «промышленного капитализма». У него был собственный кожевенный заводик с производительностью до 300 кож в сезон (работал только летом) и с оборотным капиталом около 3000 руб.

Среди манапов начинают вырастать крупные капиталисты, появляются манапы, занимающиеся ростовщичеством. Из них наиболее известны манап Узбек, крупный скотопромышленник (имел около 80 000 овец — при пересчете всего скота в мелкий), Абдулла Мусин — ростовщик и торговец, имевший несколько крупных магазинов, Туркмен Сарпеков, наживший себе большой капитал торговлей скотом и мануфактурой и ростовщическими операциями.

Социальное лицо манапства в колониальный период характеризуется прежде всего тем, что оно явилось ос-

новным резервуаром для создания всех звеньев туземной администрации. Волостные управители, *элликбаши* (пятидесятники), аульные старшины, бии (народные судьи) вербовались либо из манапов, либо из их ставленников. Таким образом, узаконивалась неограниченная власть манапов над букарой. Ни одно из более или менее крупных явлений общественной жизни аила, будь то организация празднества, устройство тризны *(аш)*, женитьба, развод, уплата калыма, судебная тяжба, перечисление из волости в волость, выборы волостного управителя, бия и т. п., не обходились без активного участия манапов.

Медленное течение общественной жизни в старом киргизском аиле, заполненной у широких масс населения трудом, тревогами и заботами о завтрашнем дне, существенно нарушалось только такими событиями, которые отвечали интересам правящей верхушки, доставляли ей те или иные выгоды. Однако в киргизском быту имели место и такие формы общественного времяпровождения, которые удовлетворяли естественные потребности народных масс в широком общении, скрашивали их однообразное и трудное в условиях жестокого колониального гнета и байской эксплуатации существование.

Несмотря на то что степень религиозности киргизского населения была невысокой, годовые религиозные мусульманские праздники отмечались в той или иной мере всеми семьями, и им придавался общественный характер. Ежегодно праздновалось окончание религиозного поста, продолжавшегося в течение месяца,— *орозо айт,* соблюдался и праздник жертвоприношения *курман айт.* Последний сопровождался хождением друг к другу в гости и взаимными угощениями. Для малоимущих слоев населения этот праздник носил обременительный характер, так как обычай требовал, чтобы было зарезано какое-либо животное. Нередко в дни праздника устраивались спортивные состязания (скачки, борьба на конях и др.), которые привлекали большое количество зрителей.

Обязательно отмечался также праздник Нового года, который приходился на конец февраля или начало марта и носил на Иссык-Куле название *орус дама* (от персидского слова «науруз») — день Нового года). Этот праздник не имел религиозного характера, хотя и является по своему происхождению своеобразным сочета-

нием некоторых религиозных представлений с народными традициями. Основное его содержание тесно связано с идеей оживления природы в связи с наступлением весны. Во время праздника обязательно варили кашу из пшеницы, талкана, творога и т. п. — из семи видов продуктов (*көжө*) и приглашали в гости соседей и родственников, произносили благопожелания. Нередко собирались жители аила, разжигали костер, через который прыгали дети и молодежь. Дымом горящей ветви можжевельника окуривали юрты, скот, присутствовавших. Этот праздник продолжали еще отмечать на Иссык-Куле в течение некоторого времени после Октябрьской революции, а затем он потерял всякое значение.

Как бы продолжением этого праздника являлся выход скотоводов на весенние пастбища после длительного пребывания на зимних стойбищах. Он превращался в большое и радостное общественное событие. В первую весеннюю кочевку люди надевали самые лучшие одежды, украшали животных, делали нарядными вьюки.

Если зимнюю малоподвижность и скуку разнообразили устраивавшиеся в аилах традиционные поочередные сборища для угощения бузой (*жоро бозо*), то летнее времяпровождение оживляли коллективные угощения мясом, носившие название *шерне*. Встреча компании для очередного угощения являлась поводом, для того чтобы повидать друзей, обменяться новостями, послушать певца или музыканта, поговорить о насущных делах. В силу существовавших социально-экономических условий общественные интересы участников этих сборищ (ими были исключительно мужчины) были узкими, носили ограниченный характер, чаще всего не выходили за рамки своей семейно-родственной группы, аила или аильной общины.

Однако такие события, как свадьба или тризна по умершему, особенно если это был знатный человек, носили обычно широкий общественный характер, привлекая большое количество участников не только из разных аилов, но иногда и из разных волостей. Эти события непременно сопровождались угощениями, играми или спортивными состязаниями и другими массовыми развлечениями. Устроители крупных пиров и торжеств — баи и манапы — в большинстве случаев извлекали из них большую материальную выгоду, так как отправлявшиеся на эти торжества обязаны были по обычаю преподнести устроителю какой-либо подарок

кошумча. Эти события служили в дальнейшем пищей для толков и обсуждений в течение недель и даже месяцев, особенно если в торжествах участвовали знаменитые борцы, певцы и акыны, сказители былинного эпоса, известные скакуны. Приезд популярного акына или сказителя в аил сам по себе превращался в общественное событие. Послушать его собирались обычно все жители аила, если этому не препятствовал кто-нибудь из местных баев или манапов.

Местом, где время от времени происходило общение жителей, преимущественно мужчин, из разных аилов и волостей, служил базар. Наиболее крупными пунктами базарной торговли Северной Киргизии были города Пишпек, Токмак, Пржевальск; на базар стремились попасть скотоводы и земледельцы из ближайших к городам волостей. Сюда ехали не только для того, чтобы что-нибудь продать или купить, но и просто повидать знакомых, друзей. Услышанное и увиденное на базаре тоже становилось предметом оживленных разговоров в аиле.

Поездки к священным местам *(мазар)*, предпринимавшиеся по случаю болезни, бездетности или стихийных бедствий, разборы судебных дел местными судьями (биями) и другие события в какой-то мере также отвлекали от привычной и однообразной жизни, не способствуя, однако, общественному развитию.

* * *

Хотя у киргизов, как и у других народов Средней Азии и Казахстана, господствовали феодальный строй и патриархально-феодальные отношения, это не исключало наличия элементов других общественно-экономических укладов. К ним можно отнести находившийся в стадии распада патриархально-общинный уклад и нарождавшийся, местами получавший все большее развитие капиталистический уклад.

Положение о сохранении у кочевников Средней Азии и Казахстана патриархального уклада как составной части патриархально-феодальных отношений было впервые выдвинуто автором в 1949 г.[21] Оно было широко аргументировано в появившейся несколько позднее работе[22]. Впоследствии это положение поддержал и развил применительно к оседлому населению бывш. Бухарского ханства Н. А. Кисляков[23]. В дальнейшем

эта проблема подверглась дополнительной разработке; доклад автора был представлен на VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук[24]. В обоснование своего тезиса о существовании у народов Средней Азии и Казахстана патриархально-общинного уклада автор положил теоретические выводы В. И. Ленина о многоукладности общественно-экономического строя Советской России, которая сохранялась в течение некоторого времени после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Характеризуя общественно-экономические уклады в России, В. И. Ленин первым из них назвал «патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство»[25]. Развивая эту мысль, он писал: «...патриархальное хозяйство, это когда крестьянское хозяйство работает только на себя или если находится в состоянии кочевом или полукочевом»[26]. Наконец, обращаясь еще раз к этой же теме, В. И. Ленин говорил о таком «элементе хозяйственного строя», как «патриархальная, т. е. наиболее примитивная, форма сельского хозяйства»[27]. Понятие «патриархальщины», патриархального уклада, которое содержится в работах В. И. Ленина[28], может быть отнесено и к патриархально-общинному укладу у народов Средней Азии и Казахстана. Различные его проявления были рассмотрены в исследованиях советских ученых[29].

В докапиталистических общественно-экономических формациях патриархальный уклад представляет собой не только известную сумму пережиточных явлений, сохранившихся от пройденных этапов общественного развития, но является вместе с тем и органической частью данной общественной структуры. Подчиняясь общим законам развития данной формации, тесно переплетаясь и сосуществуя с господствующей системой общественных отношений, патриархально-общинный уклад в то же время располагает как бы собственными «движущими силами», находящимися в зависимости от уровня социально-экономического развития, исторических, географических и иных условий.

Он проявлялся частично в области экономики, затрагивал значительную часть общественных отношений, охватывал в той или иной степени все стороны быта, находил свое отражение и в идеологии. У народов Средней Азии и Казахстана в дореволюционном прошлом патриархально-общинный уклад был весьма существен-

ным слагаемым в системе патриархально-феодальных отношений. Он имел устойчивые формы патриархально-родового быта, обнаруживая наибольшую жизнеспособность у тех народов, для которых был характерен кочевой или полукочевой образ жизни (казахи, киргизы, туркмены, каракалпаки, полукочевые узбеки), но был свойствен и оседлым жителям, особенно отчетливо выступая у горных таджиков и припамирских народностей.

Однако патриархально-общинный быт у названных народов был далек от патриархально-родового строя как социально-исторического явления, находящегося в рамках первобытного общества. Он был теснейшим образом связан с отношениями господства и подчинения, с классовыми противоречиями.

Если патриархальные установления, нормы, обычаи и традиции пронизывали едва ли не все стороны социально-экономической и семейной жизни, то в свою очередь и классовые отношения проникали во все поры патриархального уклада, приспосабливая, видоизменяя и используя присущие ему отношения и воззрения в интересах господствовавшей феодальной верхушки.

У народов Средней Азии и Казахстана патриархально-общинный уклад выступал в виде остатков родоплеменной организации с присущими ей традициями и связями, пережиточно сохранявшейся сельской или соседской общины у оседлого и полуоседлого населения, пастбищно-кочевой аульной общины у кочевников, цеховой организации ремесла и квартальной общины у населения позднефеодальных городов, а также в виде существовавших у отдельных народов патриархальных семейных общин и их дериватов: семейно-родственных групп и больших неразделенных семей.

Наиболее существенной чертой патриархально-общинного уклада в сельских местностях было преобладание, а местами и господство, натурального хозяйства. Во многих сельских, аульных и семейных общинах земледелие (или скотоводство), было соединено с домашними промыслами и отчасти с ремеслами, продукция которых удовлетворяла основные нужды в предметах потребления. Названные типы общин отличались замкнутостью, изолированностью, консерватизмом общественного быта. Несмотря на сохранение в патриархально-общинном укладе отдельных положительных традиций первобытного коллективизма, в целом он уже

давно не играл прогрессивной роли, тормозил вызревание капиталистических отношений, задерживал процесс общественного развития, способствовал затушевыванию имущественного неравенства и классового антагонизма, усиливал и без того глубокую отсталость местного населения, унаследованную от средневековья.

* * *

Рассмотрение некоторых черт родоплеменной организации у киргизов и других в прошлом кочевых и полукочевых народов Средней Азии следует начать с общей характеристики этой организации, какой она была в XIX — начале XX в.[30]

Тип родоплеменной структуры не только не был одинаковым у названных народов (и казахов), но и не являлся общим даже для одного народа, поскольку развитие кочевых обществ в различных районах их расселения было неравномерным и обусловливалось многими социально-экономическими и политическими факторами. На территории, освоенной казахами, туркменами, киргизами и каракалпаками, встречалось в прошлом множество различных форм общественной организации, начиная от чисто кочевых общин, носящих еще внешние признаки родовых, хотя их классовая природа более чем очевидна (таковы некоторые группы так называемых вечных кочевников Младшего жуза казахов) и кончая уже типичными соседскими общинами земледельцев (группы казахов в долине Сырдарьи, киргизов в Ферганской долине и т. п.). Между этими крайними формами существовало много переходных. Достаточно, например, познакомиться с «Материалами» Переселенческого управления, касающимися различных областей и уездов Казахстана и Киргизии, чтобы увидеть крайнюю пестроту множества вариантов и градаций форм родоплеменной структуры, сведение которых к определенным закономерным рядам потребовало бы специальной работы.

В отношении казахов и киргизов показания источников, относящихся к последним столетиям, свидетельствуют о сильном разрушении самой сущности родоплеменной структуры, о сохранении главным образом лишь надстроечного порядка. Можно весьма условно говорить об остатках племенных группировок — племен и их конфедераций. Устойчивых признаков для этих общно-

стей нет, и если эти общности выступали в истории под определенными именами и на определенной территории, то они представляли собой не что иное, как **политические группировки**, возглавляемые ханами, султанами, биями, манапами и связанной с ними вассальными отношениями феодальной верхушкой и лишь маскируемые оболочкой генеалогического родства (хотя с этой оболочкой и с этим родством была спаяна целая система патриархально-родовых отношений, имевших еще реальное значение в повседневной жизни кочевников).

Такими же социально политическими объединениями были и более дробные составные части этих крупных группировок, выступавшие в форме определенных звеньев многоступенчатой генеалогической структуры.

Несмотря на ошибочность ряда положений, выдвинутых Н. А. Аристовым и его трудах[31], нельзя не признать того, что он очень близко подошел к правильному пониманию **существа** родоплеменной структуры у казахов и киргизов. Развивая точку зрения Н. А. Аристова, а также Г. С. Загряжского[32], А. Соколов высказал некоторые ценные общие соображения о путях образования различных звеньев родоплеменной структуры. Он писал, что исторически современные родовые группировки являются не кровнородственными союзами, а сообществами, возникшими на основе общих хозяйственных (мы добавим — и политических) интересов. Они по его словам, образовались в «героические времена» из общественно-политических групп, в которых ядро состояло из нескольких родственных семей во главе с умным и талантливым руководителем, около которого и концентрировался более или менее значительный круг подчинившихся ему других разнородных групп, объединенных общим стремлением к взаимной защите. «Когда пропадала эта спайка,— указывает А. Соколов,— род распадался на части и вступал в союз или сливался с другими общественно-политическими организациями»[33]. Руководителями таких «сообществ» были обычно представители господствующего класса, а группировки вокруг них правильнее объяснить не столько наличием у них тех или иных качеств, сколько общественно-экономическими причинами.

Иное положение мы могли наблюдать в туркменском обществе. В нем племенной строй сохранялся в XIX столетии в достаточно отчетливых формах, он более

глубоко влиял на различные стороны экономической и общественной жизни, чем у казахов и киргизов. Это было обусловлено специфическими историческими условиями, в которых развивалось туркменское общество. Этнически и политически туркменские племена могли сохраниться в конкретной обстановке позднего средневековья только с помощью хорошо налаженной военной организации, для которой племенная структура оказалась наиболее приспособленной формой. Возражение Ю. Э. Брегеля[34] по поводу этого утверждения по существу снимает вопрос о специфике социальной организации у туркмен, поскольку устойчивость родоплеменного строя у туркмен он обосновывает хозяйственной необходимостью. Этот фактор имел, несомненно, важнейшее значение, но он действовал одинаково у всех кочевых народов, а не только у туркмен.

Промежуточное положение между туркменским обществом, с одной стороны, и казахским и киргизским обществами — с другой, занимало каракалпакское общество, стоявшее тем не менее по своим экономическим особенностям (преобладание полуоседлого и оседлого земледельческого быта) ближе к значительной части туркменских племен. Однако и у туркмен, и у каракалпаков наличествуют те же черты, которые характерны для родоплеменной организации казахов и киргизов: генеалогическая связь племен и племенных подразделений, ярко выраженный политический характер племенных группировок, крайне пестрый родовой состав некоторых племен и т. п.

Родоплеменная организация у киргизов сохранялась в виде отчетливо выраженного деления на племена и роды. Как и у других народов Средней Азии, это деление уже давно не соответствовало кровнородственной структуре первобытного общества. Возглавлявшиеся манапами и биями большего или меньшего размера группировки были облечены в старую форму племен и родов, связанных друг с другом реальным или легендарным генеалогическим родством, как звенья единой родоплеменной структуры.

Родоплеменное деление и обусловленные им представления и обычаи играли большую роль в сохранении косности, отсталости общественной жизни и семейно-бытового уклада киргизского населения. Феодальная верхушка была кровно заинтересована в поддержании родоплеменных традиций и умело использовала деление

на племена и роды в качестве орудия угнетания народа. Она способствовала распространению генеалогических преданий, в которых утверждались древность отдельных племен и родов и заслуги их родоначальников.

Существовавшие у киргизов племенные и родовые группировки не были однородными по составу, они включали остатки и осколки других племен и родов и даже целые иноплеменные группы. Принципом, который объединял эти социальные и этнические образования, были уже не кровнородственные связи, а общность территориально-хозяйственных и общественно-политических интересов. Решающее влияние на эти интересы оказывали манапы, стоявшие во главе каждого племени, а нередко и рода.

В целом родоплеменная структура у киргизов, как и у других народов, находилась в стадии распада. Она уже не представляла собой реальной общественной структуры. Условность применявшихся еще понятий «племя», «род» была вполне очевидной.

Признавая, что род и племя как формы социально-экономической организации кочевников уже давно утратили свое значение, превратившись в надстроечное явление, следует, однако, внимательно проанализировать реальные отношения, складывавшиеся в среде кочевников, и выяснить, не сохранилось ли таких остаточных форм родоплеменной организации, которые по тем или иным причинам продолжали бы существовать, хотя и в видоизмененном состоянии.

Имеющиеся материалы свидетельствуют, что действительно сохранились некоторые формы объединения кочевников, в основе которых лежали принципы известной общности экономической жизни, тесно переплетавшейся с разными степенями кровнородственных отношений. К ним относились наиболее мелкие родовые подразделения.

Они выступали уже не только в качестве внешней формы, или «оболочки», но и как комплекс живых и активно действовавших явлений патриархально-родового быта. Эти социальные ячейки, «низшие» клеточки общества, были одновременно и остаточной, «живой» формой родоплеменной организации, и своеобразным пережитком патриархальных семейных общин.

Некоторые исследователи делали попытки отрицать существование патриархальной семьи у кочевников в период развития феодальных отношений. Изыскания,

проведенные в этом направлении[35], привели к выводу, что патриархальная семья в кочевых обществах была вполне закономерным явлением. У кочевых народов Средней Азии и казахов такие семьи, весьма близко напоминавшие патриархальные семейные общины у других народов, в пережиточной форме еще продолжали местами сохраняться до начала XX в., хотя в своем подавляющем большинстве патриархальные большесемейные общины уже успели распасться, уступив место малым, индивидуальным семьям. Процесс распада таких общин начался, по-видимому, уже очень давно. Патриархальные семьи, претерпев в связи с непрерывным усилением экономической дифференциации и ростом частнособственнических начал глубокие преобразования, не превратились, однако, в группы до конца обособленных в хозяйственном и социальном отношении, хотя и родственных, семей. На смену старой патриархальной семье или группе патриархальных семей пришла новая форма организации, возникла новая общность: семейно-родственные группы. Эта новая общность, размеры которой были различны, при прочно установившейся индивидуальной собственности на скот, на пахотные (а часто и на сенокосные) угодья, сохраняла в действии принцип коллективного пользования пастбищами с элементами коллективной организации выпаса скота. Но во многих таких общностях весьма важным цементирующим началом являлось объединение группы вокруг одной или нескольких богатых семей, использовавших различные формы зависимости для эксплуатации своих родственников разных степеней родства.

Мы исходим из того, что основной экономической единицей в условиях патриархально-родового строя и на самом раннем этапе развития феодализма являлась большая патриархальная семья, позднее — малая, индивидуальная семья, продолжавшая, однако, сохранять много черт своей предшественницы. Но наряду с малой семьей появилось более широкое социальное объединение, имевшее определенные признаки экономического, а в большинстве случаев и территориального единства, в поддержании которого немаловажное значение имели продолжавшие сохраняться отношения родства. В подавляющем большинстве эти объединения представляли собой семейно-родственные группы, состоявшие из семей, находившихся в той или иной степени родства и

связанных сознанием происхождения от одного, как правило, не столь отдаленного реального предка. Не случайно каждая такая группа называла себя «детьми одного отца». Нельзя думать, что речь шла действительно о родных братьях, имевших общего отца. Здесь термин «ата» следует понимать в значении ближайшего предка. Это мог быть и дед, и прадед, а иногда даже и прапрадед. Таким образом, эта группа включила в себя некоторое число семей разных поколений, главы которых являлись прямыми потомками определенного лица — «отца», считавшегося их общим предком.

Совершенно очевидно, что если в недавнем прошлом такая группа объединяла в большинстве случаев малые, индивидуальные семьи, то в более отдаленном прошлом по такому же принципу объединялись родственные большие патриархальные семьи. Однако у нас нет пока данных судить о том, было ли образование таких групп следствием сегментации больших семей, как это установил для некоторых народов М. О. Косвен[36]. Хотя наши сведения пока и недостаточны, но они говорят о возможности более простого процесса деления, в основе которого лежало «почкование» больших семей путем выделения из них семей малых, которые, словно почки, в свою очередь могли давать начало новым большим патриархальным семьям. Такая группа родственных семей весьма напоминает описанную М. О. Косвеном «патронимию»[37]. Но понятие «патронимии» не дает вполне отчетливых границ того круга родственников, которые объединяются этой группой. Это понятие носит несколько расплывчатый характер (группа больше семьи и меньше рода). Возникает необходимость в установлении более отчетливого определения действительно реально существовавшей группы родственников, ведших свое происхождение по мужской линии от общего для нее предка. Это была группа живых потомков одного лица, иногда даже территориально разобщенных, но связанных определенными степенями родственных отношений, имевших некоторые общие права и обязанности. Это всегда были «дети одного отца», строго определенная группа взаимно соотносившихся родственных семей. Они жили обычно поблизости друг от друга на зимнем стойбище и значительную часть года кочевали одним аилом на сезонных пастбищах.

В существовавших у различных народов Средней Азии и у казахов семейно-родственных группах можно

усмотреть не только последующий этап развития семейных связей, вызванный распадом патриархальных семейных общин древнего типа, но и реальную форму патриархально-общинного уклада у этих народов. Между входившими в состав этих групп семьями продолжали сохраняться тесные хозяйственные, бытовые и идеологические связи.

По сообщению Г. П. Васильевой, наиболее мелкие подразделения рода туркмен-нохурцев, называвшиеся «гарындаш», т. е. единоутробные, носили имя живущего или покойного предка; при выходе на летовки члены такой группы ставили свои кибитки рядом, обособленно от других таких же групп. Перед женитьбой сына отец собирал раньше своих родственников — членов гарындаш и советовался с ними по поводу выбора невесты. Если у жениха не хватало средств, члены группы помогали ему выплачивать калым[38]. По сведениям Г. И. Карпова, такие группы у туркмен назывались «бир ата», т. е. один отец (предок)[39].

Ценная сводка сведений о кочевых общинах у туркмен имеется у Ю. Э. Брегеля[40]. По его мнению, которое можно полностью поддержать, «и в больших кочевых аулах основной хозяйственной единицей оставалась группа из нескольких хозяйств, совместно кочевавших на весенних и зимних пастбищах, а на яйлагах (летовках) располагавшихся всегда несколько обособленно от других таких же групп. Эту группу составляли кровные родственники»[41]. И далее: «Степень родственных связей, соединявших членов такой кочевой общины (оба), могла быть различной; это были либо члены одной большой патриархальной семьи, жившие в нескольких юртах, либо несколько связанных кровным родством малых семей»[42]. Ю. Э. Брегель приходит к важному выводу: «Большинство кочевых общин (оба) у туркмен, видимо, состояло из нескольких малых семей, связанных родством по отцовской линии и имевших одного общего предка — большей частью не очень отдаленного»[43].

У каракалпаков, по данным Т. А. Жданко[44], малейшим родовым подразделением являлись «коше» — группы кровных родственников. По этим группам производился раздел земли. Т. А. Жданко справедливо видит в коше позднюю форму патриархальной семейной общины, продукт ее разложения. Любопытно, что количество членов коше исчисляется по числу «шангра-

ков», т. е. дымопроходов в юрте («шанграк» аналогичен кирг. тюндюк,) или «дымов».

В 1956 г. под руководством Т. А. Жданко было проведено подробное обследование одной из таких родственных групп (коше), носившей название Жекенсал и причислявшей себя в прошлом к роду кенгтанау племени мюйтен (Муйнакский р-н Кара-Калпакской АССР). Эта группа состояла из 10 семей и включала в себя пять поколений близких кровных родственников по мужской линии (всего 44 человека). Были выявлены характерные особенности коше: тесное соседство усадеб членов группы; совместный выпас скота; подчинение в вопросах производственной жизни кошебию (главе группы), который назначал сроки проведения всех хозяйственных работ, выездов на рыбную ловлю, распределял налоги и распоряжался всей жизнью коше; с ним советовались и в делах хозяйственных, и в семейно-бытовых[45]. Изученный Каракалпакским этнографическим отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в следующем, 1957 г., аул Елибай (Кегейлинский р-н) также оказался типичным поселением каракалпакского коше, состоявшего из 12 семей, связанных довольно близким родством, и лишь одной пришлой семьи[46].

Вызывает большой интерес сам термин «коше», применявшийся каракалпаками для обозначения семейно-родственных групп. По-видимому, наиболее близки по семантике к этому термину слова, которые приводит В.В. Радлов: «коч» — жена, семья (из джагатайского книжного языка), «кош» — семья, двор (Mad. W)[47]. В том же значении (семья) приводит слово «кос» С. Е. Малов, ссылаясь на «Историю пророков» Рабгузия (сочинение XIV в.)[48]. Такое толкование термина «коше» с еще большим основанием позволяет видеть в этих семейно-родственных группах последнюю стадию большесемейной организации.

Весьма ценный материал для характеристики таких семейно-родственных групп у казахов дает В. А. Соколовский. Им были обследованы несколько тысяч мелких населенных пунктов, так называемых аулов-кстау. Оказалось, что аул-кстау, как правило, состоял из группы тесно связанных между собой по происхождению родственных семей. В состав подробно описанной В. А. Соколовским группы семей, называвших себя общим именем толес, входило десять семей потомков

Толеса в третьем и четвертом поколениях. Главы этих семей являлись троюродными и четвероюродными братьями, в трех таких семьях проживали неразделившиеся женатые родные братья. Входившие в такую группу семьи не только проживали на одном зимнем стойбище, но и вместе кочевали. Более крупные поселения у казахов возникали путем объединения в одном пункте нескольких таких аулов-кстау. Жители одного аула-кстау по отношению к жителям другого аула-кстау являлись в таких случаях дальними родственниками. Аулы-кстау сохраняли при этом свою прежнюю обособленность[49].

Несмотря на противоречивые взгляды автора, а также на содержащиеся в работе серьезные ошибки, вскрытая В. А. Соколовским структура мельчайших родственных объединений дает возможность судить о содержании патриархально-феодальных отношений, существовавших в недавнем прошлом у казахов, об устойчивом сохранении у них патриархально-общинных порядков.

Группы семей близких родственников казахи называли «ата баласы», т. е. дети (общего) отца, предка.

В свете рассматриваемых нами вопросов вызывают большой интерес опубликованные недавно данные об аальной (аульной) общине у тувинцев[50].

Как сообщает Л. П. Потапов, тувинцев исследованных им районов Западной Тувы кочевали раньше небольшими аалами, состоявшими из нескольких юрт-семей, обычно в пределах десятка, иногда и больше. Каждый аал представлял собой небольшую общину, объединявшую, как правило, группу близких родственников («торель») и свойственников самых различных категорий. Особенность этих групп-общин состояла в том, что входившие в них семьи были связаны не только родством и свойством, но обязательно общностью земельных пастбищ-угодий, которыми они совместно пользовались, общностью некоторых хозяйственных интересов и видов совместной работы. Жители аала не только вместе кочевали, но нередко вместе пасли свой скот, хотя он и находился в частной собственности отдельных семей. Аал часто строил совместно один общий большой деревянный загон «кажаа» для овец и коз (ср. кирг. *кашаа* — загон для крупного рогатого скота или овец; обнесенный частоколом или плетнем[51]). Совместный труд жителей одного аала распространял-

ся и на заготовку сена, и на обработку пашни, уборку урожая, охоту, стрижку овец, изготовление войлока и т. п. Аальная община Южной Тувы (она называлась «хот») отличалась существенными особенностями. Автор описывает хозяйственную жизнь аальной общины, ряд производственных процессов, в которых вместе или индивидуально участвовали жители аала, остатки общинного распределения продуктов скотоводства и охоты, некоторые обычаи и элементы общего для аала культа.

Приведенные Л. П. Потаповым материалы свидетельствуют о том, что по своей структуре и общим принципам организации хозяйственной жизни и быта тувинская аальная община была аналогична семейно-родственным группам у кочевых и полукочевых в прошлом народов Средней Азии. Они в такой же степени, как и тувинский аал, могут рассматриваться как небольшие общины. Их отличие от тувинской аальной общины заключалось в том, что в большинстве случаев не имели характера вполне самостоятельных кочевых общин, а являлись частью несколько более широких кочевых объединений. Поэтому их можно считать (в хозяйственном смысле) скорее кочевыми группами, входившими в состав пастбищно-кочевой общины. Но по своей внутренней структуре это были, конечно, однотипные с тувинской общиной объединения. Имелись и некоторые другие черты различий между тувинской аальной общиной и, скажем, киргизской семейно-родственной группой. В последнюю, как правило, свойственники не входили. Имя киргизской семейно-родственной группе давал не один из старших по возрасту мужчин (или женщин), живущих в аиле, а уже покойный мужской предок (дед, прадед и т. д.) Название группы могло измениться только в результате ее численного роста и передвижки в счете поколоний, т. е. иначе, чем у тувинцев.

Л. П. Потапов полностью поддержал в своем исследовании соображения, высказывавшиеся ранее автором данной работы о семейно-родственной группе, как звене социальной организации кочевников, о той важной роли, которую она играла в консервации многообразных явлений патриархально-общинного уклада: «По отношению к более мелким «родовым» подразделениям», а именно — семейно-родственным группам... эта родоплеменная организация выступала уже не только в качестве «оболочки», но представляла собою ком-

плекс живых и активно действовавших явлений патриархально-родового быта. В этих мелких «родовых» подразделениях кровнородственные связи и патриархально-родовые традиции тесно переплетались и уживались (отнюдь не всегда мирно) с классовыми противоречиями и развитыми формами эксплуатации. Последние являлись «сердцевиной», стержнем жизни этих мельчайших общественных ячеек. Господствующие классы пытались приспособить к ним все проявления родовой солидарности, родовые обычаи и порядки и соответственно часто видоизменяли их формы и даже содержание, не будучи в состоянии их уничтожить. В этих клеточках общества названные патриархальные связи и традиции продолжали действовать, не заменившись вполне отношениями соседскими, территориальными. Именно в этих семейно-родственных группах «низших» клеточках общества, и были наиболее реальными полупатриархальные-полуфеодальные отношения, причем как те, так и другие олицетворяли собой характеризованные выше два общественных уклада (патриархально-родовой и феодальный,— С. А.)». И несколько ниже: «Во многих таких общностях (имеются в виду семейно-родственные группы,— С. А.) весьма важным цементирующим началом являлось объединение группы семей вокруг одного или нескольких богатых хозяйств, использовавших различные формы зависимости для эксплуатации своих родственников разных степеней родства»[52].

В 1958 г. мне довелось касаться этого же вопроса: «В периоды сезонного кочевания для выпаса скота, а также в периоды военных набегов, отдельные члены таких общин могли на время отлучаться, но это не меняло существа самой общины, которая была не только формой семейной организации, но и простейшим производственным объединением, подлинной хозяйственной единицей общества. Это была форма организации скотоводческого хозяйства, малодоступная в силу ряда причин для отдельной индивидуальной семьи. Длительное бытование семейной общины, отчасти в пережиточной форме больших неразделенных семей, являлось в известной мере экономически более оправданным, чем существование малой семьи. В сохранении большесемейной общины как семейно-трудового объединения была на каком-то этапе заинтересована и малообеспеченная часть скотоводов».

Заключая работу на эту тему, я писал: «Без ясного представления о структуре, особенностях и путях развития и трансформации патриархальной семейной общины трудно понять общину соседского типа, возникшую у скотоводческих кочевых и полукочевых народов Средней Азии. Соседская община, на наш взгляд, могла возникнуть не на развалинах большесемейных общин, а путем постепенного и очень медленного преобразования последних, путем приспособления этих семейных общин к новым общественно-экономическим условиям. Приспособление семейных общин было облегчено той своеобразной формой, которую они приобретали в процессе своего собственного разложения»[53].

Приступая к исследованию тувинской аальной общины, Л. П. Потапов указывал: «Специфика феодальных отношений у тувинцев, как и у ряда других скотоводческих народностей, заключалась в том, что феодальные отношения у них тесно переплетались с патриархально-родовыми, общинными отношениями и нередко выступали в патриархальных формах; поэтому они и получили наименование в нашей литературе полупатриархальных-полуфеодальных или патриархально-феодальных отношений... Патриархально-феодальные отношения у кочевников-скотоводов объясняют обычно наличием у них остатков или пережитков дофеодальных, патриархально-родовых отношений, не исследуя при этом причин их живучести. Вот почему я поставил одной из задач полевой работы Тувинской комплексной экспедиции изучение общинных отношений у тувинцев, насколько это еще возможно сделать в настоящее время на основании опроса старшего поколения тувинцев.

В этой связи пришлось обратить внимание на существование у тувинцев совсем еще недавно аальной (аульной) общины. По моему глубокому убеждению, она являлась носительницей патриархальных отношений и была необходимой питательной средой, поддерживающей существование различных патриархальных пережитков. Само собой разумеется, что факт существования у тувинцев аальной общины объясняется низким уровнем производительных сил. При том отсталом, существовавшем на протяжении многих веков способе хозяйства, сложившемся еще в недрах первобытнообщинного строя, простейшая форма кооперации кочевников-скотоводов, в виде аальной общины, являлась для них экономической необходимостью. Аальная об-

щина тувинцев приспособилась к новым, т. е. классовым, феодальным, отношениям и продолжала существовать в иных социальных условиях, оказывая влияние на характер общественных отношений в Туве в целом».

Касаясь социальной структуры аальных общин, Л. П. Потапов замечает: «... в тувинских небольших аалах были как богачи, так и бедняки. Некоторые тувинские аалы по существу уже не являлись аальной общиной, а представляли собой кочевое поселение богача, включающее в себя, кроме его семьи, еще и зависимых от него бедных родственников, и свойственников, работающих на него бесплатно, эксплуатируемых им под видом родственной помощи и т. п.

Однако было немало и таких аалов, жители которых в экономическом отношении не очень-то отличались друг от друга. Хотя и такой аал непременно находился в зависимости от того или иного феодала или бая, платил различные феодальные налоги, нес натуральные повинности, подвергался жестокой эксплуатации, но внутри его еще сохранились старинные общинные порядки»[54].

Введенные в науку Л. П. Потаповым новые данные об аальной общине представляют большую ценность. Л. П. Потапов совершенно прав, считая, что эти данные «могут принести существенную пользу при исследовании общественного строя и у других народностей, главным видом хозяйства которых было кочевое пастбищное скотоводство».

Перейдем к изложению сведений, относящихся к киргизам. Данные литературных источников, а также полевые этнографические записи содержат материал по семейно-родственным группам, существовавшим у киргизов. Эти группы носят у них название *бир атанын балдары,* т. е.дети одного отца. Они представляют собой потомков общего предка, чаще всего в третьем, четвертом, редко во втором или пятом поколениях.

Имеющиеся источники дают следующие показания о численном составе таких групп. В Нарынском р-не Киргизии (по административному делению 1927 г.) из общего количества 762 кочевых групп (мы рассматриваем их в подавляющем большинстве и как родственные группы) около 25% групп состояло из 2—5 семей, 37% из 6—9 семей и 27% из 10—15 семей[55]. Весьма близкие данные имеются по Западному Казахстану: большинство «пастушеских аулов» (из общего коли-

чества 21) состояло из 5—10 семей (12 аулов) и 11—15 семей (4 аула)[56]. По нашим данным, большинство таких групп насчитывало от 5 до 15 семей близких родственников в каждой.

Нам удалось описать такую группу потомков Байкозу. В состав этой группы входили: один сын Байкозу — Молтой (70 лет), пять внуков Байкозу и шесть его правнуков — все женатые. Семьи потомков Байкозу проживали недалеко друг от друга в одном небольшом селении Чон-Таалга и состояли вместе с другими жителями этого селения в одной бригаде колхоза «Кызыл Октябрь» Джумгальского р-на (Тянь-Шань).

В прошлом, при полукочевом образе жизни, родственные семьи, входившие в эту группу, жили и кочевали одним аилом или несколькими аилами, поблизости один от другого. Зимой все родственные семьи нанимали постоянного пастуха для овец или лошадей. Летом соединяли скот (по видам скота) вместе, а пастухов на каждый день по очереди из каждой семьи назначал признанный всеми старший в группе (*аксакал*). Он же назначал и день выхода на весенние пастбища. У каждой семьи была отдельная метка на скоте (на ухе), а тамга (тавро) была общей не только для этой группы, но и для более широкого объединения — боркемик.

Во время хозяйственных работ в полеводстве (посев, молотьба) члены группы оказывали помощь друг другу; стремились также помочь, чем могли, строящему дом члену группы. При устройстве семейных праздников (той) и поминок (аш), а также в случае женитьбы советовались со старшим в группе, а затем оказывали и материальную помощь устроителю праздника или отцу жениха (невесты). Тем семьям, у которых было мало овец, помогали шерстью.

Жена аксакала управляла женскими хозяйственными работами в аиле, требующими применения коллективного труда (изготовление войлоков, арканов, циновок из чия, тканных полос для юрты и т. п.).

Если члены группы жили между собой дружно, то кумыс, например приготовляли в одной юрте, куда из остальных семей сносили молоко. Утром кумыс пили все вместе: кто-нибудь сзывал всех: *«келгиле, кымыз ичкиле!»* (приходите, пейте кумыс!). Днем каждый пил кумыс, когда хотел. Овец и коз в каждом хозяйстве доили отдельно. Когда изготовляли *эжигей* (особый

сорт творогoвидного сыра из подвергшегося длительному кипячению овечьего молока), соединялись в небольшие группы по нескольку семей. Все надоенное молоко приносили той или иной хозяйке в порядке очереди.

В прошлом в одну семью, по рассказу Молтоя Байкозуева, входило не более 11—12 человек. Когда женили сына (в порядке старшинства), его отделяли не сразу, а через 2—3 года, затем женили следующего. Дом отца, доставшийся младшему сыну, называли чоң үй — большой дом; отделявшиеся сыновья жили рядом с этим домом. Выделенные сыновья в течение 2—3 лет питались из общего котла у отца; этот порядок и носил название *чоң казан*, т. е. большой котел. В таких семьях употреблялись большие котлы, диаметром в 9 *карыш*[57], емкостью на четвертую часть туши кобылы или на целую овцу.

При встрече Нового года («ноорус») родственные семьи приготовляли общее блюдо — кашу (көжө) из ячменя или пшеницы, проса, которую называли *кудайы* (т. е. угощение с богоугодной целью).

Прочность родственных уз в прошлом, выражавшаяся в тесной связи не только между самыми близкими, но в известной степени и между более отдаленными родственниками по мужской и по женской линии, представляла собой одну из тех форм общественных связей, которые были характерны для патриархально-феодального общества, каким и являлось киргизское общество. Развитие классовых противоречий постепенно ослабляло такого рода связи, они все чаще отступали на задний план перед интересами различных классов, но продолжали играть весьма значительную роль вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Претерпев после революции изменения в сторону еще большего ослабления, эти родственные связи не исчезли, однако, и до последнего времени. При этом, естественно, более отчетливо они проявляются между наиболее близкими родственными семьями, хотя еще не вполне утратили значение и в пределах семейно-родственной группы (бир атанын балдары).

Внешнее проявление этих связей в пределах группы родственных семей мы находили до недавнего времени в форме поселения таких семей поблизости друг от друга. Этого типа расселение явственнее выступает в более удаленных от центра колхозах, менее отчетливо его можно наблюдать и в других местах. В зимнем кол-

хозном селении Рават Баткенского р-на Ошской обл. дома близких родственников расположены группами, как бы небольшими кварталами. Обследование одной такой группы (1951 г.) показало, что она состоит из семей потомков Сейита. Наряду с другими она составляла подразделение Райим-тову (1-ю бригаду колхоза), входящее в группу местных найманов (найман — в прошлом одно из племен группировки ичкилик). В группу сейит входят шесть семей родных и двоюродных братьев, для которых Сейит является прадедом. Они и в летнем поселке живут в юртах и домах, расположенных рядом. По их рассказам, в прошлом, когда они вели кочевой образ жизни, все потомки Сейита во время выпаса соединяли свой скот и пасли его вместе.

В горном колхозе «Октябрь» Гульчинского р-на той же области (1951 г.) дома также располагались небольшими группами: в каждой из них жили семьи одной (или двух-трех) близко связанных по происхождению родственных групп (топ). Эти группы домов были разбросаны по небольшим урочищам и ущельям, имеющим свои наименования, на небольшом расстоянии друг от друга. Одна из групп домов была расположена в урочище Шалба. Здесь проживали семьи, составляющие две ветви: Джээнкул уулу и Байкул уулу (кроме них есть еще три), входящие в группу Джоруп уулу (потомство Джорупа). Из ветви Джээнкул уулу имелось девять семей, из Байкул уулу — три. Была представлена одна семья и из третьей ветви — Сазан уулу. Среди ветви Джээнкул уулу — одна семья внука Джээнкула, шесть семей его правнуков (двоюродных и троюродных братьев) и две семьи правнуков (четвероюродных братьев). В другом урочище — Алмалы — также одной группой жили еще 13 семей потомков Джээнкула: две семьи его внуков, пять семей его правнуков и шесть семей его праправнуков. 75-летнего внука Джээнкула — Амата Тынымсеитова называли *биздин аксакал* (наш старейшина).

Такая же форма расселения в 1951 г. была отмечена в одном из колхозов сельсовета Зергер Узгенского р-на той же области. Близко друг от друга жили, например, 11 семей, составлявших потомство Джюдоша. Среди них представлены восемь семей внуков Джюдоша (двоюродных братьев) и три семьи его правнуков. В 1950 г. из 12 семей, входивших в колхоз им. 15-летия Октября бывш. Ачинского р-на Джалал-Абадской обл.

и составлявших родственную группу Ырай уулу, восемь семей жили поблизости друг от друга, на территории второй бригады колхоза, остальные четыре — на территории первой бригады. Следы подобного расселения были обнаружены и в большом поселке Дархан, на южном побережье Иссык-Куля, и в колхозе «Кызыл Октябрь» Джумгальского р-на на Тянь-Шане и в других местах. В колхозе «Кызыл Октябрь» в 1948 г. имелась группа Токтомат уулу, состоявшая из 12—13 семей потомков Токтомата. Самым старшим и в этой группе являлся один из двух внуков Токтомата — 77-летний Джантай Осмонов. Поэтому Джантая все его родственники почтительно называли *ата*, т. е. отец. Но за этим почтительным отношением в большинстве случаев не скрывалось никакого существенного содержания. По словам стариков, теперь советуются больше не с ними, а с председателем сельсовета или с председателем колхоза. Это, конечно, не совсем так. К мнению стариков в некоторых случаях прислушиваются, с ними считаются, в особенности по вопросам, связанным с разводами, разделом имущества и т. п. Стариков считают живыми носителями национальной традиции[58]. К ним обращаются за советами по поводу тех или иных обычаев во время свадеб, похорон и т. п.[59].

По рассказам членов названных семейно-родственных групп, они до сих пор поддерживают друг друга, в особенности в случае смерти кого-либо из данной группы, а также иногда и в случае женитьбы или выдачи замуж. Внутри сравнительно крупной группы Толубай уулу (28 семей) связи обнаруживаются во время похорон одного из членов группы. Если в одной из семей, входящих в Толубай уулу и живущих в колхозе «Ленин Джол», кто-нибудь умрет (там живут три семьи из этой группы), отсюда (из колхоза «Октябрь», где живут 25 семей) вызывают на похороны всех из Толубай уулу. На свадьбу же приглашаются все соседи-колхозники, независимо от родственной принадлежности[60]. Между двумя частями группы джантай, живущими в колхозах им. Жданова и «Кара-Суу» (в первом — 10 семей, во втором — 30 семей), также имеется связь как между родственниками. Они приглашают друг друга во всех случаях — и плохих *(жамандык)*, и хороших *(жакшылык)*. Когда в колхозе им. Жданова кто-нибудь умирает из членов этой группы, обязательно сообщают джантаям, живущим в колхозе «Кара-Суу»,

и приглашают их на похороны. Однако здесь в обоих случаях речь идет о группах, внутри которых имеются еще более мелкие подразделения (например, в группе джантай: Калыбай балдары, Тӧлӧберди балдары и др.). Между членами последних имеются гораздо более тесные связи[61].

Следует отметить, что нередко более широкие семейно-родственные группы следуют старому порядку захоронения членов группы на общем для нее кладбище. Так, упомянутая группа сейит вместе с другими, входящими в Райим-тову, хоронит своих членов на отдельном кладбище в местности Кош-Дёбё. В колхозе «Октябрь» названные группы Джоруп уулу и Толубай уулу также имеют свои кладбища; первая — Бейиттин мойногу, вторая — Тёрт кюль. В колхозе «Орто кууганды» Джумгальского р-на небольшая семейно-родственная группа сарттар до последнего времени хоронила своих членов на особом кладбище, расположенном за приусадебным участком Ниязалы Орозалиева. До наших дней крупные семейно-родственные группы, проживающие в колхозе «Ала-Тоо» Джеты-Огузского р-на, имели свои особые кладбища. Ак-кюп хоронили в местности Тёш, тойчу — в местности Кашат, кюрюпчек — в местности Карганын коргону и т. д.

В 1953 г. в селении Дархан (Прииссыккулье) Зайнахан Белековой были зафиксированы формы участия членов семейно-родственной группы в расходах, связанных с похоронами Асылкан Белековой. О предстоящих расходах специально совещались старики из семейно-родственной группы Шорук уулу, к которой принадлежала покойная. Все члены группы (в нее входят 30 семей) внесли по 50 руб., а более близкие родственники производили дополнительные затраты. Так, Мурат Дыйканбаев (сын брата мужа покойной) дал одну овцу, 2 пачки чая и 5 м ситца; Курманалы Супатаев (сын брата мужа покойной) — одну козу, одно женское платье и 100 руб.; Ысак Алдашев (двоюродный, по отцу, брат мужа покойной) — одну овцу; жены двоюродных братьев мужа покойной (*абысын*): Ботокан Алдашева — одного козленка, Умут Алдашева — 100 руб.; Калбюбю Мамбетова (дочь брата отца мужа покойной) дала 100 руб.; дочь покойной Мария — кусок мыла, пачку чая, 8 м ситца; другая дочь Кашымкан — 6 м ситца, пару галош и большой платок. Помимо расходов на покупку материала для савана, было израсходовано 600 руб.

для раздачи подарков «на помин души» (*мючё*). Их разделили на три части (по 200 руб.) между представителями «родовых групп» итийбас, ак-кюп и кюрючпек. Кроме оплаты труда по рытью могилы, были вознаграждены и обмывальщицы: им отдавали часть одежды принадлежавшей покойной, а также подаренной родственниками.

Более тесные отношения внутри семейно-родственных групп находят свое выражение в различных формах; в известной степени они воспроизводят те хозяйственные связи между родственными семьями, которые существовали и в прошлом, и имеют характер межсемейной трудовой кооперации. П. Погорельский и В. Батраков дают очень яркое описание принципов и форм такой межсемейной кооперации в условиях полукочевого скотоводческого хозяйства[62]. Некоторые домашние работы, требующие коллективного труда, как изготовление войлока, войлочного или ворсового ковра, поочередное предоставление всеми семьями молока для заготовки впрок молочных продуктов одной хозяйке и др., часто производились сообща родственными семьями. Нам не раз доводилось присутствовать при коллективной работе по устройству глинобитных стен и крыши нового дома, имевшей характер «помочей» (*ашар*). Основное ядро работавших составляли ближайшие родственники хозяина и члены связанных с ним родством и свойством семейно-родственных групп. После окончания работ для всех участников устраивалось угощение.

Трудовая помощь родственных семей друг другу выражается нередко и в передаче на выпас скота из личного хозяйства родственным семьям, занятым в общественном животноводстве. К этому добавим еще и такой вид помощи, как уборка урожая на приусадебном участке сестры-вдовы или родственника. Нередко женщина из родственной семьи приходит с ребенком и в течение чуть ли не целого дня помогает в хозяйственных работах.

Связи между родственными семьями проявлялись не только в разных формах материальной взаимопомощи по случаю различных семейных событий (свадьба, похороны и др.), но также и в помощи по другим поводам. В киргизском обществе издавна практикуется помощь родственникам и сородичам, по тем или иным причинам оказавшимся в тяжелом материальном поло-

жении. Такая помощь носит характер народного обычая, и каждый обращающийся к ней уверенно рассчитывает на то, что он найдет ее у членов той родовой или семейно-родственной группы, к которой он принадлежит.

В процессе изучения семейных отношений пришлось столкнуться и с таким любопытным явлением, как «собирание» по разным причинам рассеявшихся родственников по возможности в одном месте, а иногда и в одну семью. В 1948 г. член колхоза «Қызыл Октябрь» Джумгальского р-на Қармыш Манапов привез из Чуйской долины 9-летнюю девочку-сироту Бурулбюбю Оджурову — дочь сына своего брата (у него с этим братом был один отец, но матери разные). От первой жены отца Бурулбюбю остался еще 12-летний сын Джёргёль, сирота, также живущий в Чуйской долине у дальних родственников. Қармыш собирался поехать и за ним. Рассказывая об этом, он подчеркнул: *инимдин балдарын алып келюу милдети менде* (моя обязанность — привезти детей моего брата). Он хотел привезти еще к себе 17-летнего Дюйшё Курамаева — сына своего сводного брата (от третьей жены отца). Дюйшё работал в колхозе «Қум Арык» в районе с. Қарабалты (Чуйская долина) и жил у своего старшего брата Қасыма. С аналогичными фактами мы встречались и в других местах.

В 1955 г. С. И. Ильясов опубликовал некоторые данные, подтверждающие повсеместное распространение описываемой формы социальной организации у киргизов. Он отмечает, что киргизские роды делились на группы — «бир атанын балдары», которые, по их представлению, являлись потомками одного отца[63]. Такие группы состояли из индивидуальных малых и больших семей. Скот, пашни и луга находились у них в индивидуальном владении, а пастбищами они пользовались на общинных началах. Члены каждой такой группы, считавшие себя кровными родственниками, оказывали друг другу материальную помощь кошумча в случаях устройства тоя или аша, уплаты штрафа, калыма, при похоронах и т. д., а также помогали во время уборки урожая, сена, стрижки овец. Каждый член этой группы считал своей обязанностью охранять стада и территорию данной группы, выступать в защиту любого члена группы и мстить за нанесенную ему обиду. Обычаи оказания материальной и трудовой помощи имели свою силу лишь среди членов данной группы.

Сведения о подобных семейно-родственных группах у киргизов Чуйской долины сообщаются и А. Джумагуловым[64]. Они дополняют ранее опубликованные данные некоторыми деталями. Во время праздников и торжеств придерживались старого порядка, т. е. все члены родственной группы собирались и ели из одного котла. Во время трапезы располагались уже не по семьям, а по возрасту. Кроме трудовой кооперации, между членами этой группы существовали и разные формы материальной взаимопомощи по случаю отдельных семейных событий (свадьба, похороны и поминки, обрезание и т. п.). Каждая семья, входившая в группу, оказывала другим нуждающимся семьям данной группы материальную помощь. Такая форма родственной связи местами сохранилась и в наши дни. Так, например, в селе Бас-Бёльдёк живут в основном две небольшие родственные группы айта и чингыш, относящие себя по происхождению к подразделению бютёш племени солто. Когда в 1954 г. умер Джапар Садырбаев (он был самым уважаемым стариком-аксакалом группы айта), в расходах, вызванных его похоронами, приняли участие более 40 семей — членов группы айта.

Родственные отношения внутри бир атанын балдары и прочие родственные узлы вообще вступают иногда в противоречие с требованиями советской этики, с советским законодательством, с принципом подбора кадров по политическим и деловым качествам. В отдельных колхозах семейно-родственные связи, расстановка людей по родственному признаку использовались в корыстных целях. Возникала круговая порука, которая служила для укрывания нарушителей советских законов. Советская общественность вела и ведет непримиримую борьбу с таким использованием родственных отношений.

Подводя итоги рассмотрения вопроса о реальных звеньях родоплеменной организации у киргизов и некоторых других, в прошлом кочевых народов, мы можем установить, что в наиболее мелких «родовых» подразделениях, чаще всего представленных в виде больших или меньших по размерам семейно-родственных групп, патриархально-родовые традиции облекались в действенную, реальную форму. Между входившими в них семьями существовали тесные хозяйственные, бытовые и идеологические связи, практиковались взаимная материальная и трудовая помощь.

Здесь сохраняли свою силу кровнородственные свя-

зи, применялись некоторые виды межсемейной производственной кооперации (при сохранении частной собственности отдельных семей на скот), проявлялись отдельные черты потребительской общности, внутригрупповой солидарности и т. п. И все это своеобразно переплеталось со все усиливавшимся имущественным неравенством, достигшим по мере своего развития глубокой классовой дифференциации.

Таким образом, и последняя, реально существовавшая «живая» форма родоплеменной организации шла по пути своего неминуемого разложения. Но этот процесс так и не успел закончиться к началу коллективизации. На первых порах он еще продолжался, хотя и замедленными темпами. Только объединение трудящихся среднеазиатских республик и Казахской ССР в новые, социалистические формы сельскохозяйственного производства — колхозы и совхозы, а также вовлечение их в промышленное производство нанесли решающий удар по всем пережиткам родоплеменной организации и подорвали значение вышеописанных патриархальных связей и отношений, особенно характерных для семейно-родственных групп.

Но до недавнего времени семейно-родственные связи, проявлявшие известную живучесть, не всегда оставались нейтральными, в некоторых случаях наносили известный ущерб общественному развитию.

* * *

Сопоставление характерных особенностей семейно-родственных групп, своего рода мелких хозяйственных общин у кочевых и полукочевых в прошлом народов — киргизов, казахов, каракалпаков, туркмен, а также тувинцев, показывает, что все они несомненно являются продуктом разложения патриархальной семейной общины, последующим этапом развития родственных, семейных связей. Но семейно-родственные группы были одновременно и теми мельчайшими подразделениями родов, которые являлись костяком, а в иных случаях и составной частью земельно-водной (туркмены, каракалпаки, часть узбеков и киргизов) и пастбищно-кочевой аильной (аульной) общины у киргизов, как и у ряда других кочевых народов, например у казахов. Эти общины были основной формой их социальной организации.

Возникновение этих общин было свидетельством на-

ступления в далеком прошлом нового этапа общественного развития — перехода к классовому обществу. Эти новые социальные образования по своему внутреннему строению могут быть отнесены к сельским общинам, характерным для оседлых земледельцев. Однако их социальный и хозяйственный уклад, в особенности на ранних этапах развития, еще изобиловал многими чертами первобытной родовой общины.

Особенностью общин у названных выше народов было сохранение формы более древней, родовой общины. Такая община сочетала в себе черты патриархально-родовой и более поздней соседской общины (общины «второй формации», по выражению Маркса). В ней еще не была полностью разорвана та «сильная, но узкая связь», которая находила выражение в кровном родстве ее членов. Но для нее уже был характерен «внутренний дуализм»: общинное земле- и водопользование в земельно-водных общинах сопровождалось парцеллярной обработкой земли и частным присвоением результатов обработки; общинное пользование пастбищам в кочевых аульных общинах сочеталось с частной собственностью на скот.

Внутри этих общин существовало уже глубокое классовое расслоение. Вместе с тем здесь стойко сохранились некоторые патриархально-общинные традиции, проявлявшиеся в совместных хозяйственных начинаниях и в простой кооперации труда, не содержавшей в себе элементов эксплуатации (в земледелии — разного рода работы, связанные с искусственным орошением, в скотоводстве — совместный выпас скота, взаимная помощь в стрижке овец, сенокошении и т. д.).

Соседские (сельские) общины, уже утратившие облик древней общины, продолжали существовать как в изолированных высокогорных районах, в степях и полупустынях, так и в культурных оазисах Средней Азии, в том числе и в экономически развитых районах орошаемого земледелия (среди узбеков и таджиков). Они имели разную форму и находились на различных этапах своего разложения, но всем им был свойствен тот же «внутренний дуализм».

Однако среди этих общин встречались, с одной стороны, общины более архаического типа, основанные на общинно-передельном землепользовании («пайкал»), с другой стороны — общины, в которых сохранялась лишь общая система орошения.

В позднефеодальных городах Средней Азии общинные порядки в той или иной степени отражались в цеховой организации ремесленного производства. Но наряду с общиной — ремесленным цехом, существовала еще, как это показали исследования О. А. Сухаревой, глубоко пережиточная форма общины-квартала, отношения внутри которой являлись реминисценцией соседской, а некоторые их стороны — и первобытной общины. Повседневный быт жителей того или иного квартала был теснейшим образом связан с общинными установлениями[65].

У киргизов также сохранялась такая форма социальной организации, как община. Однако исследованию киргизской общины до сих пор уделялось еще совершенно недостаточное внимание, тогда как, например, казахская община уже подверглась основательному изучению, в частности в трудах советских ученых С. З. Зиманова[66] и В. Ф. Шахматова[67]. Уже после смерти последнего вышел из печати его ценный труд, в котором обобщены исследования казахской общины[68].

Некоторые данные (к сожалению, крайне фрагментарные) о характере киргизской аильной (аульной) общины содержатся в книге К. Усенбаева[69]. Он дает только самое общее представление об этой стороне социального строя киргизов. Попытка более подробного рассмотрения вопроса об аильной общине у киргизов была сделана М. Т. Айтбаевым. Однако в главе своей книги, специально посвященной этому вопросу, автору не удалось дать четкое представление об аильной общине[70]. Более того, теоретическая беспомощность автора привела к тому, что вопрос о структуре и особенностях киргизской аильной общины оказался безнадежно запутанным. Рассуждения М. Т. Айтбаева представляют собой причудливую смесь из обрывков фактов, высказываний классиков марксизма-ленинизма, выписок из художественной литературы и отдельных источников, а главное — взаимоисключающих друг друга догадок и домыслов автора. Достаточно привести лишь несколько примеров. Буквально в одном абзаце (стр. 119) мы встречаем такие фразы: «Киргизская аильная община... являлась все-таки сложной административно-экономической единицей, объединяющей в одно целое десятки и сотни семей». И вслед за этим написано: «Кочевая скотоводческая община состояла из нескольких юрт». «Такая община была не более как совокупность нескольких

домохозяйств, владевших общим аильным местом». И несколько ниже: «Аил дробился на несколько подаилов, т. е. мелких кочевий».

В одних случаях М. Т. Айтбаев ставит знак равенства между общиной и аилом (стр. 118), в других он трактует кочевую общину как сумму входивших в нее аилов (стр. 119). На стр. 124 без всякого пояснения появляются в тексте «семейные общины», а еще ниже мы читаем: «Постепенно внутри отдельных общин начали организовываться товарищества» (?!).

По этому автору, получается, что аильная община на территории Киргизии возникла чуть ли не до возникновения кочевого скотоводства (стр. 116). Не выдерживает критики и попытка классификации общины на «категории» или «формы», в основу которых положен способ найма пастухов.

Таким образом, несмотря на отдельные правильные заключения М. Т. Айтбаева (стр. 131), разработка проблемы киргизской общины не только не была им продвинута вперед, но определенным образом дезориентировала дальнейшие исследования.

С. И. Ильясов, опытный специалист по дореволюционной истории Киргизии, в одной из своих книг также уделил особое внимание рассматриваемой проблеме[71]. На основании данных обследований, проводившихся работниками Переселенческого управления, он анализирует состав и численность кочевых общин в Южной Киргизии и дает определение типа аильной общины у киргизов. Но положения, выдвигаемые С. И. Ильясовым, вызывают много возражений. По существу автор даже не поставил вопроса о генезисе киргизской общины. Как эти общины возникали, когда они приняли современную форму, какую роль в их развитии в период после вхождения Киргизии в состав России сыграли административные мероприятия царских властей — на все эти вопросы нет ответа. В частности, автор не замечает искусственного характера многих общин, образованных административным путем (стр. 185—186).

С. И. Ильясов дает противоречивое и не вполне ясное определение самого понятия общины у киргизов. Он пишет: «Таким образом, общину № 2 нельзя считать родовой и в то же время — чисто территориальной общиной» (стр. 343). «Община (вообще у киргизов,— С. А.) была неродовой, а территориальной, так как члены общины принадлежали к различным родам и пле-

менам. Но в отличие от общин оседлых народов, члены общины кочевников состояли из различных мелких родовых групп, связанных кровным родством и обычаями родовых отношений (стр. 344). На следующей странице (345) мы находим противоположное утверждение, основанное, в частности, на мнении Б. Д. Джамгерчинова, кстати сказать, не ставившего себе целью исследование этой проблемы. «Община у киргизов,— подчеркивает С. И. Ильясов,— считавших себя по генеалогии кровными родственниками, вызывает сомнение потому, что среди кровных родственников было немало чужеродцев. Профессор Б. Джамгерчинов правильно пишет, что «киргизы, ведя экстенсивное пастбищное хозяйство, объединялись в земельно-пастбищные общины по признаку родства, а не соседства, как у оседлых земледельческих народов (разрядка моя,— С. А.)... Но аилы киргизов состояли не только из кровных родственников».

Б. Д. Джамгерчинов, на которого ссылается С. И. Ильясов, отмечает далее в своей книге: «В каждом роде и племени можно было обнаружить много выходцев из других родов и племен... Точно так же в состав аила входили представители разных родов»[72]. Однако в подтверждение этого тезиса не приводится никаких доказательств. Между тем если сказанное Б. Д. Джамгерчиновым можно признать верным по отношению к племенам и родам, то по отношению к аилам такое утверждение не может быть в целом принято, хотя в некоторых случаях в аил и могли входить выходцы из другого (обычно все же родственного) рода.

Признавая правильным довод Б. Д. Джамгерчинова об объединении киргизов в общины по признаку родства, С. И. Ильясов вступает в противоречие с самим собой, и, таким образом, оказывается в трудном положении, пытаясь сформулировать искомое определение. Следует в связи с этим сказать, что, во-первых, было совсем немало общин, состоявших из довольно близких родственников или во всяком случае членов одного рода (что подтверждается даже теми данными, которые приводит сам автор); во-вторых, общину уже нельзя было считать чисто соседской или территориальной, когда она состояла из «мелких родовых групп, связанных кровным родством и обычаями родовых отношений».

С. И. Ильясов безусловно неправ, когда он безогово-

рочно утверждает (стр. 345), что киргизские племена и роды не являлись естественно сложившимися коллективами. Мы считаем более близким к истине положение С. П. Толстова, который называет такого типа образования «естественно выросшими ассоциациями»[73], хотя в процессе своего развития они и претерпевали различные изменения. С. И. Ильясов допускает существование «кровнородственных родов, разраставшихся из семьи». Но это в своей массе либо мелкие родовые подразделения (совпадающие нередко с семейно-родственными группами), либо манапские «фамилии», своего рода «дворянские роды», в состав которых, кстати, включались не только кровные родственники.

С. И. Ильясов не попытался раскрыть того многообразия, которое характеризовало киргизскую аильную общину. Между тем оно очевидно даже из приводимых им материалов. На наш взгляд, за этим многообразием в действительности скрываются различные стадии развития и разложения киргизской пастбищно-кочевой общины. При том разнообразии социально-исторических, географических и хозяйственных условий, в которых существовали киргизские общины, неравномерность их развития была совершенно закономерным явлением.

Все то немногое, что известно нам пока о киргизской аильной общине, позволяет сформулировать лишь некоторые общие положения.

Аильные общины у киргизов продолжали внешне сохранять формы родовых общин. Однако их экономическое содержание было уже совершенно иным. В них входили частные собственники скота, объединенные прежде всего совместным пользованием кочевьями и пастбищами. Производство и присвоение продуктов носили в аильной общине индивидуальный характер, кочевание же и пользование пастбищами строилось на общинном принципе. Но это не было свободное общинное владение землей, распоряжались землей феодалы — бии и манапы. Общинным было фактически не владение, а пользование кочевьями. Внутри аильной общины наблюдались имущественное неравенство, классовое расслоение. Состав таких общин не во всех случаях был однородным. В них иногда были представлены и неродственные группы. Но основное ядро общины составляло то или иное число групп, в которые входили семьи близких родственников. Киргизская кочевая аильная община по

своему экономическому содержанию также вполне соответствовала тому типу общественной организации, какую в применении к земледельческим народам К. Маркс называл сельской общиной.

Внутри «родовых» подразделений и особенно в повседневной жизни семейно-родственных групп продолжали еще бытовать пережитки патриархально-родовых отношений, часто видоизмененные феодалами в своих интересах. Они проявлялись в некоторых сторонах общественной и семейной жизни, а также в идеологии.

У киргизов бытовали обычаи взаимопомощи, в частности в виде объединения для поочередной уборки полей каждого из участников *(алгоо, уюшма)*. Эти формы артельного труда, применявшиеся в наиболее чистом виде в маломощных и бедняцких хозяйствах, нередко служили прикрытием для эксплуатации баями своих бедных соседей. Более устойчивые формы простейшей производственной кооперации сохранялись в скотоводческом хозяйстве. Здесь почти весь цикл сезонных работ, включая и работы по уходу за небольшими посевами, осуществлялся на артельных началах. Для этой цели объединялись иногда до десятка и более хозяйств соседей по зимнему стойбищу, чаще всего являвшихся близкими родственниками.

Празднества (по случаю свадьбы, обрезания), а также тризны, справлявшиеся ранее всем родом и состоявшие из обильных угощений и различных народных увеселений, манапы и баи стали позднее устраивать с особой пышностью, рассматривая их как способ укрепления своего авторитета и влияния, а также немаловажный источник дохода — по обычаю приглашенные на празднество должны были оказать устроителю помощь в виде подношения. Как мы уже отмечали, обязательными для всех близких сородичей обычаями были материальная помощь члену рода, оказавшемуся в особо тяжелых обстоятельствах, в нужде, и трудовая помощь в хозяйстве.

Остатки и пережитки патриархально-родовых отношений способствовали затушевыванию классовых противоречий в киргизском обществе. Отсталость и забитость кочевого населения, неразвитость классового сознания бедноты, пастухов, домашних работников мешали развитию классовой борьбы. Однако эта борьба между аристократической феодальной верхушкой и эксплуатируемой массой рядовых кочевников, земледельцев и

бесскотных пастухов прорывала оболочку патриархальщины и отсталости и находила себе выход. Сами формы классовой борьбы носили крайне отсталый характер и выражались в уходе или откочевке отдельных групп населения из-под власти манапов, отличавшихся особым деспотизмом и жестокостью, в угоне скота у некоторых феодалов-эксплуататоров, убийстве отдельных ненавистных манапов и др. Лишь по мере углубления социальных противоречий классовая борьба постепенно нарастала и принимала более острые формы[74].

Рассмотренные нами различные формы и проявления патриархально-общинного уклада у киргизов существовали вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, а частично сохранялись и в течение первых 10—15 лет после нее. Лишь в ходе строительства социализма, уже в 1930-х годах, патриархально-общинный уклад прекратил свое существование[75].

* * *

В условиях патриархально-феодальных отношений и в тесной связи с патриархально-общинным укладом у киргизов в той или иной степени продолжали сохраняться остатки некоторых институтов, восходящих к глубокой древности. Открытые С. П. Толстовым следы дуальной организации у туркмен, в основе которой лежала двухфратриальная структура племени, были позднее обнаружены и у киргизов[76], и у каракалпаков, и у казахов[77]. В связи с пережитками этой дуальной организации стоит и другое явление, отмеченное Т. А. Жданко у тех же каракалпаков, а именно: определенные отношения под названием «куда», устанавливавшиеся между двумя брачущимися группами и имевшие аналогию и у монголов. К этому необходимо присовокупить открытые Г. И. Карповым у туркмен пережитки аналогичных отношений, которые прямо указывают на двухфратриальную структуру племени как на первичную форму экзогамии. Все члены племени гоклен у туркмен называли всех членов соседнего племени йомут без различия возраста «даи», т. е. дядья по матери, а все йомуты называли всех гокленов «еген», т. е. племянники по материнской линии. Это связывалось с тем, что гоклены в прошлом брали себе жен именно у йомутов. При этом родственники по матери — йомуты считались старшими,

а берущие жен гоклены — младшими. Мало того, в Тедженском р-не Туркмении подразделение племени теке, под названием серге, являлось «даи», т. е. дядьями, по отношению к подразделению аманша того же племени[78].

Наличие подобных пережитков, как довольно обычных, можно отметить и у киргизов. Напомним, что две основные группировки так называемого правого «крыла» родоплеменной структуры киргизов носили названия «тагай» (*тагай* — также дядя по матери) и адигине». И между более мелкими (очень часто родственными) группами у киргизов существовали аналогичные туркменским отношения дядьев и племянников. Так, группа потомков Байкозу (подразделение «рода» боркемик) называла всех членов «рода» ойдёчекти *тай аке,* т. е. дяди по матери, так как первая жена самого Байкозу (она является «матерью» для всех байкозунцев) была взята из ойдёчектинцев. И в дальнейшем байкозунцы чаще всего брали в жены девушек из ойдёчектинцев. Эти представления полностью вытекают из древних норм брачных отношений, когда брат матери одновременно являлся и тестем, а зять — сыном сестры. Таким образом, «род» (или «класс») дядей по матери (тай аке) у киргизов соответствовал описанному Л. Я. Штернбергом роду тестей у гиляков (atk, axmalk), а «род» племянников — сыновей сестры (*жээн*) — роду зятьев у тех же гиляков[79].

Между дядьями по матери и племянниками, как и между соответствующими родовыми группами, существовали отношения, выходившие за рамки обычного родства или свойства.

Мы должны также коснуться вопроса о том типе отношений у киргизов, тоже основанных на брачных связях, которые носят название *куда-сёёк* или *сёёк-тамыр.* После работ В. В. Радлова (особенно его «Aus Sibirien») и Н. А. Аристова укрепилось мнение, что у киргизов, как у южных алтайцев и у хакасов, существовали действительно кровнородственные группы под названием *сёёк.* Вполне вероятно, что когда-то и существовали такие группы, основанные на кровном родстве их членов, поскольку само их название свидетельствует об этом (кирг. сёёк — кость, монг. ясун — род, кость). В доступное же нашему обозрению время слово «сёёк» имеет значение «свойственник, родственник по браку»[80]. Это значение слова «сёёк» было правильно отмечено

Ф. А. Фиельструпом еще в 1924 г.: «С термином суёк, существующим у алтайских и абаканских народов, мы встречаемся и у киргиз, но в то время как в Сибири он обозначает круг лиц, связанных между собой узами кровного родства, у киргиз этим словом называются люди, породнившиеся через брак своих родственников по крови. Нужно сказать все-таки, что смутное представление о том, что суёк является в то же время родством по крови, все же имеется, хотя и не находит себе ясного выражения»[81].

Нам уже не удалось найти даже «смутного представления» об ином толковании термина «сёёк». Им обозначались только отношения по свойству, т. е. те же отношения, что и «куда» у каракалпаков[82]. Понятие «сёёк» практически совпадало с той семейно-родственной группой, откуда другая семейно-родственная группа брала себе жен или куда отдавала в жены своих девушек. Семейно-родственная группа, из которой была, например, взята моя мать или моя жена, была бы для меня и для моих родственников сёёком. Таким образом, в отношениях таких двух групп проявлялись брачные нормы, связанные с экзогамией, хотя и имела у киргизов «поколенный» характер.

В том случае, когда у мужчин умирала жена, или умирала жена брата, или нужно было женить сына, желательно было брать новую жену или невестку для сына из того же сёёка, откуда происходила его мать, жена и т. д., иными словами, нужно было «обновить» сёёк» *(сёёк жаңыртуу керек)*. Если у мужчины жена умерла, то сёёк, из которого она была взята, становился для него старым сёёком *(эски сёёк)*, а тот сёёк, из которого брал он новую жену (если даже она была из старого сёёка) становился для него новым сёёком *(жаңы сёёк)*. Практически оказывалось, что у одного человека могло быть несколько сёёков, с которыми он находился в отношениях свойства.

В некоторых местах был принят порядок, согласно которому покойника обмывали не его родственники, а свойственники из нового сёёка. Иногда полагалось, чтобы один из обмывавших был обязательно из сёёка покойного.

Таким образом, для каждого данного индивида сёёком была та группа людей, из которой происходила его мать или жена. Нередко это был один и тот же сёёк, так как до сих пор считается желательным взять жену

из той же семейно-родственной группы, из которой происходит мать. В свою очередь его собственная группа являлась сёеком для той группы, куда была выдана замуж любая его родственница, и т. д. Эта система отношений представляла собой по своей сути то же самое, о чем мы говорили выше, касаясь племен дядей (по матери) и племен племянников. Все люди, входящие в сёек, считаются по отношению к мужчине и его родственникам, бравшим жен из этого сёека, дядьями (*тай аке*) или тетками (*тай эже*), а сама группа родственников-мужчин — племянниками (жээн) лиц из первой группы.

Отношения между двумя такими группами обычно носят очень родственный характер. Они могут принимать иногда и форму помощи. Много лет назад Узенбай Улаков уехал из Сары-Камышского сельсовета Джумгальского р-на в Чуйскую долину. Здесь, в Сары-Камыше, у него скота не было, жить ему было трудно и он отправился туда, где жили родственники его жены (ее *тёркун*). Они ему помогли там устроиться. Сын его брата, Акмат Джээналиев, учился в г. Фрунзе на 6-месячных курсах председателей колхозов. Он разыскал старика Узенбая и принимал меры к тому, чтобы привести его обратно в свой колхоз «Бирлик».

Другой колхозник, Бектенаалы Орозалиев (из того же колхоза), не мог наладить своих отношений с председателем колхоза и решил переехать на жительство в Сары-Булун, где живут родственники жены. Там он поселился у матери жены, тем более что жена Бектенаалы была ее единственной дочерью.

Сыновья Молдоке Джаркымбаева — Маамыткан и Кара во время Великой Отечественной войны уехали из колхоза «Бирлик» со своими семьями из Джумгальского р-на в Тогуз-Тороуский р-н, в тёркун своей матери — Аимбюбю. В 1950 г. в колхоз «Кызыл Озгёрюш» Уч-Терекского р-на приехал из Базар-Курганского р-на и поступил на работу в качестве бухгалтера Канат Османов. На наш вопрос, почему он приехал именно сюда, последовал ответ: «Здесь живут мои тай аке». В 1938 г. уехал из колхоза «Бирлик» в тёркун своей матери Керимкул Тартаков. Здесь, в колхозе «Бирлик», ему, как сироте, жить было трудно. Он решил поехать к брату своей матери — Рыспаю, поскольку принято считать что близкие тай аке (братья матери) обязательно должны помогать своим племянникам (жээн).

В 1950 г. в колхозе «Эркин-Тоо» Узгенского р-на мы побывали в небольшом домике бригадира Арстанбека Чынгараева. В 1948 г. его построил для себя ветсанитар колхоза Бекмамат Эсеналиев. Сын его сестры Арстанбек недавно женился, и его хотели выделить. Дядя (тага) Бекмамат, обязанный по обычаю позаботиться о своем племяннике (жээн), отдал ему свой новый дом, а для себя позднее построил другой. Этим, несомненно, была отдана дань старой традиции, признававшей законным требование племянника на материальную помощь со стороны брата матери, особенно во время брака. Приведенные факты свидетельствуют о прочности связей с родственниками по материнской линии.

Пережитки двухфратриальной структуры племени и соответствующей ей системы браков, как и пережитки авункулата, прослеживались у ряда кочевых народов Средней Азии. Следует добавить, что у киргизов, казахов, каракалпаков и туркмен в генеалогических преданиях получили отражение следы счета родства по материнской линии, а некоторые группы киргизов еще совсем недавно, называя свою родовую принадлежность, упоминали имя своего предка-женщины (Кюрючпек у чекир-саякцев, Мамаш — у солтинцев, Барчаке уулу и Чолпон уулу — у бугинцев, Зуура эли — у саякцев и др.).

С. П. Толстову мы обязаны открытием у туркмен древнейшей формы военной организации, связанной с существованием возрастных классов. У туркмен имелись группы молодежи «ак ойлу», которые должны были охранять границы племени[83]. Из материалов В. Л. Вяткина о каршинских узбеках видно, что весьма близкая по характеру повинность «ак уйли» сохранялась и у узбеков[84]. Киргизский эпос «Манас» также содержит некоторые указания на отряды из молодежи, охранявшие границы кочевий. Данные о своеобразной корпорации молодежи хорошо прослеживаются в эпизодах о юношеских годах Манаса.

Все это, вместе взятое, не говоря уже о древних элементах в формах брака, в свадебном и других обрядах, свидетельствует о значительном пласте допатриархальных институтов, которые сохранялись у кочевых народов Средней Азии с исключительной стойкостью, несмотря на многовековое господство патриархально-феодальных отношений. Объяснить это можно только тем, что кочевые общества пережили в свое время такой бурный про-

цесс перехода от доклассового к классовому обществу, при котором материнско-родовая организация претерпевала свой постепенный распад уже в условиях складывавшихся и затем быстро укрепившихся классовых отношений. Возможность такого перехода от материнского строя к классовому, минуя промежуточные этапы, была широко аргументирована С. П. Толстовым[85].

* * *

В появившемся сравнительно недавно исследовании американского антрополога Л. Крадера[86] предпринята попытка на обширном материале, относящемся к монголам Ордоса, бурятам, волжским калмыкам, казахам и монголам на Ганьсу-Тибетской границе, проанализировать наиболее характерные черты социальной организации тюрко-монгольских кочевников-скотоводов. Основанная на изучении трудов преимущественно русских, советских и западно-европейских авторов, монография Л. Крадера содержит обстоятельную сводку данных о социальной структуре названных народов. В ней подробно рассматриваются племенной строй, родовая организация, типы поселений, семья и брак, терминология и системы родства и другие вопросы социальных отношений. Ряд обобщений и выводов, к которым приходит автор, представляет значительный интерес. Однако многое в этой книге, еще ожидающей обстоятельного рассмотрения, не может удовлетворить современных советских исследователей, ряд трудов которых к тому же не был использован автором. В то же время некоторые весьма ответственные положения Л. Крадера вызывают серьезные возражения, не говоря уже о явно ошибочных трактовках отдельных вопросов. Так, касаясь киргизов, Л. Крадер пишет, что некоторые из поздних тюркских групп, носивших это название, были и несомненно являются в общем биологическими потомками ранних киргизов[87], что, конечно, не может быть теперь принято.

Оставив вне поля своего зрения многие другие тюркоязычные народы, ведшие в прошлом кочевой и полукочевой образ жизни (крупные группы узбеков, туркмен, каракалпаков, киргизов, тувинцев, алтайцев, башкир), и ограничившись исследованием лишь казахов, Л. Крадер экстраполирует данные, относящиеся к казахам и монголоязычным народам, на всех тюрков-кочев-

ников, что едва ли правомерно. Приводимые им сравнительные данные по другим народам имеют эпизодический, случайный характер и не спасают положения. Хотя у всех названных народов и могут быть прослежены некоторые общие черты в их социальной организации, все же у каждого из них имелась своя специфика, которая требует должного внимания и учета.

Едва ли можно считать обоснованным мнение Л. Крадера о том, что для периода средневековья трудно найти данные, на основании которых возможен анализ родственных и социальных отношений, поскольку тонкие нюансы различий в социальной структуре между тюрками и монголами не отражены в документах этого периода[88]. Эти различия существовали, и многочисленные публикации источников по истории Центральной и Средней Азии и Казахстана позволяют их исследовать.

Касаясь конкретно соотношения рода, семьи, аула в казахском обществе, автор выпускает из вида два важных социальных звена: кочевую аульную общину и семейно-родственную группу («ата баласы»). По существу казахский аул Л. Крадер представляет себе как большую или разросшуюся (расширенную) семью, тогда как в действительности он обычно представлял собой группу родственных семей, ведущих каждая в отдельности индивидуальное хозяйство. Однако такая группа или несколько подобных групп представляли собой не только родственное объединение, но и хозяйственный коллектив — кочевую общину, жившую по свойственным ей законам. Эту общину автор не исследует.

Не вдаваясь в подробное рассмотрение исходных позиций Л. Крадера, необходимо отметить, на наш взгляд, неверные толкования важнейших из них. Хронологически работа Л. Крадера охватывает период от ранних тюрков и по XX в. Но трудно найти в ней характеристику господствовавших до недавнего времени у степных народов Азии социально-экономических отношений, характеристику феодализма. Классы здесь подменены сословиями (имеются в виду «белая кость» и «черная кость»). Обходя решающие в истории социально-экономические факторы Л. Крадер приходит к гипертрофированной оценке кровнородственных связей. По мнению Л. Крадера, «государство сохраняет единокровную организацию общества»[89], «родство по мужской линии есть основа для всех социальных связей в степях Азии, включая политические»[90], у скотоводческих народов

Азии «политические и другие социальные связи основаны на кровных связях»[91]. С этой концепцией, пронизывающей все исследование Л. Крадера, согласиться невозможно.

Приведу в этой связи очень существенное замечание Л. П. Лащука, относящееся к первобытному обществу (а тем более к классовому, которое анализирует Л. Крадер): «Нет никаких оснований превращать кровнородственные связи в самостоятельную сущность (имманентную категорию) исторического движения доклассового общества. И какими бы естественными, изначально данными эти связи не представлялись, в социально-исторической действительности они опосредствованы отношениями по добыванию материальных благ. Материально-общественным основанием взаимоотношения людей архаической формации были «те условия, при которых они обмениваются деятельностью и участвуют в совокупном производстве» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 6, стр. 441). Раскрыть эту динамическую систему отношений — задача современных историков и социологов»[92]. Этой сложной системы социальных отношений у рассматриваемых народов Л. Крадеру, к сожалению, раскрыть не удалось. Этому помешала и та теория «корпоративной родственной группы», из которой автор исходит при анализе сословий, кланов, родов, родственных поселений и «расширенной» семьи. Все эти социальные образования Л. Крадер рассматривает как звенья «корпоративной системы». Названная теория не оказалась и не могла оказаться тем «ключом», который позволил бы правильно оценить соотношение и роль всех слагаемых социальной структуры кочевников-скотоводов.

В заключение необходимо указать и на абсолютизацию «расширенной» семьи для всего обозреваемого автором периода. Л. Крадер пишет: «...семья во всех степных обществах — расширенного типа... расширенная семья в степи является корпорацией»[93]. И далее: «..кочевая семья и поселение олицетворяют все принципы социальной организации»[94]. Если для самого раннего периода истории тюркских и монгольских народов мысль о преобладании «расширенной» семьи (семейной общины) может быть поддержана, то для последующего, более чем тысячелетнего периода «расширенная» семья уже не могла занимать того места, которое ей отводит Л. Крадер.

Самые общие соображения, которые были здесь вы-

сказаны по поводу книги одного из американских исследователей, показывают, что при всех ее достоинствах она содержит и очень существенные недостатки, коренящиеся в теоретических позициях Л. Крадера. Изыскания советских ученых, а также материалы, изложенные в данной главе[95], свидетельствуют об иных, более плодотворных возможностях, которыми располагают советские этнографы и социологи, базирующиеся на теории исторического материализма.